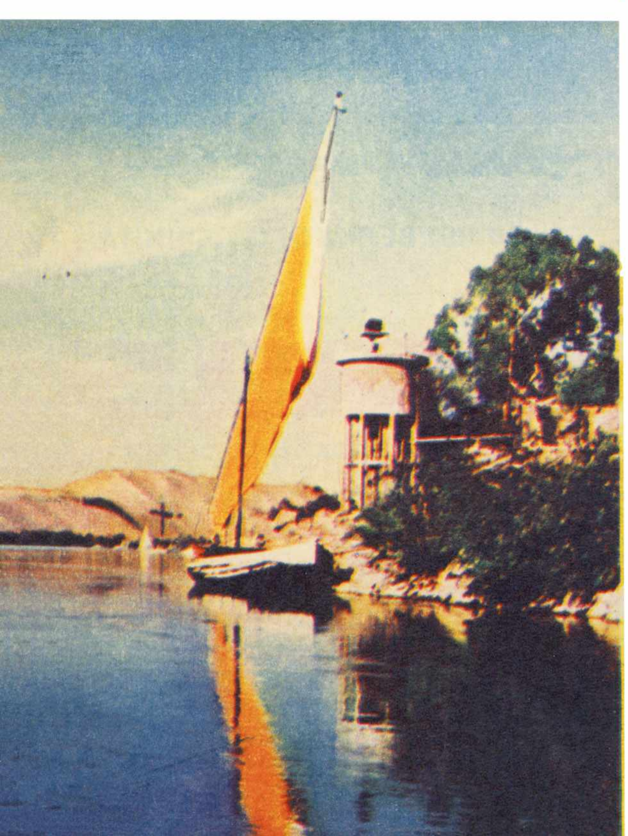

ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Начинали они: Ф. И. Павлов, В. М. Сидельников, Я. М. Кондратьев.

50 ЛЕТ ВЕЛИКОГО ПОЧИНА

НА УЛИЦЕ ИВАНА БУРАКОВА

Этот репортаж наши корреспонденты ведут из депо Москва-Сортировочная. Здесь 50 лет назад состоялся первый коммунистический субботник — событие, которое Владимир Ильич назвал великим почином.

Год спустя, 1 мая 1920 года, был проведен Всероссийский субботник, в котором, как известно, участвовал и Владимир Ильич. Тогда же Ленин написал: «Наши субботники за один год сделали громадный шаг вперед... Мы придем к победе коммунистического труда!»

Сегодня, 12 апреля, по почину москвичей, миллионы советских людей выйдут на юбилейный коммунистический субботник. Этот день станет поистине праздником труда...

12 АПРЕЛЯ

миллионы советских людей выйдут на юбилейный коммунистический субботник

З. ХИРЕН

Фото Д. УХТОМСКОГО.

ТРАДИЦИИ

Купив железнодорожный билет, мы менее всего интересуемся тем, кто поведет поезд, какая работа скрыта за крошечным этим картонным прямоугольником, пробитым компостером. Мы просто занимаем указанное место и ждем отправления.

На сей раз билета покупать не пришлось. Мы оказались как бы за кулисами прямоугольничка, впитавшего в себя труд многих тысяч людей.

Мы на улице Буракова, едва ли не на одной из самых тихих в столице. Часть ее населения почти половину жизни проводит в пути. Это машинисты, их помощники. Люди большой отваги и больших технических знаний. Но и те, кто по роду работы остается в цехах, все равно как бы незримо присутствуют на локомотивах, когда они мчатся по просторам Родины.

Улица Буракова недавно стала так называться. Прежде это был проезд Соколиной Горы. По решению исполкома Моссовета ее назвали именем председателя партийной ячейки депо слесаря Ивана Ефимовича Буракова. Он в начале апреля 1919 года под впечатлением услышанной на чрезвычайном пленуме Моссовета речи Владимира Ильича прибежал в депо, собрал коммунистов и призвал их в срочном порядке за ночь бесплатно отремонтировать три паровоза. К ним тотчас же прицепили воинские эшелоны, отправившиеся на фронт.

Кем же он был, Иван Ефимович Бураков? Откуда пришел сюда в депо? Рассказывают, что еще в октябре 1917 года он входил в местный революционный комитет, был одним из организаторов Красной гвардии, заложил фундамент рабочего клуба, был делегатом XIV и XV съездов партии, учился в Коммунистическом университете имени Свердлова.

Позднее я разыскал семью Ивана Ефимовича и узнал многое о жизни этого замечательного коммуниста. Он родился близ Можайска, в очень бедной крестьянской семье. Иван ушел на заработки в город, чтобы можно было присылать в деревню деньги. Я разговаривал с дочерью Буракова Ксенией Ивановной. Когда-то и она трудилась в депо. А сейчас служит на Центральной телефонной станции. Она говорит, что отец не мог ни одной минуты сидеть без дела. Дома столярничал, изготовлял скамейки, полки, табуретки даже тогда, когда в них нужды не было. А поедет в санаторий, первым делом расспросит, где тут поблизости колхоз или совхоз, приходит и спрашивает: «Чем помочь могу?» Вскоре после войны он сказал Ксении Ивановне: «Дочь, давай съездим ко мне в деревню, на родину, посмотрим, как там все обстоит. Может, помочь сумеем».

Нынешний секретарь партийного комитета молодой инженер Валентин Сергеевич Добычин, в прошлом тоже слесарь, как и Бураков, сейчас руководит подготовкой к юбилейному коммунистическому субботнику.

— Вообще-то техническое вооружение нашего депо,— сказал он,— не вызывает необходимости производить ремонт локомотивов так, как это делали пятьдесят лет назад. Теперь ремонт у нас плановый, ждать локомотивов поездам нет надобности. Все идет по строгому графику. И даже нынешней зимой, когда из-за лютых морозов мы получали с других дорог поезда с очень большим опозданием, в Москву доставляли их точно по расписанию. И в цехах созданы у нас условия другие. Вы, наверное, обратили внимание, как там много света, не утомляющих глаз красок, сколько там удобных верстаков. Все это у нас называется научной организацией труда. И еще заметили вы, наверное, сколько цветников, садов на территории депо. Посадки производятся каждый год 12 апреля. Многие старые рабочие привозят в этот день свои собственные деревья, кусты, чтобы оставить память о себе в депо. Традиции! Вот и в нынешнем году на субботнике мы отремонтируем три локомотива: один из них электровоз ВЛ — «Владимир Ленин». В числе ста эстафетных поездов он повезет народнохозяйственный груз. Второй — «ЧС-2», пассажирский. Этот направится на родину Владимира Ильича, в Ульяновск. А третий — комсомольский тепловоз серии «ТЭ-1» № 026 — будет маневрировать на станции.

Потом разговор переключается на другую тему: продолжатели великого почина. И первый, кого называет секретарь парткома,— это мастер Жуков.

ХОЗЯИН

Виктор Жуков — мастер автоматного цеха. Молод, ему и двадцати семи еще нет. Спокойные светлые глаза. Внимателен, радушен, старается все растолковать, ответить на все вопросы. Чувствуется прирожденный педагог. Показывает прибор, который записывает, с какой скоростью идет локомотив, когда произведено торможение, какие путевые сигналы встретились. Это скоростемер.

Далее Жуков говорит о зиме, которая и для его цеха была суровым испытанием.

Слушаю и стараюсь уловить главное в характере Жукова. Меня, например, интересуют его взаимоотношения с подчиненными. Их у него тридцать, и все люди самой высокой квалификации. А по возрасту многие ему в отцы годятся. Не мешает ли последнее обстоятельство молодому мастеру?

— Что вы,— усмехается Жуков.

И тут же излагает, каких придерживается правил.

— Никогда не повышать голоса, разговаривая с подчиненными, стараться не прибегать к взысканиям. Просто надо добиться, чтобы каждый человек ясно представлял значение выполняемой им работы. Наши приборы обеспечивают безопасность движения поездов, и я, как умею, объясняю всем, что это значит. Люди понимают: малейшая неточность может привести к большим бедам. Еще одно кажется мне очень важным — товарищеская взаимопомощь. Нетерпимо, когда один, кончив работу, относится безразлично к тому, что у другого дело не спорится. Ну и, конечно, чтоб не было ссор, конфликтов, антагонизма. Это, я думаю, вы и без меня знаете.

Жуков стал слесарем, еще не окончив десятилетку. Среднее образование завершил в вечерней школе рабочей молодежи. Потом Виктор Жуков окончил Институт инженеров железнодорожного транспорта и поступил в депо помощником машиниста. Некоторое время бригадирствовал, и вот уже три года мастер. Нравится ли ему его работа?

— Да, очень. Каждый день отличается от другого. Я не замечаю, как летит время. Весь день с людьми.

Очень много о Жукове я слышал от машинистов. О нем говорили с каким-то особенным удовольствием, с симпатией. Одни называли его хорошим советчиком по части тормозов, другие хвалили его лекции, которые никто не пропускает, а бывает, что приезжают послушать и из других депо. Больше всего уважают Жукова за то, что он в любое время и даже в воскресенье готов прийти на помощь. Не было случая, чтобы кому-нибудь отказал. Называют его «правой рукой» машинистов. И это действительно так.

ВИЗИТ Н. В. ПОДГОРНОГО В МАРОККО

Н. В. Подгорный и король Марокко Хасан II (слева) отвечают на приветствия жителей Рабата.
Телефото спецкора ТАСС В. Мусаэльяна.

7 апреля в Москву из Марокко возвратился Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный. По приглашению Председателя Революционного совета, Председателя Совета Министров Алжирской Народной Демократической Республики Хуари Бумедьена он посетил с официальным визитом Алжир. По приглашению короля Хасана II Н. В. Подгорный побывал с официальным визитом в Марокко.

Главе Советского государства был оказан радушный прием на марокканской земле. «Этот прием,— отметил Н. В. Подгорный,— отражает дружеские чувства народа Марокко к советскому народу, в чем мы видим одну из основ дальнейшего развития, углубления взаимовыгодного сотрудничества между Советским Союзом и Марокко».

В ходе визита состоялись переговоры, на которых были рассмотрены нынешнее состояние советско-марокканских отношений и перспективы их развития, а также был проведен широкий обмен мнениями по международным проблемам.

Переговоры, отмеченные большой сердечностью, проходили в обстановке взаимопонимания и дружбы.

Особое внимание было уделено рассмотрению положения на Ближнем Востоке, создавшегося в результате агрессивных действий Израиля против арабских стран.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный пригласил его величество короля Марокко Хасана II посетить Советский Союз. Это приглашение было с удовлетворением принято.

Но вот попадаю на собрание партийно-хозяйственного актива и слышу, как слово просит Жуков. Он и на трибуне такой же застенчивый, робкий. Начал разговор с «деталюшек». Так назвал он запасные части, отсутствие которых ведет к большим ненужным затратам.

— В минувшем году мы достигли неплохих технико-экономических показателей. Но они могли бы быть куда выше, если бы каждый рубль, вложенный в дело, давал максимальную отдачу. Компрессоры требуют ремонта, а нам предлагают заменять их новыми. Но ведь каждый новый стоит шестьсот рублей, в то время как ремонт обошелся бы в десятки раз дешевле.

Такова точка зрения рачительного хозяина...

ТРИ ВЕТЕРАНА

Втроем стоят они у знамен депо в музее «Великий почин». Да, так именно называется музей, в котором собраны все реликвии, связанные с первым коммунистическим субботником, начиная с фотокопий рукописи Ленина «Великий почин» и кончая историческим паровозом Ов 7024.

Трое — это машинист Яков Михайлович Кондратьев, котельщик Федор Иванович Павлов и слесарь Василий Михайлович Сидельников. Ветераны, они и сейчас первые активисты партийной организации. Без них не обходится ни одно посвящение молодых рабочих в помощники машиниста. Уходят из депо сверхплановые тяжеловесные составы — так тут отмечают столетие со дня рождения В. И. Ленина. А провожать первый такой состав поручили Я. Кондратьеву.

Федор Иванович Павлов все эти годы продолжал оставаться котельщиком. Устанавливал котлы во многих городах страны, выезжал даже в Болгарию для установки турбин, за что и награжден болгарским орденом. Кондратьев и Сидельников были делегатами XV съезда партии, вели все эти годы большую партийную работу. Но самым значительным и ярким событием своей жизни все трое считают 12 апреля 1919 года. Первый ленинский субботник!

Вскоре мы их встретили среди пионеров, возле памятного паровоза. Ребята, вооружившись паклей, тряпками, облепили его. Мелькают белые рубашки, красные галстуки. Тут же неподалеку и Яков Михайлович Кондратьев. Он с любовью глядел на пионеров, прислушивался к спору ребят о железном сундучке. Сундучок они увидели в музее. И теперь одни утверждают, что это почтовый ящик для газет и журналов, только старинный, а другие — что это канистра для бензина.

— Нет, в те времена не так уж много было газет и журналов, чтобы обзаводиться специальным ящиком,— вмешался в спор Кондратьев.— Это, ребята, мой собственный сундучок, сундучок машиниста. В нем хранил провизию, маршрутные листы...

...Через несколько дней Яков Михайлович звонит мне по телефону и спрашивает: «Помните, ребята говорили о газетах в сундучке, так знаете, они в общем-то, наверное, правы. Я в партию вступил в 1918 году, но в депо работаю с 1909 года. У нас было немало большевиков-подпольщиков, и, конечно же, были у них соответствующие газеты. А куда их прятать, как не в сундучок?! Нет, нет, это я ошибся, пионеры правильно сказали. И еще забыл вам рассказать про то, как к нам в двадцатом году гости приезжали, делегаты Второго конгресса Коминтерна. Узнав о том, что Ленин участвовал в субботнике, они пожелали также внести свою лепту в это дело. Стояла жаркая погода, и иностранцы, вооружившись лопатами, ломами, скинув рубахи, трудились до позднего вечера. Это очень важно. Это говорит об интернациональном значении великого почина.

ПЕРВЫЙ САЛЮТ СЫНА

Сын машиниста Александра Ивановича Жаринова — Геннадий — впервые повел поезд. Факт в общем-то не из ряда вон выходящий. Не раз слышали мы, как к фамилиям некоторых железнодорожников прибавляют «старший», «младший». Тут никого не удивишь, и все же интересно быть свидетелем зарождения еще одной династии.

...Кто-то пошутил: «Неплохо бы узнать на медпункте, кто больше в тот день волновался — отец или сын!» Дело в том, что ни один машинист не может отправиться в рейс, не пройдя медицинского освидетельствования. Первым делом им измеряют кровяное давление. Ну, а по результатам можно судить и об эмоциях водителя поезда.

Александр Иванович — один из выдающихся машинистов. У него десятки учеников. Его называют «комсомольцем тридцатых годов», но он и сейчас, когда ему перевалило за пятьдесят, возглавляет комсомольско-молодежную колонну депо.

И вот разговор, на сей раз с Жариновым-старшим:

— Что скрывать,— начал Александр Иванович.— Я сильно волновался. Сами понимаете, хотел сынка подбодрить, напутствие, что ли, дать ему, а времени в обрез. Ему в рейс с тяжеловесным составом и мне. И что же? Слышу за спиной: «Машинист должен быть собранным, чтоб поезд вести, требуется выдержка». Это все не я говорю Геннадию, а он мне. Что оставалось делать? Обнял, расцеловались, и вслед крикнул ему: «Помни, чтоб не только за сигналами следил, но и машину не забывал, с первого раза схватил ее дыхание!..»

— Ну и как, схватил?

— Безусловно,—счастливо улыбнулся Жаринов-младший.— Возле Люберец на путях встретились мы с отцом и, как положено настоящим машинистам, отсалютовали друг другу.

РОВЕСНИК ПОБЕДЫ

Володю Щербакова я увидел в комитете комсомола после того, как он привел со станции Черусти точно по расписанию скорый поезд № 27 Москва — Казань. Высокий, смуглый, изящный, сидел он среди своих ребят-комсомольцев и о чем-то горячо рассказывал.

Мы уже знали, что Володя 1945 года рождения, ровесник победы, что избран в депутаты Перловского райсовета. Вместе с товарищами подписал он обращение к комсомольцам страны о проведении в связи с 50-летием великого почина юбилейного субботника. Мы знали, что Щербаков — самый молодой машинист в депо, и хотелось услышать от него, нравится ли ему его профессия. Он начал издалека:

— Пассажир в пути видит все сбоку. А машинисту мир раскрывается во всю ширь. Солнце громадным огненным кругом катится прямо к нам в кабину. Это, знаете, не шутка. А на полной скорости посреди ночи ворваться в лесную чащу, осветив ее прожектором локомотива, или змейкой взвиться вокруг горы... Или вот летом: выключишь вентилятор, приоткроешь чуть-чуть окно и приготовишься слушать на 189-м километре концерт соловья. Причем всегда на одном и том же километре. Длится концерт какую-нибудь долю секунды, но какая же это, скажу я вам, прекрасная доля!.. Впрочем, у нас, машинистов, все измеряется секундами и долями секунд. Посудите сами, если поезд идет со скоростью сто двадцать километров в час,— это значит, что в секунду он делает тридцать три метра. Кажется, что можно успеть решить за секунду? Представьте себе, очень и очень многое. И если бы машинисты этой способностью не обладали, то на дорогах получился бы непроходимый сбой. А тут еще учтите: все время надо выбирать экономные режимы скорости, знать не только машину, но и профиль пути, спуски, подъемы, каждый кустик. Если хотите знать, то иногда меня охватывает такое ощущение, будто вместе с локомотивом составляем мы одно целое...

* * *

— Двенадцатого апреля,— говорит, прощаясь с нами, секретарь партийного комитета В. С. Добычин,— по почину рабочих нашего депо будет проведен всесоюзный коммунистический субботник. Весь коллектив депо, где родился великий почин, активно готовится к этому субботнику. Рядом с молодыми будут трудиться и старики, ветераны, в том числе и те трое, с которыми вы познакомились...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 15 (2180)

12 АПРЕЛЯ 1969

Основан 1 апреля 1923 года

НАПАЛМ И ЛИЦЕМЕРИЕ

Николай ПАСТУХОВ

История международных отношений не раз была свидетелем того, как стороны, участвующие, казалось бы, в самых острых, самых непримиримых конфликтах, довольно быстро приходили к общему соглашению за столом переговоров. Однако пример парижских четырехсторонних встреч между ДРВ, Национальным Фронтом Освобождения Южного Вьетнама, США и представителями сайгонского режима, пожалуй, беспрецедентен в дипломатической практике.

Они продолжаются вот уже шесть месяцев, и в ближайшем будущем не видно их логического завершения. Поэтому сегодня каждый вправе спросить: кто же тормозит переговоры? Насколько вообще близка к мирному урегулированию вьетнамская проблема?

Новая американская администрация Ричарда Никсона отвечает на эти вопросы примерно так: господа, наберитесь терпения, все идет нормально! Ведь мы не возобновляем бомбардировок Северного Вьетнама, на парижских переговорах наблюдается определенный прогресс, а наше командование разрабатывает планы поэтапного вывода войск из Южного Вьетнама.

То, что подобного рода высказывания носят чисто пропагандистский характер, сейчас становится все более и более очевидным. Об этом, в частности, свидетельствуют резкие высказывания зарубежной печати, разоблачающей политику нового президента США и его безуспешные попытки отмежеваться от тяжкого политического наследия, оставленного прежним хозяином Белого дома. Начинают задумываться над происходящим американские сенаторы. Один из них, Марк Хэтфилд, видимо, имел все основания две недели назад заявить, что после так называемого прекращения эскалации «мы фактически расширили бомбардировки Вьетнама, а также усилили действия наших наземных войск».

Все это, конечно, убедительные аргументы, показывающие фальшивость заявлений Никсона и его ближайших коллег по выработке «нового» курса. Но я хотел бы привести и другие свидетельства того, что маневрирование Никсона рассчитано всего лишь на пропагандистский эффект. Дело в том, что недавно мне посчастливилось в составе группы специальных корреспондентов нашего журнала побывать в Демократической Республике Вьетнам, совершить волнующую, полную ярких, незабываемых впечатлений поездку от Ханоя до демилитаризованной зоны (район 17-й параллели), образованной в соответствии с Женевскими соглашениями 1954 года.

В Ханое меня принял заведующий отделом печати МИД ДРВ товарищ Нго Диен. Несколько часов продолжалась задушевная, откровенная беседа, в ходе которой Нго Диен на основе неопровержимых фактов убедительно доказал, что политика Ричарда Никсона во вьетнамском вопросе, по сути дела, мало чем отличается от политики Джонсона: агрессивная война против вьетнамского народа продолжается; усиливаются варварские бомбежки Южного Вьетнама, сферу военных действий США переносят на Лаос и Камбоджу; американское командование превратило демилитаризованную зону в зону войны. Таким образом, новый президент США, отметил мой собеседник, желает во что бы то ни стало сохранить американское господство в Южном Вьетнаме, а это противоречит воле вьетнамского народа.

— Поезжайте в район 17-й параллели, в устье реки Бен-Хай, в провинцию Куанг-Бинь,— сказал Нго Диен на прощание,— и вы в этом сами убедитесь.

Путь от Ханоя на юг лежал через руины городов, бесконечную вереницу больших и малых воронок по дороге. Я смотрел на эти ужасные разрушения и думал о гордых людях, которых ничто и никто не в состоянии поставить на колени. Они это уже доказали, выстояв в героической борьбе, окрепнув в труде по восстановлению своего хозяйства.

17-я параллель... Здесь, в районе демилитаризованной зоны, бесчинствуют морские пехотинцы под командованием американского генерала Реймонда Дэвиса. Здесь, у берегов Тонкинского залива, или Бак Бо, как его называют вьетнамцы, американский линкор «Нью-Джерси» подвергает массированному артиллерийскому обстрелу устье реки Бен-Хай, где крестьяне выращивают чай и каучуконосы, занимаются рыбным промыслом. Здесь с авианосцев, которые стоят на рейде рядом с «Нью-Джерси», поднимаются в воздух «фантомы» и совершают варварские бомбардировки деревень, дамб и рисовых плантаций провинции Куанг-Бинь, уничтожают стада буйволов. Кстати, провинция Куанг-Бинь находится в южной части территории ДРВ.

А американская пропаганда призывает «к терпению», разглагольствует об «ускоренном умиротворении» и о том, что все идет «нормально». Но терпение международной общественности, и в том числе американской, лопается. Не случайно в эти дни в Нью-Йорке и Филадельфии, Сан-Франциско и Вашингтоне, у стен Белого дома, прокатилась волна массовых демонстраций, требующих уже непосредственно от Никсона немедленного прекращения кровопролития на вьетнамской земле.

...В провинции Куанг-Бинь мы повстречали девушку с лирическим именем Лиен, что означает Лотос. Не знавшая счастья любви и материнства, она стала инвалидом по воле бандита, сбросившего на нее шариковую бомбу.

— Лиен, ты ненавидишь американцев? — спросил я ее.

— Только тех, кто пришел на нашу землю и кто их посылает сюда.

...А в Париже все еще продолжаются переговоры. Во Вьетнам прибывают новые самолеты, новые воинские подразделения. Железо и огонь продолжает падать на землю Вьетнама.

ДЕМЬЯН СЕРГЕЕВИЧ КОРОТЧЕНКО

7 апреля 1969 года скоропостижно скончался видный партийный и государственный деятель, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК КП Украины, Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР, Герой Социалистического Труда Демьян Сергеевич Коротченко.

Д. С. Коротченко родился в 1894 году в селе Погребки, Шосткинского района, Сумской области, с детских лет был батраком, затем рабочим на железной дороге и на заводе в г. Шостке.

Во время Великой Октябрьской социалистической революции Д. С. Коротченко принимает активное участие в борьбе за становление и укрепление Советской власти на Украине.

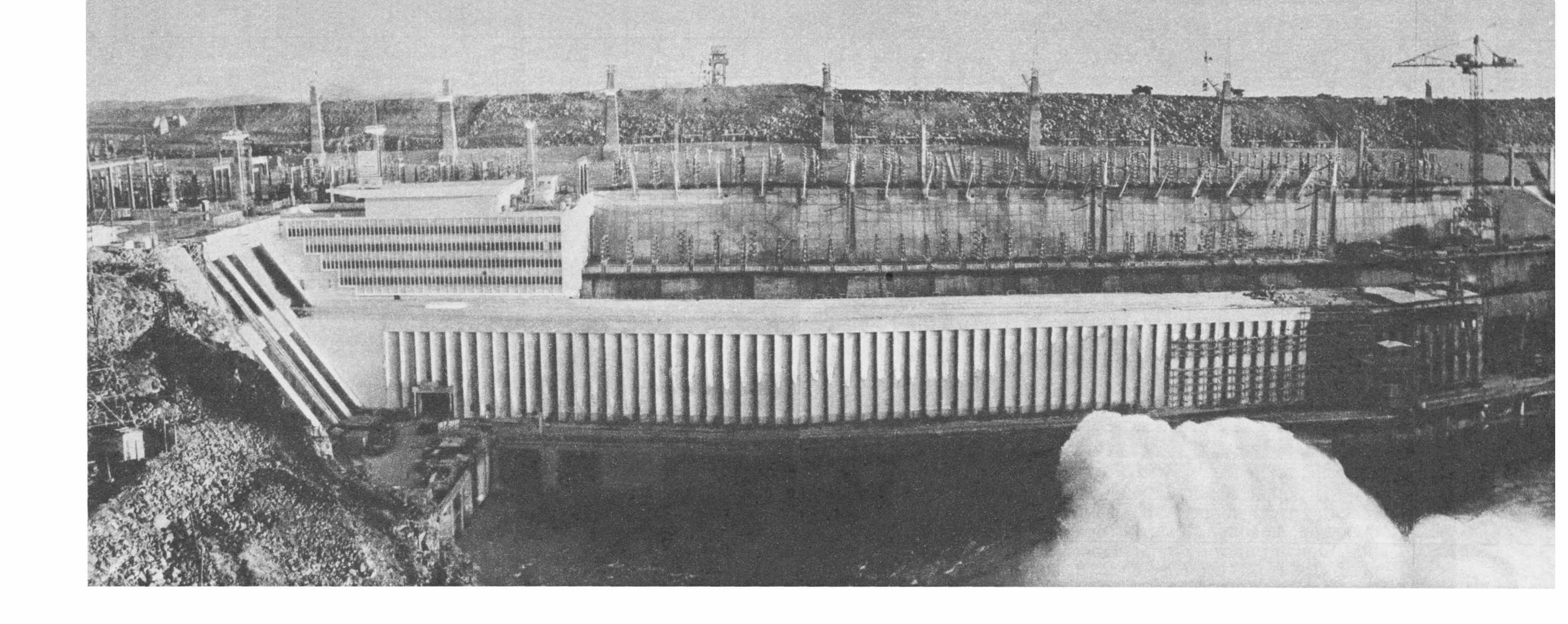
В 1918 году Д. С. Коротченко вступает в ряды Коммунистической партии. С 1919 года он находится в Красной Армии на партийно-политической работе. После окончания гражданской войны Демьян Сергеевич на руководящей партийной работе. С 1924 года — секретарь Черниговского и Первомайского окружкомов партии, а затем слушатель курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б).

В 1931 году Д. С. Коротченко избирается председателем исполкома Бауманского районного Совета депутатов трудящихся города Москвы, затем работает секретарем Бауманского и Первомайского райкомов партии города Москвы, секретарем Московского и первым секретарем Западного (гор. Смоленск) областных комитетов ВКП(б), а с ноября 1937 года — первым секретарем Днепропетровского обкома КП(б) Украины. В 1938 году Д. С. Коротченко назначается Председателем Совета Народных Комиссаров Украинской ССР, а в 1939 году избирается секретарем Центрального Комитета КП(б)У.

В годы Великой Отечественной войны Демьян Сергеевич вел большую работу по мобилизации украинского народа на борьбу против немецко-фашистских захватчиков, отдавал много сил и энергии организации партизанского движения на временно оккупированной территории Украины.

В послевоенный период Д. С. Коротченко, находясь на посту Председателя Совета Министров Украинской ССР, а с января 1954 года, будучи Председателем Президиума Верховного Совета Украинской ССР, многое сделал для восстановления разрушенного врагом народного хозяйства, дальнейшего подъема экономики и культуры республики.

Начиная с XVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза, Д. С. Коротченко избирается членом Центрального Комитета КПСС. С 1938 года он член Политбюро ЦК КП Украины. Демьян Сергеевич был депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета УССР всех созывов.

А. СОФРОНОВ

Фото А. Горячева.

НЕДЕЛЯ

ЧТО НОВОГО В КАИРЕ!

В Москве еще были метели. Морозный ветер заползал в квартиры. Грипп бродил из дома в дом. Из южных областей каждый день приходили тревожные вести о бурях, поднимающих землю, засыпающих песком и грязью городские улицы. Колхозы и совхозы готовились к пересеву. Шла трудная весна этого года. Пронизывающий ветер провожал меня в самолет. Казалось, что так холодно во всем мире. Но уже в Анкаре, где наш ИЛ-18 приземлился в полдень, почувствовалось дыхание весны. И хотя аэропорт был в это время малолюдным, два-три турецких самолета недвижимо стояли на мокром асфальте, аэропорт вдруг наполнился шумом и веселыми голосами,— группа советских туристов летела в ОАР. Туристы выпили положенную им на остановке бутылочку пепси-кола и с интересом рассматривали окружающие аэродром невысокие цепи гор. Вершины были еще в снегу, впрочем, и на аэродроме кое-где белели островки снега. Температура воздуха была минус один. Вскоре черноглазая проводница пригласила пассажиров в самолет, и мы взяли курс на Каир.

В Каире на аэродроме я увидел старых друзей по Организации солидарности народов Азии и Африки: генерального секретаря Постоянного секретариата писателя Юсефа эс-Сибаи, работника этой организации добрейшего Камала Бахаа эд Дина и советских товарищей, представляющих в ОАР различные дружественные арабским народам организации.

Здесь было тепло, солнечно, в тени даже чуть прохладно. Аэродром жил своей кипучей жизнью. Сновали носильщики. Сменялись толпы отлетающих и прилетающих пассажиров. Аэропорт то наполнялся голосами, то затихал, как морской прибой. Пока оформляли паспорт и друзья получали багаж, мы сидели в зале ожидания. Сибаи сказал мне:

— Знаете, друг, наши встречи по интересующим нас вопросам мы разобьем на две половины.

— Пожалуйста.

— Первая встреча будет завтра. А вторая и все последующие будут после вашего возвращения с Асуана.

— С Асуана?

— Да. По-моему, вы никогда там не были?

— Не был.

— Как же так? Более десяти раз в Египте, и не побывали на Асуане?! Или вы не хотите полюбоваться сооружением, которое создается трудами наших братских народов?

— Очень хочу.

— Мы вам запланировали поездку на Асуан и в Луксор.

— В Долину фараонов?

— Да.

— Там я был двенадцать лет назад.

— Это на ваше усмотрение.

— Хорошо, я подумаю.

Мы отправились в отель «Нил».

Каждый раз, когда приезжаешь в город, который тебе полюбился, всматриваешься в него, стараясь найти малейшую перемену. А как же выглядит теперь Каир? Со времени израильской агрессии против арабских стран не прошло еще и двух лет. Что изменилось за это время? Третий раз за этот срок я в Каире. В первые два посещения Юсеф эс-Сибаи не предлагал мне посетить Асуан. Сейчас я получил такое приглашение. Значит, настроение у наших друзей лучше? Так думалось, когда я жадно смотрел на каирские улицы, пытаясь увидеть какие-то новые черты. Казалось бы, и не было особо нового. Та же толпа, шумные каирские мальчишки, торгующие сигаретами и всяческой мелкой галантереей. Споры голосистых шоферов, столкнувшихся машинами где-либо на повороте. Пестрят рекламы арабских и зарубежных фильмов. Горы бананов, апельсинов и прочей тропической снеди. Что же нового? И вдруг увидел. Пересекая одну из центральных площадей, шло воинское подразделение. Что-то новое было в облике солдат, в их воинской выправке. Как-то по-особому твердо печатали они шаг по каирской мостовой.

В тот же день, беседуя с друзьями и, естественно, расспрашивая их о переменах, происходящих в ОАР, я с радостью услышал о том, что египетская армия проходит сейчас серьезное военное обучение, что моральный дух солдат и офицеров значительно окреп.

Ничего не сделаешь: для того, чтобы во всеоружии встретить агрессора, надо готовить боеспособную армию. Очумевшие израильские агрессоры продолжают бряцать оружием, продолжают оснащение своей армии самым современным оружием, которое им поставляют США и Англия. Слишком сурово было испытание в июне 1967 года, чтобы не учесть того, что было. Еще стонут арабские земли под сапогами израильских агрессоров, не желающих внять голосу разума.

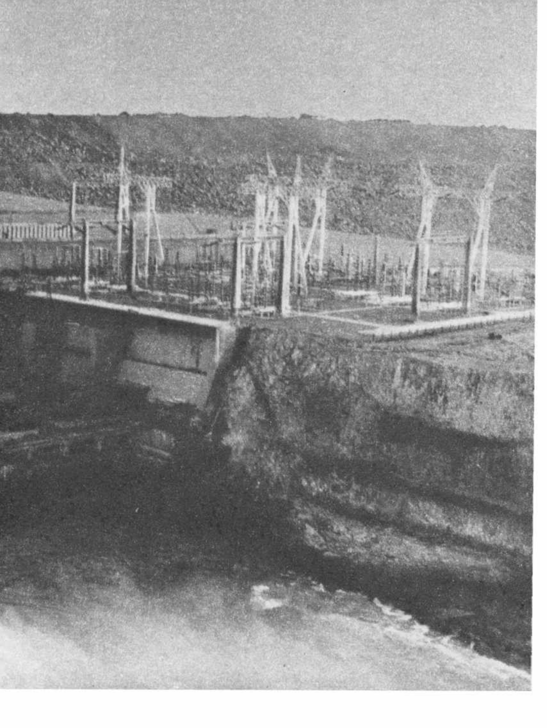
...Утром возле спокойного Нила, протекающего буквально под балконами отеля, я увидел моряков, делающих физзарядку.

На Суэцком канале идет интенсивная перестрелка. Приехали наши корреспонденты. Рассказывают о том, что положение обострено до крайности. Активно действуют палестинские партизаны. Но каково бы ни было напряжение, чувствуется большая собранность, решимость защищать родную землю, решимость заставить израильских оккупантов покинуть исконные арабские земли.

НАШ НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Да, в мире появился новый литературно-художественный журнал «Литература Африки и Азии». Журнал уникальный. Таких еще в истории двух великих континентов не было. Издается журнал в Каире на трех языках: арабском, английском и французском. Издателем, хозяином его является Ассоциация писателей стран Азии и Африки, объединяющая писательские организации двух континентов.

Мечта о создании такого журнала была высказана еще в Ташкенте в 1958 году, на Первой конференции писателей стран Азии и Африки. Нелегок был путь к созданию журнала. Разрушительная работа китайских раскольников, пытавшихся пустить под откос афро-азиатскую организацию писателей, притормозила выпуск журнала. Но после Бейрутской конференции, когда организация сплотилась и подтвердила желание выпуска такого издания, дело благодаря нашим египетским друзьям было поставлено на твердую почву. В конце июня 1967 года, сразу после израильской агрессии, вместе с Сарваром Азимовым мы прилетели в Каир. Каир был еще во власти только что пережитых бедствий. На наших друзей было горестно смотреть — так они были подавлены, оскорблены происшедшим. И вот именно тогда нам показали макет готовящегося во исполнение решений Бейрутской конференции журнала. Юсеф эс-Сибаи, редактор одного из каирских еженедельников, популярнейший египетский писатель и общественный деятель, темным июньским вечером положил перед нами макет и взволнованно спросил:

Высотная Асуанская плотина. Панорама здания гидростанции и плотины со стороны нижнего бьефа.

Машинный зал Асуанской ГЭС.

В ЕГИПТЕ

— Что вы думаете об этом?

Мы с Азимовым молча листали страницы макета.

— Здесь будут романы и стихи, репродукции старых и современных художников двух континентов, публикации по истории культуры стран Азии и Африки. Мы предполагаем, что это увлечет и литераторов и художников — всех тех, кому дороги наши древние культуры.

— Макет отличный,— сказал Сарвар Азимов.— Надо только, чтобы содержание соответствовало макету.

На скорбном лице Сибаи появилась чуть заметная улыбка.

— Вы, как всегда, беспокоитесь о содержании?— спросил он Азимова.

— Конечно... Хотя мы и не сомневаемся, что содержание будет соответствовать форме.

— Мы кое-чему научились,— сказал Сибаи.— Кое-чему научились в последнее время. Мы научились главному — распознавать, где наши враги и где наши друзья. Советские люди — большие наши друзья, мы это знаем, хотя некоторые провокаторы и пытаются посеять смуту в сердцах арабов. Но мы знаем, где наши истинные друзья.

Разговор этот происходил почти два года назад, в тяжелые для арабов дни, но было симптоматичным, что именно в те дни и создавался наш новый журнал. Теперь, в этот приезд, мы уже держали в руках два номера (1-й и 2—3-й), собранные и выпущенные нашими египетскими друзьями. Готовился к печати четвертый номер.

Когда вместе с работником Союза писателей СССР Ю. Румянцевым мы вошли в кабинет к Сибаи, перед ним сидели две женщины с рукописями в руках. Разговор заканчивался. Женщины попрощались и вышли из кабинета.

— Переводчицы на французский язык. Готовим рукописи для пятого и шестого номеров,— сказал Сибаи.— Готов к беседе. Мы всегда чувствуем себя в безопасности, когда мы вместе.

У нас было несколько деловых вопросов. Мы сообщили, что Союз советских писателей перевел свой взнос на содержание журнала.

— Превосходно! — сказал Сибаи.— Теперь мы себя чувствуем еще лучше.

В редколлегии журнала представлены десять писателей из десяти африканских и азиатских стран, по пять стран от каждого континента. Главным редактором еще на Бейрутской конференции избран Юсеф эс-Сибаи. Теперь предстояло установить, когда и где соберутся все члены редколлегии журнала.

— Думаю, что хорошо было бы созывать редколлегию дважды в год. Один раз в июне, другой в декабре,— сказал Сибаи.— Можно обсудить два вышедших номера и утвердить планы двух выходящих. Мы можем это спокойно делать, так как журнал выходит один раз в три месяца. Я предлагаю первое заседание редколлегии созвать в июне этого года в Москве, а второе в декабре в Каире. Не возражаете?

Мы, конечно, не возражали. Разговор коснулся состава будущих номеров журнала. Я спросил, есть ли новые стихи прекрасного поэта из Мозамбика, старого нашего друга Марселину душ Сантуша. Сибаи внимательно посмотрел на меня.

— Вы не читали сегодняшних газет?

— Еще не успели.

— На Марселину душ Сантуша совершено покушение.

— Неужели?

Сибаи протянул газету.

— Из Западной Германии пришла бомба, убившая Эдуардо Мондла-

Они подружились на строительстве гидростанции.

не... Теперь покушение на Марселину. Наши враги ничем не гнушаются.

— Но он жив?!

— Жив... Так сообщают газеты. Только наивные люди могут думать о милосердии наших врагов. Мы это знаем, как никто.

— Мы тоже, дорогой Юсеф.

— Вы готовы к полету в Асуан?

— Готов.

— Тогда я желаю вам счастливого пути. Обязательно отдохните там.

ПОЛЕТ В АСУАН

На другой день мы улетали в Асуан. Было хмарно и ветрено. Ветер хамсин бросал на город тучи песка. На аэродроме было столпотворение. Один за одним подходили автобусы и выбрасывали паломников, отправлявшихся в Мекку. Паломники пересаживались в самолеты и махали руками многочисленным провожающим. Мы тоскливо смотрели на отлетающие самолеты, нашего все не было. Сопровождавший нас Камал успокаивал: улетим.

И в самом деле улетели. Словно тарантас подкатил наш «АН», и через пять минут мы уже были в воздухе. Справа и слева потянулась желто-коричневая пустыня. После часа с небольшим мы увидели Нил. Зеленые посадки. Это был Луксор. Один из самых древних городов Египта, упоминающийся в письменных источниках, насчитывающих пять тысяч лет до нашей эры. Еще Гомер воспел Луксор в своих одах как «Прекрасный город ста ворот». Когда-то в нем жило около миллиона человек. Но прошли века, тысячелетия, и Луксор стал небольшим городком с тридцатитысячным населением, с уникальной коллекцией сравнительно хорошо сохранившихся памятников одной из самых древних в мире цивилизаций.

К сожалению, время не позволяло задержаться в Луксоре и посмотреть снова все то, что мы видели несколько лет назад. Посидев час в желтом — под цвет пустыни — аэропорту, мы снова поднялись в воздух и через полчаса опустились на асуанском аэродроме. Самолет наш приземлился в то время, когда солнце, словно покачиваясь, уходило за горизонт, заливая все вокруг — и песок и виднеющиеся всюду скалы — багряно-красным светом. В маленьком автобусе отправляемся в отель «Кэтэрэкт», что в переводе с английского означает «водопад».

Новый большой, современный отель. Видимо, туристов не так-то уж много. За окнами непроглядная тьма, размеченная кое-где яркими электрическими огнями. В темноте трудно было различить — река ли вблизи отеля. Но казалось, что река. Угадывались едва заметные светлые пятна, проплывающие внизу. Казалось, что это скользят парусные лодки. Тянуло прохладой. Слышались голоса. Доносилась гортанная арабская песня. И было как-то очень таинственно и незнакомо. Утром я взглянул с балкона вниз. Да, это был Нил. В изгибах, окаймленный грубо отесанными, похожими на огромных слонов камнями. По реке снова скользили парусные лодки. У одной из них был оранжевый парус, и отблеск паруса лежал на воде, словно большая и длинная долька апельсинной корки. Напротив, на другой стороне Нила, вереницей, друг за другом ходили люди с плетеными круглыми корзинами на плечах и ссыпали бурую землю совсем близко к берегу. Позже я узнал, что на том берегу, на месте древнеегипетской деревни Нуби, шли раскопки. Из-под земли виднелись старые обрушенные красноватые стены.

Утром, при солнечном свете, уже не было вчерашней таинственности. Невольно вспомнилось, что сквозь сон я слышал, как кричали утренние петухи и где-то в стороне трещали лягушки.

Мы отправились в советское консульство. Нам повезло. Мы застали там главного эксперта по строительству Асуанской плотины Кирилла Ивановича Смирнова. Лучшего подарка нам трудно было ожидать. Большой, голубоглазый, седовласый, он всем своим видом являл спокойствие и добрую мудрость. Он пересадил нас в «Волгу», и мы отправились на строительство плотины. Я принялся готовить фотоаппарат.

— Напрасно,— сказал Смирнов.— Египтяне не дадут снимать. Надо специальное разрешение. Но на это нужно долгое время. Я вам дам снимки. У нас здесь живет Александр Горячев, он ведет фотолетопись.

Мы ехали мимо хаоса и нагромождений валунов, камней, скал. Когда же поднялись к плотине, сердце забилось. Я не хочу приводить экономических данных. О них уже немало написано в нашей печати и снова будет написано в связи с тем, что в 1970 году летом предполагается окончание работ на Асуане. Но вид, строительный пейзаж! Огромное тело плотины, которое в это время облицовывалось гладкошлифованным гранитом.

— Откуда берут гранит?— спросил я Смирнова.

— Здесь недалеко каменоломни. Вы побываете там... Советую.

— А что?

— Советую,— улыбнулся Смирнов.— Вам будет интересно.

Все в облике Кирилла Ивановича говорило о том, что ему знакомо здесь на плотине все. Он строил Красноярскую и Куйбышевскую ГЭС. Когда ему предложили отправиться в Асуан, он задумался: скоро будет шестьдесят. Асуан — одно из самых жарких и солнечных мест на планете. Среднегодовая температура здесь плюс 26. Средняя температура июня — августа +31—33°. Поверхность песка и камни нагреваются до +70—80°. Попробуйте дотроньтесь до них. Облачных дней в году бывает не больше пяти-шести. Бывают годы, когда дождь вообще не выпадает. Я выразил соболезнование по этому поводу. Но Смирнов сказал:

— Знаете, нам тут лучше без дождя. Видели, какое жилье у местных жителей? Пошел дождь — жилье рассыпается. На строительстве электрозамыкания... Испарения такие, что не продохнешь.

— И как вы здесь себя чувствуете?

— Нормально. Я, когда готовился сюда, поехал в Карловы Вары. Там есть такое приспособление. Тело твое туда засунут и пар пустят 50 градусов. Лежишь, думаешь, ну, кожа сходит. На что тебе похудание нужно. И это при том, что голова у тебя наружу... Думал я, что же на Асуане будет? Приехал, ничего. Нормально.

Мы спускались вниз, туда, где собирали турбины. Часть из них уже работала, несколько монтировались, для других готовились ямы. Арматура. Бетон. Вспышки электросварки. Я всматривался: где египтяне, где наши?

— Наших осталось немного. Всего триста человек. Доводим дело до победного конца.

Мы стояли возле одной из монтирующихся турбин. К Смирнову подошел человек, окинул меня осторожным взглядом и сказал главному эксперту:

— Кирилл Иванович, надо мне домой. Дочка подрастает...

— В каком классе?

— В шестом...

— Ничего... У других также... На родине найдется, кто посмотрит. А здесь мы вот как нужны.

Человек посмотрел опасливо на меня и отошел.

Мы подошли к краю плотины, туда, где билась темная здесь нильская волна. Около края стоял плотный человек с веселыми глазами.

— Водолазы внизу наши,— сказал он Смирнову. Смирнов представил его нам:

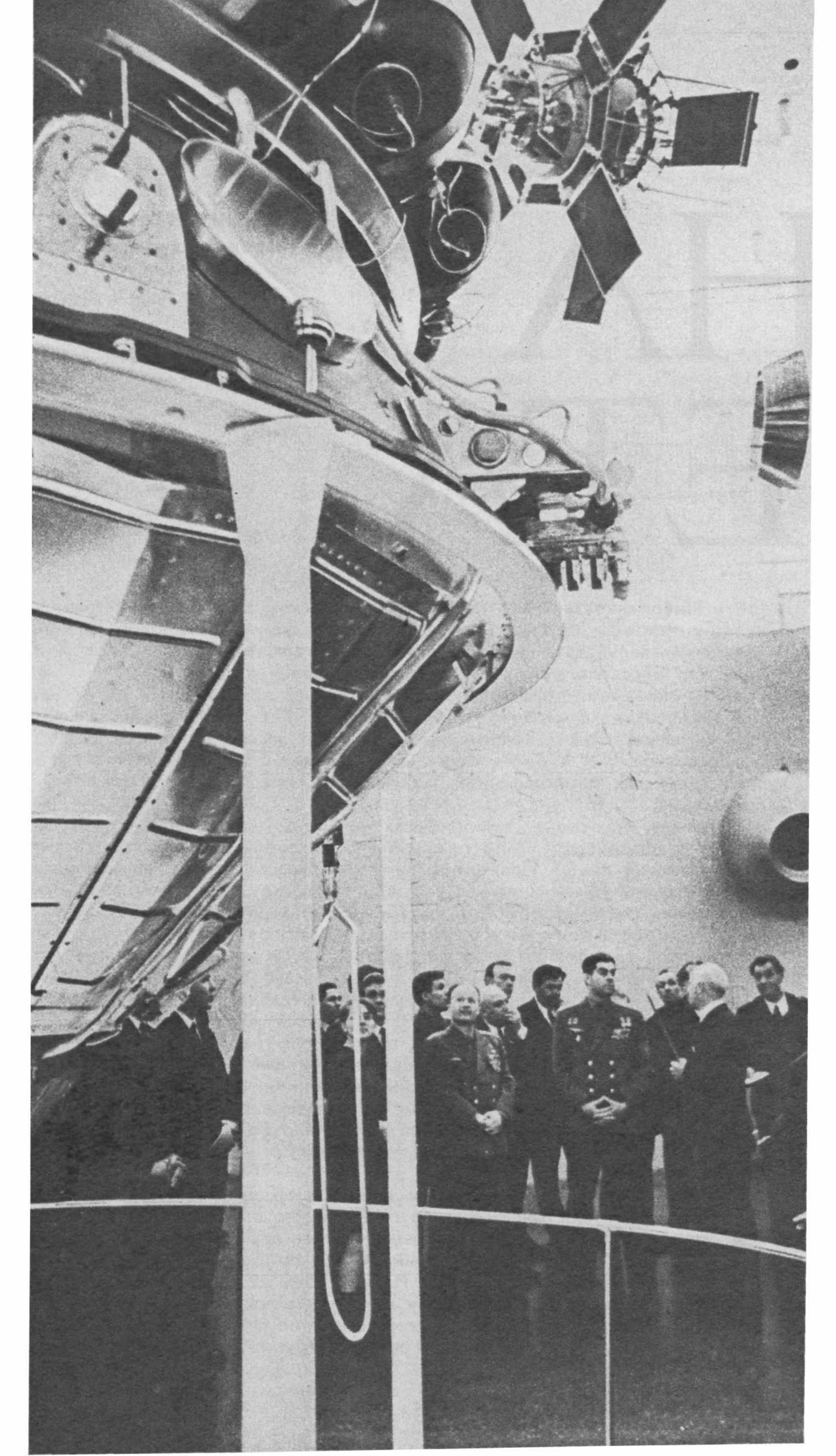
— Юрий Яковлевич Павшинский, начальник механо-монтажных работ. Работает здесь четыре года три месяца. Днепростроевец. Отец его тоже монтажником был.

Мы поднялись на плотину. Смирнов влюбленными глазами оглядывал строительство.

— Вот уж действительно настоящая дружба. Мы тут подсчитывали... В течение десяти лет двадцать пять тысяч человек в Советском Союзе каждый день работают на Асуан. Конечно, и там, в Союзе, и здесь мы работаем по договорам, заключенным между нашими государствами. Но главное в том, что это словно бы от сердца к сердцу. Это и между рабочими и между техническим персоналом... И между командным. Здесь умные люди. С ними приятно работать. Мы часто общаемся с министром энергетики и по делам высотной Асуанской плотины Сидки Сулейманом, постоянно с Ахмедом Камалем, генеральным директором эксплуатации ГЭС, и Мухамедом Рида эль Гархи — директором департамента монтажных работ... Да и со многими другими... У меня здесь дочь и зять работали... Сейчас они вернулись в Союз... Пишут, вспоминают. Мы ведь дружно с египтянами живем. Они бывают у нас, мы у них.

Мы возвращались с плотины, проезжали мимо зенитных орудий, нацеленных в боевой готовности в небо. Все может быть. Израильские агрессоры способны на все. И, несмотря на это военное обрамление, а точнее, смотря на него, чувствовалось величие трудового подвига египетского народа, совершаемого рука об руку с советскими людьми.

...На другой день, осмотрев интенсивно строящийся город Асуан, побывав на местной выставке товаров ширпотреба, где я уже мог вдоволь без разрешения поснимать, мы вернулись в Каир.

В зале музея истории космонавтики.

ШЕСТЬ АВТОГРАФОВ

К. БАРЫКИН

Фото А. ГОСТЕВА.

Примечательную историю узнал я в Калуге. Относится она к 1927 году, когда намечалась первая выставка межпланетных аппаратов. Экспонаты пришли и из-за рубежа. В ту пору Циолковский получил письмо от ростовской комсомолки,— она просила включить ее в космический экипаж, о формировании которого сообщал один из зарубежных энтузиастов межпланетных путешествий. «Или мне подождать, когда полетят русские, со своими как-то лучше?..» — советовалась с Константином Эдуардовичем ростовчанка. Где она, эта девушка? Легко представить, как ликовала она вместе со всеми советскими людьми, когда узнала, что первыми космос начали осваивать свои, граждане Советского Союза...

...Майор Ю. Гагарин вскоре после возвращения на Землю приехал в Калугу. Он взял в руки мастерок и заложил первый камень в основание музея истории космонавтики. Сделал он это и деловито и по-гагарински красиво. Музей сейчас стоит белокаменной махиной, словно продолжая космическую славу Калуги, рассказывая о ней. С космосом у калужан дружба давняя. Началась она работами Константина Эдуардовича Циолковского, началась не сегодня и с той поры прочно вошла в этот старинный русский город. Это особенно остро ощущаешь в дни, когда в Калугу приезжают космонавты. Вот и сегодня город распахнул перед ними свои объятия. Сегодня в числе дорогих гостей калужан — космонавты Г. Т. Береговой, В. А. Шаталов, Б. В. Волынов, А. С. Елисеев, Е. В. Хрунов.

В космическом музее им все тут хорошо знакомо. Узнают кабину — в ней летал Быковский; с огромным интересом рассматривают экспонаты, рассказывающие о трудах Циолковского, а затем в планетарии музея снова переживают свои полеты.

В одном из залов музея — портреты всех космонавтов. К Георгию Тимофеевичу Береговому подходит директор музея, просит оставить на снимке автограф. За Береговым свою подпись ставят его товарищи. Пять автографов. Но в тот же день в музей был передан еще один, шестой, гагаринский, бесценная реликвия. Это страничка, заполненная Юрием Алексеевичем в полете, это первый в мире космический бортжурнал. На страничке планшета гагаринским почерком записаны первые впечатления землянина в космосе. Гагарин пишет о своем самочувствии, о том, что слышит передаваемый из Хабаровска вальс «Амурские волны»...

Каждый приезд в Калугу космонавтов, конечно, праздник. Вдвойне — если такой визит приходится на канун Дня космонавтики, как случилось на этот раз. Гости побывали в домике, где жил и работал Циолковский, возложили венки на его могилу. И, конечно, улицы города, с которым знакомились космонавты, были полны калужан. Одной из них, самой юной, второкласснице Наташе Ваничкиной, посчастливилось особо,— она передала Г. Береговому букетик цветов. Георгий Тимофеевич пригласил девочку в театр, на торжественное собрание, на котором космонавты и их наставник генерал Н. П. Каманин рассказывали о полетах, о дальнейших планах освоения космоса. Здесь же было оглашено постановление о присвоении космонавтам звания почетного гражданина города. Пять дипломов, пять алых лент. А затем появился шестой диплом. Елисеев родом из Жиздры, городка небольшого, но славного. Жиздринцы записали Елисеева в книгу почетных граждан своего города.

Елисеев — почетный гражданин Калуги и Жиздры.

У памятника К. Э. Циолковскому.

С Береговым каждому хочется обмолвиться словом.

Автограф.

Весна света

С. КОНЕНКОВ,
народный художник СССР

— Самое большое значение в моей жизни имела любовь к Родине, любовь к ее природе, к ее городам, к народу с его историей, бытом, творчеством...

Так говорил Константин Федорович Юон.

И сегодня, перебирая в памяти сделанное этим художником за большую, ярко прожитую жизнь, убеждаешься: главный итог ее — любовь к Родине, любовь плодотворная и чистая.

Юон — москвич. Он родился в столице России и еще ребенком испытал знакомое чувство восторга от соприкосновения с ее стариной. Ведь каждый камень древнего города — летопись истории Руси...

«Московский Кремль, многовековой центр столицы, образует как бы сердце и разум нашего народа, он сосредоточил в себе память о всем пережитом, о борьбе и победах, он горделиво говорит о достоинстве, о великой красоте помышлений создавших его русских людей». Это не просто слова художника Юона. Это твердое убеждение, которое на протяжении десятилетий труда реализовалось в картинах «Ночь в Кремле», «Вербный базар на Красной площади», «Вступление в Кремль революционных отрядов через Троицкие ворота», «Парад Красной Армии, посвященный пятой годовщине Великой Октябрьской революции», «Первомайская демонстрация», «Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года».

Как много значат в нашей богатой событиями долгой жизни годы детства и отрочества. Для меня Караковичи на Смоленщине — непреходящая мудрость людей-тружеников, и щедрая красота природы, и источник веры в талантливость русского народа. Пусть не узнать ныне той далекой и глухой деревеньки моего далекого детства: годы меняют облик земли и людей. Но каждый шаг босых ног по петляющим над Десной лесным тропкам живет в памяти...

Детство Константина Юона прошло в тихом, уютном доме на одной из Мещанских улиц, неподалеку от Садового кольца. Няньки, учителя, доброта близких. Все в доме вовремя, все в меру. В округе — обилие садов и старинных зданий.

Для каждого из нас Москва — река мудрости, и вечно живая история, и матерь земли нашенской, и повивальная бабка новорожденных талантов. Камни Москвы заставили в свое время трепетать Сурикова и Репина, братьев Васнецовых и Нестерова, Поленова и Рябушкина. Юон всю жизнь был звонкоголосым певцом древней столицы.

Помню Костю Юона в рисовальных классах Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В работе он был сосредоточен, внешне спокоен. Рисовал уверенно, точно, очень профессионально и всегда с мыслью. Из поездок привозил множество живописных этюдов, на которых Тверь, Кострома, Нижний Новгород, Ярославль, Углич представали сказочно прекрасными градами. Помню стройные, яркие по сочетанию красок церкви. На площадях шумит торговый люд, в темной зелени старых дубов утопают веселые, нарядно раскрашенные домики.

Московские виды. «Ночь. Тверской бульвар», таинственные силуэты фигур, яркий свет фонаря. «Тройка у старого Яра» — того самого Яра, который так памятен старым москвичам. «Красная площадь в лунную ночь».

Все с мыслью, ничуть не скрытой, не упрятанной под богатый живописный убор. Живопись, молодая, уже тогда самобытная, привлекала внимание.

Мягкий, деликатный Юон выделялся среди товарищей цельностью своего характера. У него был прирожденный талант педагога. И не случайно вскоре после окончания училища он открыл художественную школу. Я учился в ту пору в Петербурге, но и туда доходили известия об успехах школы Юона. Там прошли курс скульптуры В. Мухина, В. Ватагин, художники А. Куприн, В. Фаворский и много других талантливых людей. Завидный дар человека — свое понимание искусства, свое мастерство, любовь уметь передать другим. Этим даром обладал Константин Федорович.

Педагогическая работа никогда не заслоняла от К. Ф. Юона жизни. Он много путешествует по России, пристально изучает богатства русского культурного наследия. Но среди древних архитектурных ансамблей и старинных посадов не забывает о жизни своих современников. Он открывает для себя и для зрителей органическую связь прошлого с настоящим. Дух истории, неумирающий духовный строй человека позволяют художнику в ходе этих долгих, глубинных наблюдений выразить неповторимый стиль русской жизни.

Картины загорского цикла, «Гулянье на Девичьем поле», «Вербный базар на Красной площади». Здесь все: и солнечный свет, и костюмы, и характер движения толпы. Душа этой празднично-яркой архитектуры — сама художественность, сама органическая сущность искусства живописи.

Любимые Юоном весенние мотивы пленяют своей скромной простотой и живописностью. Его картина «Мартовское солнце» по интимному чувству природы, по силе цвета и света — подлинный шедевр. Не внешняя занимательность, а внутреннее содержание, задушевная сила простого русского пейзажа все более привлекают Юона. Он с любовью показывает деревенскую улицу, милых крестьянских детей верхом на лошадях, бирюзовое небо, березы. В бесхитростном подмосковном пейзаже Юон сумел передать глубокое чувство радости жизни и особого покоя. В картине ощущается прямое обращение к саврасовской традиции, преломленной, разумеется, через образное юоновское понимание.

Высокая духовность живописи К. Ф. Юона проявляется и в композициях с интерьером. Мне памятна его лирическая, красивая картина «Августовский вечер. Последний луч». Терраса загородного дома, распахнуты окна, убран к вечернему чаю стол, но людей пока нет. Торжественная тишина в природе и в доме слились в один аккорд, последний луч предосеннего августовского солнца прозвучал в тишине, словно элегическое скрипичное соло в оркестре. Но вот-вот на террасу войдут люди, разгорится дружеский, сердечный разговор и станет шумно и весело. Это будет совсем другая картина, которая столь же близка таланту К. Ф. Юона.

«Конец зимы. Полдень» также восходит к традициям саврасовской школы. Какой проникновенный весенний пейзаж! С каким мастерством передал Юон первое дыхание весны, особенную воздушность прозрачных синих теней. Дальний лес кажется погруженным в трепещущее марево нагретого солнцем воздуха. Удивительно хороша зеленая, свежая хвоя елей, местами приобретающая даже золотистый оттенок на фоне голубого, прозрачного неба.

Юон, создавая этот холст, кажется, нашел зрительный эквивалент «Весне света» и мог бы сказать о себе вместе с великим поэтом родной природы Михаилом Пришвиным: «Долго странствовал я, пока наконец не понял, что каждый новый день в природе — это день, какой никогда еще не бывал на земле. И разве это не будет тоже открытием, если я во всем бывалом буду находить нечто новое и небывалое?

Так, я попробовал сделать путешествие не столько вдаль, сколько вглубь — попытался углубить восприятие окружающего меня, близкого и повседневного».

Находясь среди природы, мы говорим иногда: чисто юоновский пейзаж! Он очень русский, «юоновский пейзаж».

У Юона особенное художественное понимание архитектуры. Он подмечает в ней главные, наиболее выразительные мотивы, раскрывая самую душу зодчества. Его ярко живописные архитектурные пейзажи наполнены простором Родины, восторгом перед человеком-творцом, любовью к своему Отечеству.

Революцию К. Ф. Юон принял полностью.

Мне приятно вспомнить сегодня, что мы были вместе с ним в горячие дни штурма Кремля. Освобожденный от юнкеров красногвардейцами, Кремль стал для нас первым объектом изучения — для создания произведений о революции. С этюдниками в руках мы в один и тот же день вошли туда, чтобы запечатлеть исторические деяния народа.

Документально и поэтично рассказал Константин Федорович о штурме Кремля красногвардейцами. «Будучи очевидцем происходившей в Москве борьбы рабочих, солдат, матросов и крестьян,— вспоминал К. Ф. Юон,— я тотчас после окончания боев и сдачи юнкерами Кремля пошел смотреть места недавних битв. Под влиянием увиденного у меня зародилась мысль запечатлеть в картине последние моменты этой борьбы». Это свое намерение Юон блистательно решил в восторженных полотнах.

В двадцатых годах К. Ф. Юон не раз с большой живописной силой изображал советские праздники, демонстрации и военные парады на Красной площади. Очень хорош его «Праздник кооперации в деревне» с его вольным воздухом, народностью и естественностью.

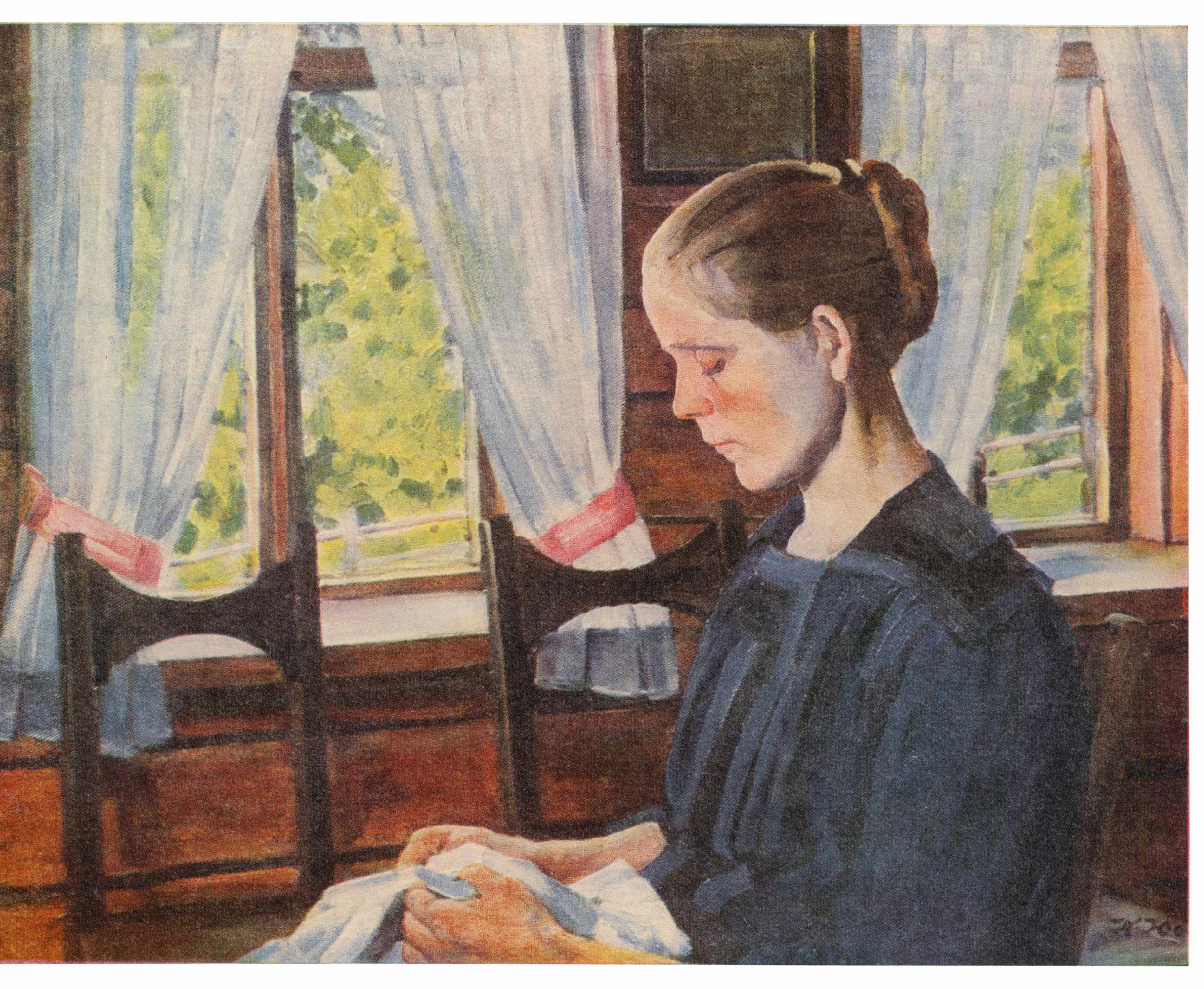
Я очень люблю «Утро индустриальной Москвы». Взгляд на столицу с высокого места: стройные деревья, стройные люди, идущие навстречу друг другу, сложный и гармоничный ансамбль труб, корпусов заводских зданий вдали, свежий «перламутровый» колорит картины — все это безошибочно определяет новое время, поэтизирует труд советских людей, дает зрителям колоссальную зарядку бодрости.

Наш народ любит и знает глубоко патриотическое искусство Юона. Знает его ставшие хрестоматийными картины-пейзажи: «Русская зима», «Весенний солнечный день», «Мартовское солнце». Сколько здесь торжествующей музыки, величавой красоты!

Русь всегда была прекрасной и величественной, утверждает своим творчеством художник, нельзя не любить ее. И мы готовы отдать ей свои силы, все лучшее в нас!

К. Юон. 1875—1958. ПРАЗДНИК КООПЕРАЦИИ В ДЕРЕВНЕ

К. Юон. ПОРТРЕТ ШУРЫ

ТРОЦКИЗМ — ВРАГ ЛЕНИНИЗМА

Издательство политической литературы выпустило в свет сборник «Троцкизм — враг ленинизма» (составитель Б. С. Власов). В нем объединены произведения В. И. Ленина, документы и материалы съезда, конференций и пленумов ЦК КПСС, в которых отражена непримиримая борьба В. И. Ленина против троцкизма, как антимарксистского, оппортунистического и авантюристического течения.

Читаешь этот сборник, имеющий значение фундаментального научного труда,— и перед тобой открываются все перипетии острейшей, подчас драматичной борьбы, которую вел В. И. Ленин, его соратники против подрывной деятельности троцкистов на различных этапах истории нашей партии. Драматичной — в высшем смысле этого слова, ибо троцкисты стремились всегда нанести удар по партии рабочего класса в наиболее сложные исторические ситуации, не останавливаясь перед прямым предательством интересов революции.

В 1914 году В. И. Ленин отмечал, что и теория марксизма и практика массового рабочего движения бесповоротно покончили с ликвидаторством как буржуазным, противорабочим течением. За этими ленинскими словами — двадцать лет непрерывных битв не только с экономизмом и ликвидаторством за единую, монолитную марксистскую партию, способную повести пролетариат на победоносную социалистическую революцию, но и с фракционной, раскольнической деятельностью троцкистов. «Всякий, кто поддерживает группку Троцкого,— говорил В. И. Ленин,— поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства». Против единства партии и боролись с бешеной энергией, не гнушаясь в выборе средств, троцкисты, пытавшиеся дезорганизовать рабочее движение, вызвать раскол. Все эти попытки были бессильны, и прежде всего потому, что В. И. Ленин, ленинцы показали революционным рабочим всю мелкобуржуазную, ликвидаторскую и авантюристическую сущность троцкизма. «Троцкий объединяет всех,— писал Владимир Ильич в 1910 году,— кому дорог и люб идейный распад; всех, кому нет дела до защиты марксизма; всех обывателей, не понимающих из-за чего борьба и не желающих учиться, думать, доискиваться идейных корней расхождения. В наше время разброда, распада и шатаний, Троцкий легко может оказаться «героем на час», сплотить всю пошлость вокруг себя. Но провал этой попытки будет тем грандиознее, чем откровеннее она будет сделана».

В. И. Ленин с беспощадным сарказмом, с остроумием гениального мыслителя раскрыл сущность беспринципного «примиренчества», так высмеяв взгляд оппортунистов: «Разногласия надо стараться замалчивать, а не выяснять их корней, их объективных условий. «Примирить» лица и группы — в этом главное. Если они не сходятся на проведении общей линии — надо истолковать эту линию так, чтобы она была приемлема для всех. Живи и жить давай другим. Это — «примиренчество» обывательское, неизбежно приводящее к кружковой дипломатии. «Заткнуть» источники разногласий, замолчать их, «уладить» во что бы то ни стало «конфликты», нейтрализовать враждующие направления — вот на что направлено главное внимание подобного «примиренчества».

Так в преддверии величайшей в истории человечества революции определилось ленинское понимание партийности, единства мнений и действий «б о л ь ш и н с т в а сознательных рабочих», руководимых партией нового типа.

А вот другой исторический период — начало 20-х годов. Страна, прошедшая разрушительную гражданскую войну, получила наконец возможность мирного развития. Начался восстановительный период как преддверие гигантского социалистического строительства, потребовавший от народа, от партии невиданного героизма повседневной, будничной, хозяйственной работы. И в это время троцкисты и бухаринцы предприняли новое наступление, навязали партии дискуссию о профсоюзах, отвлекая ее от хозяйственных задач!

Троцкистские призывы «огосударствления профсоюзов», превращения их в придаток государственного аппарата, о «милитаризации» труда рабочих и т. д. по идейно-политической сущности своей были идеологической диверсией против марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. В. И. Ленин показал, что действительные расхождения троцкистов и бухаринцев с партией возникли по вопросу «о методах п о д х о д а к массе, овладения массой, с в я з и с массой». Он выявил принципиальные расхождения между коммунизмом и анархо-синдикализмом, понимание которых имеет огромное значение и в современных исторических условиях.

В. И. Ленин показал, что диктатуру пролетариата нельзя осуществлять через его поголовную организацию, что ее может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса. Профсоюзы, создавая связь авангарда с массами, оказываются важнейшим зубчатым колесом в «механизме самой основы диктатуры пролетариата».

Борьбу В. И. Ленина против оппортунизма, против раскольнической деятельности и откровенного предательства интересов рабочего класса троцкистами и их пособниками из других фракционных групп продолжал после смерти вождя ленинский Центральный Комитет нашей партии, все ее боевые отряды. Они отстояли единство нашей партии, разоблачив антипартийное поведение троцкистов в 1923—1925 годах. Публикуемые в сборнике документы-резолюции Объединенного пленума ЦК и ЦКК совместно с представителями 10 парторганизаций, тринадцатой конференции РКП(б), Четырнадцатого съезда ВКП(б) разоблачают контрреволюционную природу троцкизма, перешедшего в открытое наступление на партию, наносившего удары по ленинизму, по всем его коренным положениям. Партия констатировала, что «в самой общей форме совокупность выступлений Троцкого против партии можно охарактеризовать теперь, как стремление превратить идеологию РКП в какой-то «модернизированный» Троцким «большевизм» б е з л е н и н и з м а. Это — н е большевизм. Это — р е в и з и я большевизма. Это — попытка п о д м е н и т ь л е н и н и з м т р о ц к и з м о м, т. е. попытка подменить ленинскую теорию и тактику международной пролетарской революции той разновидностью меньшевизма, какую представлял из себя старый троцкизм и какую представляет собой ныне возрождаемый «новый» троцкизм. По существу дела современный троцкизм есть фальсификация коммунизма в духе приближения к «европейским» образцам псевдомарксизма, т. е. в конце концов, в духе «европейской социал-демократии».

Читатель сборника (и особенно молодой читатель) узнает из публикуемых документов, как партия громила троцкистов, вскрывая их злокозненные маневры, демагогические выверты, которые взяла на свое вооружение империалистическая пропаганда: попытки троцкистов перенести центр тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на «бюрократизм» в аппарате партии, стремление противопоставить молодежь основным, испытанным в революционных битвах кадрам партии, «интеллигентский анархизм», выражавшийся в отказе подчиняться общепринятым в партии нормам деятельности, в демагогических разглагольствованиях о «свободе», которыми троцкисты прикрывали свою фракционную, антипартийную подрывную работу.

Разгром ленинской партией троцкизма имел всемирно-историческое значение. Он сыграл существенную роль в укреплении морально-политического единства нашего общества, выдержавшего все испытания. Он дает и сегодня коммунистам могучее оружие идейной борьбы против оппортунизма и ревизионизма.

В статье «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС», опубликованной в журнале «Коммунист» (№ 3 за 1969 год), подчеркивается, что «троцкизм был и остается злейшим врагом ленинизма, СССР и всего мирового коммунистического движения. Наш долг — показывать суть, политическую необходимость и всю важность борьбы КПСС против троцкизма, против всех антиленинских течений».

Сборник «Троцкизм — враг ленинизма» способствует решению этой задачи, вооружая наши кадры опытом ленинской партии, опытом творческого марксизма.

Профессор В. РАЗУМНЫЙ

Троцкизм — враг ленинизма. Издательство политической литературы, 1968.

Новополоцк, молодой город белорусских химиков.

Фото А. Мызникова.

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОЯВИЛСЯ НА КАРТЕ ГОРОД

В. КАМЕНСКИЙ,
заместитель председателя Совета Министров БССР, доктор технических наук

Каковы радости, заботы, надежды и тревоги нового города?

«И спрос и запросы навырост» — так в № 27 за 1968 год был озаглавлен отчет о беседе за круглым столом «Огонька» в молодом белорусском городе Солигорске. Поднятые участниками этой беседы проблемы выходят за пределы одного города, одной республики. Разговор, начатый в журнале, продолжает сегодня заместитель председателя Совета Министров Белорусской ССР В. Каменский.

Новый город на карте... Начало пути, начало биографии. И сразу появляются десятки проблем, связанных с развитием, формированием сложного современного хозяйства, с нынешними стремительными темпами.

Я размышляю над судьбами молодых белорусских городов. Новополоцк, Солигорск, Жодино, Светлогорск, Белоозерск... Это города нефтяников, автомобилестроителей, шахтеров, энергетиков. Они растут быстро, потому что все грандиознее становятся задачи, которые возникают перед нашей индустрией. В свою очередь, они, эти города, тоже требовательны, взыскательны и не терпят неуважительного к себе отношения. Людям-труженикам нужны хорошее жилье, отлично устроенный быт, условия для учебы, отдыха, физкультуры.

Участники беседы за круглым столом «Огонька» в Солигорске высказались в этом смысле полно и убедительно. Изучение условий жизни и быта трудящихся молодых городов настоятельно требует рассмотрения поднятых в ходе беседы проблем, поисков путей быстрого и гармоничного развития городов-новоселов. К сожалению, пока еще нет оснований утверждать, что жизнь здесь складывается в полном соответствии с материальными и духовными потребностями их жителей. Хотя делается немало для того, чтобы приезжающие в эти молодые города специалисты, рабочие, их семьи получили благоустроенные квартиры, бесперебойно снабжались товарами магазины, чтобы не вызывала нареканий служба быта. И как бы в подтверждение плодотворности усилий партийных и советских органов можно было бы указать, скажем, на широкий размах спортивного строительства в Новополоцке, хорошую организацию торговли в Солигорске, заботу о коммунальных нуждах в Светлогорске...

Вместе с тем на пути молодых городов еще много ухабов. И что самое досадное — эти ухабы возникают чаще всего не в силу объективных причин (хотя есть, разумеется, и такие), а из-за деляческого подхода к выполнению своих обязанностей некоторыми должностными лицами, безответственного порой отношения к нуждам трудящихся.

Новые города обычно возникают возле крупных промышленных комплексов, богатых запасов ценного сырья, больших энергетических баз. За успешное развитие этих предприятий, шахт, рудников, электростанций отвечают союзные министерства. А кто же отвечает за судьбу города, складывающегося вблизи той же электростанции или гигантского химического комбината? Вот тут-то и начинается полемика, переходящая порой в длительные и нудные тяжбы.

Министерства проявляют достаточно заинтересованности в том, чтобы вовремя ввести в строй промышленные объекты. Тут и энергия, и энтузиазм, и напористость, и деловитость. А что касается жилья, школ, торговых предприятий, коммуникаций... Здесь уж картина совсем иная. Хотя средства на все это планируются и отпускаются тем же министерством. Но заинтересованность не та. Порой создается впечатление, что для руководителей иного министерства все, кроме цехов, шахт, электростанций, несущественно, второстепенно. Предается забвению многократно высказанная истина: можно возвести первоклассный завод, великолепно его оснастить, но, если при этом не создашь всех условий для тех, кому на нем работать, не оправдаются ни планы, ни затраты.

То, что этой истиной пренебрегают, подтверждают примеры, взятые из жизни и новых и давно сложившихся городов.

Минский автомобильный завод действует более десяти лет. Его производственные мощности растут из года в год. Но вот что любопытно: капитальные вложения, выделенные на промышленное строительство, освоены на 94 процента, а на жилищное и культурно-бытовое — на 35 процентов. В молодом городе Жодине, где разместился Белорусский автозавод, дело в этом плане обстоит еще хуже: средства, предусмотренные на так называемые «второстепенные нужды», освоены лишь на 21 процент. В Солигорске введены в действие Первый и Второй калийные комбинаты, полным ходом сооружается Третий, а между тем ассигнования на жилье и все, что к нему привязывается, освоены лишь наполовину.

Время идет, поселки превращаются в города, и жизнь их все усложняется и усложняется.

Таких фактов много. Они говорят о том, что министерства, строящие заводы и фабрики, несомненно, заботятся об их своевременном вводе в эксплуатацию, а вот созданию надлежащих условий для жизни людей, работающих на этих предприятиях, уделяется недостаточное внимание. Но жизнь идет своим чередом: на строительство заводов, фабрик, электростанций, шахт, а потом и на работу в этих предприятиях приходят новые и новые люди. Города растут, расширяются, увеличивается их население, и тут возникает много забот о том, как лучше удовлетворять культурно-бытовые запросы тружеников этих городов. Кому заниматься этими проблемами? Кому развивать и совершенствовать торговлю, культурно-бытовое обслуживание, коммунальное хозяйство? Существует определенный порядок финансирования строительства в городах, вырастающих вокруг крупных промышленных комплексов: все перечисленные мною вопросы должны решать соответствующие министерства вместе с предприятиями, которые эти города, если можно так выразиться, породили. Но и здесь опять возникают серьезные осложнения.

В том же Солигорске спрашивают: где нам взять снегоочистительную машину, где взять электролампочки (!) для освещения улиц? Из Жодина раздается такой же вопрос: кто построит у нас музыкальную школу? А рынок? Подобных вопросов много. Видимо, назрела необходимость пересмотреть порядок планирования и финансирования строительства и благоустройства в новых городах. Я имею в

виду жилье, школы, больницы, инженерные и транспортные коммуникации, предприятия бытового обслуживания и т. п. Надо найти такое решение, которое исключало бы межведомственные неувязки.

Как все же решать проблемы строительства хороших новых и правильной реконструкции растущих старых городов? Нам кажется, что нужно пойти следующим путем. В планах размещения производительных сил страны известно на 10—15 и более лет вперед, где и каких размеров по численности населения будут строиться новые города и на сколько будет увеличиваться население старых. Имея в виду это обстоятельство, следует заблаговременно позаботиться о составлении генеральных планов строительства новых и расширения старых городов с определением очередности работ. При составлении пятилетних и годовых планов строительства промышленных предприятий следовало бы с учетом планов размещения производительных сил страны намечать капитальные вложения не только по министерствам, но и определять их по новым и развивающимся городам в целом. Учитывая объемы строительства, сроки ввода в эксплуатацию промышленных предприятий, нужно предвидеть и численность населения в этих городах и, соразмеряясь с нею, планировать необходимые капитальные вложения на жилые дома, коммунальное хозяйство, социально-культурные учреждения. Все эти средства следует передавать местным органам власти для осуществления предусмотренного генеральными планами строительства и развития городов.

В планах надо предусматривать передачу местными Советами необходимой промышленным предприятиям жилой площади. Таким образом, для того, чтобы построить хороший город или правильно реконструировать уже существующий, нужно уделять больше внимания вопросам комплексного планирования средств. Это позволит планомерно вести строительные работы и, кроме того, на 20—30 процентов сократить стоимость дорог, водопровода, канализации, теплофикации и других инженерных сетей, необходимых каждому промышленному предприятию. То же можно сказать и о сокращении стоимости городских инженерных сетей.

На наш взгляд, такой порядок планирования будет способствовать улучшению руководства со стороны местных партийных и советских органов строительством, деятельностью предприятий и жизнью города.

Мне хотелось бы затронуть и некоторые вопросы, имеющие отношение не только к молодым городам. Думается, что пришла пора основательно взяться за решение проблем технического прогресса в жизненно важных сферах культурно-бытового обслуживания людей. Часто, говоря о делах и судьбах наших городов, мы обсуждаем лишь главные проблемы, забывая при этом о необходимости заниматься всем, вплоть до самых незначительных на первый взгляд мелочей. Простой пример: почти все работы по уходу за зелеными насаждениями выполняются вручную. А кто заботится о механизации этих работ или о механизации вывозки мусора со дворов? Сколько еще таких нерешенных вопросов в коммунальном хозяйстве? Или проблема подготовки кадров. В недалеком будущем крупные прачечные, к примеру, будут оснащены машинами, управляемыми электронной техникой. Кто будет на них работать? Конечно, здесь потребуется специалист, знающий машины, технологию стирки тканей. Но таких специалистов, насколько нам известно, пока еще в нашей стране почти не готовят. Совершенно очевидно, что подготовку кадров для коммунального хозяйства надо всемерно расширять и совершенствовать.

...Всем известно, что хорошо убранная улица, аккуратно подстриженный газон, красивый жилой дом или кафе — все это, естественно, сказывается на настроении человека, а значит, и на производительности его труда. Мы не можем это не учитывать.

...Появился новый город на карте. Великое множество вопросов рождается вместе с ним. Нам их решать. И если мы будем решать их умно, дружно, без ведомственных капризов, с учетом всех требований современности, то, безусловно, преуспеем, одолеем любые трудности.

ВСЕГДА НА ПЕРЕДОВОЙ

Обложка первого номера журнала «Красноармеец».

Полковник Ф. ЦАРЕВ,
главный редактор журнала «Советский воин»

15 апреля этого года у нас юбилей: «Советскому воину», общественно-политическому и литературно-художественному журналу Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота,— пятьдесят лет.

Первый номер «Красноармейца» (так тогда назывался «Советский воин») вышел 15 апреля 1919 года под грохот боев гражданской войны. Новорожденному, как видите, было дано прекрасное имя. Оно содержало в себе то поистине историческое, что принес с собой Великий Октябрь,— создание Рабоче-Крестьянской Красной Армии, армии нового типа, которая грудью встала на защиту молодой Советской республики. С первых дней «Красноармеец» был боевым печатным органом наших доблестных Вооруженных Сил, верным помощником партии в воспитании солдатских и матросских масс, проводником великих ленинских идей.

На страницах «Красноармейца», в его юбилейном номере за октябрь 1919 года опубликовано воззвание Владимира Ильича Ленина «К товарищам красноармейцам» — высокий образец пламенной партийной публицистики. В. И. Ленин призывал бойцов и командиров, весь народ решительно и смело разгромить белогвардейцев и интервентов, пытавшихся свергнуть Советскую власть. Ленин закончил свое воззвание вещими словами: «Вперед! товарищи красноармейцы. На бой за рабоче-крестьянскую власть, против помещиков, против царских генералов! Победа будет за нами!»

Публикация ленинской статьи придала «Красноармейцу» силу и высокий авторитет. Вокруг журнала объединились лучшие публицисты, писатели, художники, в журнале выступали видные партийные и государственные деятели, военачальники, прославленные в боях гражданской войны бойцы и командиры. Среди них — М. И. Калинин, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Ем. Ярославский, А. Луначарский, М. Горький, Дм. Фурманов, Д. Бедный, А. Серафимович и многие другие.

«Советский воин» был на переднем крае и в пору Великой Отечественной войны. Его читали в окопах и землянках, на подводных лодках и крейсерах, он шел с бойцами в шеренгах атакующих, закалял сердца солдат в самые тяжелые минуты боя. В те суровые годы на страницах журнала публиковались рассказы и публицистика А. Фадеева, А. Толстого, К. Федина, М. Шолохова, стихи Н. Тихонова, А. Суркова, М. Исаковского, А. Прокофьева, С. Щипачева, М. Бажана, П. Бровки, В. Лебедева-Кумача и других деятелей литературы. Со страниц журнала звучали голоса рабочих, колхозников, ученых, героев труда и боев, мастеров военного дела — всех тех, кто своими руками ковал победу над ненавистным врагом.

Беспощадно разили гитлеровцев, воспитывали жгучую ненависть к ним такие мастера сатирического рисунка и политического плаката, как Кукрыниксы, Бор. Ефимов, Н. Долгоруков, Дени и другие.

В 1944 году Указом Президиума Верховного Совета СССР журнал «Красноармеец» был награжден орденом Красной Звезды.

В наши дни «Советский воин» — один из самых массовых военных журналов Вооруженных Сил. Если в годы гражданской войны его тираж составлял примерно 20 тысяч экземпляров, то теперь он достигает сотен тысяч. С возрастом он, как говорится, стал солиднее. Объем его — шесть печатных листов. В журнале — две вкладки, на которых мы печатаем цветные фотографии и репродукции картин. У журнала есть приложение — «Библиотечка «Советского воина», где печатаются художественные произведения наших активных авторов. Есть у журнала и «Иллюстрированное приложение» — многокрасочное издание с цветными фотографиями, рассказывающими о боевой и политической подготовке воинов, их жизни, досуге.

Все эти издания редакция старается как можно полезнее и интереснее использовать для основной нашей цели — воспитывать советских воинов подлинными борцами за дело Коммунистической партии, пламенными патриотами социалистической Родины, настоящими мастерами военного дела, всегда готовыми выступить на защиту своего Отечества.

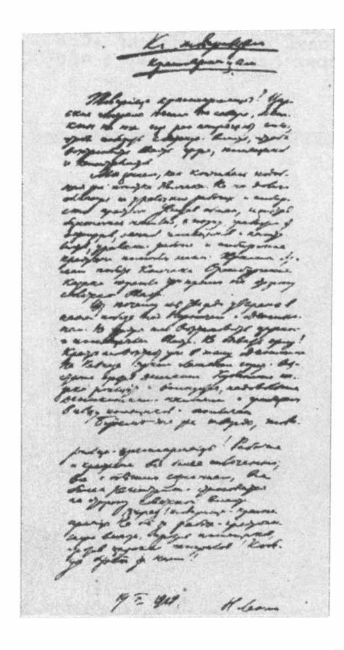
Мы не замыкаемся в кругу только военных тем. Редакция стремится как можно интереснее и содержательнее освещать жизнь народов нашей страны, знакомить читателей с работой комсомольских организаций, больше печатать материалов о братских социалистических странах и их армиях, выступать на международные темы.

«Над чем работают писатели», «Страна родная», «Шаги пятилетки», «В мире науки и техники», «Спрашивайте — отвечаем», «Книги, читатель, время» — таковы рубрики журнала: мы стараемся публиковать обширную информацию на самые разнообразные темы.

Сейчас журнал, как и вся советская печать, готовится к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Мы публикуем документы и воспоминания старых большевиков, военачальников о революционной и военной деятельности вождя мирового пролетариата, рассказы людей, встречавшихся с Владимиром Ильичем, художественные и графические произведения, посвященные ленинской теме.

Журнал не мог бы удовлетворить все возрастающие запросы читателей, если бы не опирался на широкий авторский актив. Он у нас растет из года в год. И мы пользуемся предоставленной нам возможностью, чтобы сердечно поблагодарить писателей, журналистов, художников, композиторов, фотокорреспондентов, всех наших военкоров, рабкоров, селькоров и юнкоров за активное участие в работе журнала.

В дни юбилея в адрес «Советского воина» приходит много поздравительных писем, телеграмм, приветствий. В них воины армии и флота, творческие организации, авторы и читатели советуют, как лучше и интереснее делать журнал, что еще необходимо предпринять для повышения его политического и художественного уровня. Мы внимательно изучаем эти советы, предложения и постараемся, чтобы в новом пятидесятилетии журнал был еще более боевым помощником нашей партии в воспитании советских воинов.

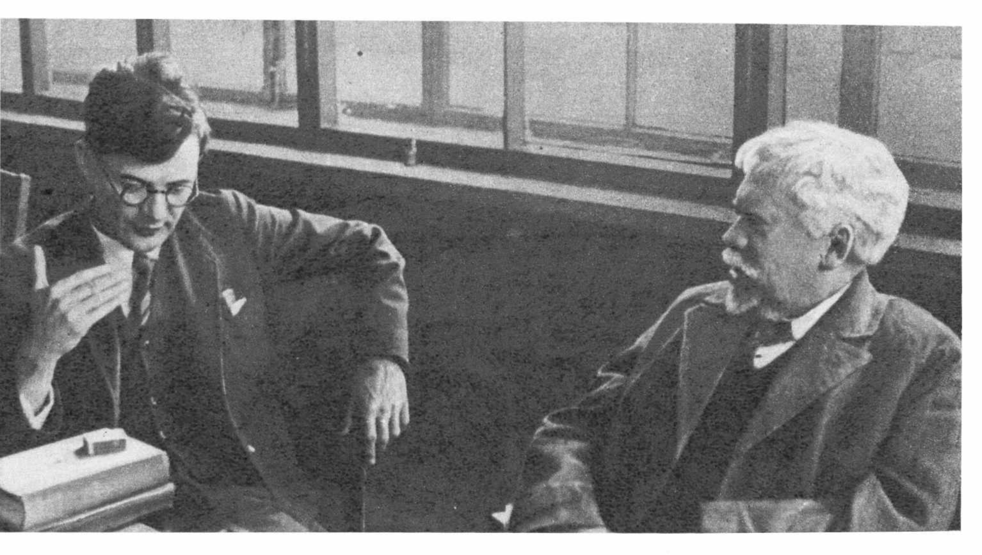

Факсимиле воззвания В. И. Ленина «К товарищам красноармейцам», которое впервые было опубликовано в октябре 1919 года в журнале «Красноармеец».

Перед нами, как и всеми журналистами, стоят сейчас большие задачи. Коллектив редакции приложит все силы, чтобы с честью выполнить их, оправдать высокое доверие партии.

* * *

Редакция журнала «Огонек» сердечно поздравляет своего боевого друга, коллектив сотрудников, авторов журнала «Советский воин».

Сергей Алексеевич ЧАПЛЫГИН

5 апреля исполнилось сто лет со дня рождения Сергея Алексеевича Чаплыгина, замечательного русского ученого, известного во всем мире своими трудами в области механики и аэродинамики. На этой, до сих пор нигде не публиковавшейся фотографии Сергей Алексеевич снят с академиком Б. С. Стечкиным. Эту фотографию комментирует **академик А. И. Макаревский, заместитель начальника Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ).**

Академик А. И. Макаревский

Мне выпало огромное счастье начинать работать в институте, который возглавлял такой блестящий ученый-организатор, как Сергей Алексеевич Чаплыгин. Председателем коллегии ЦАГИ он стал в двадцать первом году, после смерти своего учителя Николая Егоровича Жуковского.

В Чаплыгине поражало все: глубина его научных работ, позволявших совершенно по-новому взглянуть на некоторые проблемы аэро- и гидродинамики; его внешность — выразительная и удивительно обаятельная; широчайшая эрудиция и великолепная память. Я и сам не раз сталкивался с тем, что Сергей Алексеевич никогда ни о чем не забывал, ни о каком деле ему не приходилось напоминать, и свои обещания он выполнял неукоснительно. Все номера телефонов Сергей Алексеевич помнил наизусть. Сотрудники ЦАГИ до сих пор вспоминают, как незадолго до смерти, в 1942 году, он жаловался: «Совсем потерял память. Только в прошлом году звонил человеку и не могу вспомнить телефон».

Эта фотография сделана в 1929 году в одной из только что отстроенных московских лабораторий ЦАГИ на улице Радио. Я помню, с какими трудностями и с каким энтузиазмом строились лаборатории. Большинство сотрудников была молодежь, только что закончившая институт. Конечно, опыта было у всех маловато. И понятно, какая львиная доля, какая огромная тяжесть приходилась на плечи Сергея Алексеевича, ученого с мировым именем и незыблемым авторитетом в науке. Огромное внимание обращал Сергей Алексеевич на то, чтобы построенные лаборатории сразу же включались в хозяйственную жизнь страны. Например, именно в его любимой гидравлической лаборатории, в создании которой он принимал особенно деятельное участие, решались важнейшие проблемы строительства Днепрогэса. Тут были определены наиболее рациональные формы плотины на Днепре, проведены испытания целой серии моделей турбин, как отечественных, так и зарубежных.

О чем они беседовали — Чаплыгин и Стечкин — перед тем, как был сделан этот снимок? Я не хочу гадать сейчас, но двадцать девятый год был полон событиями и в их жизни. В тот год Сергея Алексеевича избрали академиком. Две из его работ были переизданы во Франции и вызвали большой интерес западных ученых. А Стечкин в тот год создал и опубликовал первую в мире теорию воздушных реактивных двигателей.

Тогда шел одиннадцатый год работы ЦАГИ. А недавно мы отметили пятьдесят лет этого научного учреждения, в фундаменте которого незыблемо лежат труды первого ученика великого Жуковского — Сергея Алексеевича Чаплыгина, крупнейшего ученого, механика, прекрасного человека, патриота своей Родины.

Близ Усть-Илима. Геологи в походе.
Фото А. Гостева.

ПОЭМА В КАМНЕ

Есть в Москве место, где можно увидеть собранные воедино плоды трудов советских геологов, минералогов, петрографов. Это Минералогический музей имени А. Е. Ферсмана Академии наук СССР, которому уже 253 года. Здесь хранится более 113 тысяч образцов, представляющих все крупнейшие месторождения полезных ископаемых и сырьевые базы страны, а также образцы минералов почти из всех государств мира. Каждый год, возвращаясь из экспедиций, ученые, геологи-поисковики и сотрудники музея передают свои трофеи, добытые в трудном поиске, и берут материалы для дальнейших научных работ.

С чего начать рассказ о новых пополнениях музея? Выбор нелегок. В прошлом году, как и обычно, здесь было записано около 1400 образцов. Вот и витрина, на которой значится: «Новые поступления». Внимание привлекает незнакомое слово: «ольшанскит». Этот минерал, содержащий бор, совсем недавно открыл сотрудник института геологии рудных месторождений Н. Н. Перцев. И назвал его в честь известного советского геолога Я. И. Ольшанского.

В последнее время советские геологи открыли немало новых минералов. Вот два из них. Лиловый — согдианит и зеленый — тяньшанит. Их обнаружил в Средней Азии молодой ученый В. Д. Дусматов, автор работ по геологии Центрального Таджикистана. Новые минералы не имеют промышленного значения — они чрезвычайно редки, однако очень интересны для науки, так как состоят из элементов, обычно не встречающихся вместе.

У музея есть старые и верные друзья среди геологов. Ценные материалы постоянно дарит кандидат геолого-минералогических наук Л. М. Лебедев. Из его образцов собрана даже целая выставка — современные отложения гидротермальных источников. Здесь можно увидеть даже самородный свинец! Коллекция, собранная Л. М. Лебедевым, особенно ценна еще и потому, что представляет образцы отложений из разных районов страны — Туркмении, Грузии, Камчатки...

Новые экспонаты доставляют не только ученые, но и любители камня — коллекционеры, рабочие, школьники. Витрина «Минералы Подмосковья», например, в основном пополняется находками школьников, участников геологических походов. Оказывается, даже на пляже в Филях можно найти фосфориты и пириты, а под Подольском — аметисты.

...Нарядный зал музея. Великолепные друзы серы, огромные штуфы апатита, самородная медь. Все эти образцы — с крупнейших советских месторождений... Говорят, что камни немы. Неправда это. Собранные здесь, в Минералогическом музее, камни заговорили, стали поэмой, воспевающей советских геологов.

Н. ВЛАСОВА

Виктор ПОПОВКИН

Ученые утверждают: внутри каждого из нас есть... часы! Часы или просто... будильник?

Кому не доводилось подняться утром за минуту или иной раз за «мгновение» до того, как раздастся звонок? Есть даже люди, которым вообще не приходится прибегать к услугам будильника. Словно какой-то внутренний, их собственный часовой механизм в точно назначенное время неизменно подает сигнал к пробуждению! Многие склонны объяснять это выработавшейся привычкой. Но привычка ли это?

Читателя XX века, привыкшего к открытию все новых и новых «чудес» в мире растений и животных, наверняка ничуть не удивит сообщение о том, что, например, птицы, относящиеся к семейству воробьиных, чувствуют начало новых суток с точностью до пятнадцати минут. Большинство стрижей в Московской области ежегодно с удивительной точностью прилетает в один и тот же день, а именно 17 мая, а улетает 11 августа; в Калифорнии 19 марта возвращаются ласточки, и этот день считается началом весны.

Да и сам человек, обладая нормальной психикой и не причисляя себя к «феноменам природы», преуспевает в восприятии времени не хуже птиц. Он также может оценивать начало новых суток, пусть даже и в полной темноте, с точностью до 10—15 минут...

В Италии нашлись остроумные экспериментаторы, которые в научных целях на целую неделю заточили в пещеру — на глубине 100 метров и в полной темноте — 4 кроликов, 5 кур, и 5 петухов, и... 20 ученых. Результат: после стошестидесятичасового пребывания в роли пещерного узника человек в отличие от животных утрачивал чувство времени. В то же время сами биологические часы и у животных и у человека «шли» исправно. Оказалось, что на чувство времени человека сильно влияет его психика: продолжительное одиночество, длительное пребывание в темноте лишают человека умения обращаться к «циферблату» своих внутренних часов.

КАК УЧЕНЫЕ ОБМАНУЛИ ТАРАКАНА...

Над тараканом пошутили довольно зло: в его сознании перепутали день и ночь. И теперь, вместо того, чтобы отсиживаться в темном углу днем, когда выход «в люди» — почти бессмысленный риск для него, он шустро отправлялся в поисках пищи, а с наступлением сумерек трусливо спешил спрятаться в укромное место, вызывая своим поведением откровенное непонимание более смелых сородичей...

Никто из них не мог ведь даже и подозревать, что делал он это не по своей воле: таракану просто-напросто подменили часы!

Это было, конечно, не так просто. Сначала нужно было найти, где они находятся. Но они были найдены — «часовым механизмом» оказались четыре особые клеточки, расположенные под крохотным головным мозгом (это нервные клетки подглоточного ганглия, относящиеся к центральной нервной системе насекомого). А пересадку осуществили с помощью тонкой операции, вырезав этот своеобразный «центр времени» у таракана-донора, приученного в лабораторных условиях к извращенному суточному ритму.

Итак, даже таракан имеет собственные часы? Да, и в этом смысле насекомое, способное доставить немало хлопот иным нерадивым хозяйкам, вполне достойно памятника, так сказать, при жизни: таракан явился первым живым существом, искусное анатомирование и эксперименты с которым доказали существование реальных биологических часов у животных.

Кто же заводит биологические часы? Солнце. А если быть точнее: суточная смена дня и ночи. Правда, могут быть еще и «звездные», и «лунные», и «приливные» часы,— это зависит от того, кто с чем в природе связывает ритм своей жизни!..

И что особенно важно, у насекомых и птиц, рыб и животных «показания» Солнца или звезды, при навигации по этим ориентирам, непрерывно сверяются в крохотном «вычислительном устройстве» мозга с показаниями их внутренних, биологических часов. И не будет ошибок в пути, пока в мозг посылаются достоверные данные и от «компаса» и от «часов».

Ученые вывели из строя часы некоторым насекомым, птицам и обитателям морских глубин. И вот с ними стали твориться самые удивительные вещи...

Паука, носящего грозное имя «волк-паук», заставили забыть, на каком берегу он живет. Для этого достаточно было продержать паука много дней в темноте. Пчелы-разведчицы с испорченными часами невольно обманывали своих «сослуживиц» по улью, указывая им заведомо неверный путь к источнику нектара. Рыбы нарушали время исполнения своих родовых обязанностей. У птиц были сорваны сроки и направление миграций, даже находясь поблизости от собственного гнезда, они не знали, где оно. «Куколка», из которой должна была развиться бабочка, принялась исполнять программу, заложенную в ее генетическом коде, в самое неподходящее время...

Оказывается, «живые» часы можно затормозить и совсем остановить... заморозив их. Для остановки холодом достаточно некоторое время «выдержать» биочасы (вместе с их носителем!) при температуре от ноля до пяти градусов.

Возможно, именно эта способность насекомых и некоторых животных останавливать на время или замедлять ход биочасов и помогает им пережить наступление холодов, зимы и вообще суровых условий существования.

Гормоны, благодаря которым перед наступлением зимы или засухи живые существа впадают в спячку, задерживают дальнейшее созревание особи, пока не наступит определенное время года. Фактически, по словам одного из биологов, они сохраняют юность, как бы помещая ее в холодильник!

ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ ЧАСЫ!

Вы только что закончили перелет из одной точки земного шара в другую. Ну, хотя бы из Москвы в Новосибирск или Владивосток. Итак, вы в ином «временном поясе» Земли. Позади шум аэродрома, заботы по устройству в гостинице, первое знакомство с городом.

Но... странное дело! Какое-то необъяснимое чувство внутренней неустроенности закрадывается в ваше сознание. Оно мешает сосредоточиться, не позволяет вам долго уснуть, хотя давно уже поздний час и черно за окном... «В чем же дело?» — недоумевает человек, впервые оказавшийся в подобной ситуации.

А разгадка причины вашего самочувствия чрезвычайно проста. Дело, оказывается, лишь в том, что вы «забыли» перевести стрелки ваших биочасов! Настроенные на местное время, к которому вы привыкли, они будут упорно отставать или опережать время в новом для вас месте. И перестройка «собственных часов» на новый отсчет осуществляется не так-то просто! На это уходит не один день — неделя или даже полмесяца.

И потому спортсмен, совершив перелет из западного полушария в восточное (или наоборот), вынужден терпеливо ждать, пока показания его внутренних часов не придут в соответствие с местным временем. Или, как говорят ученые, пока не наступит синхронизация биологического времени с астрономическим.

Очень образное пояснение по этому поводу высказал один из советских ученых, занимающихся изучением проблемы биологических ритмов, кандидат медицинских наук Николай Александрович Агаджанян.

— В первые несколько суток измененного образа жизни,— говорит он,— организм человека как бы расщеплен на бодрствующий мозг и спящее тело. Переход от дневного образа жизни к ночному небезразличен для организма. Для перестройки биологических процессов нужно не только время, но и большая работа мозга.

Не случайно поэтому, например, графики работы пилотов на авиалиниях строятся сегодня в соответствии с суточными ритмами.

«ВРЕМЯ — ТКАНЬ, ИЗ КОТОРОЙ СДЕЛАНА ЖИЗНЬ»

Смысл этих слов, принадлежащих английскому писателю Ричардсону, приобретет особое значение, если учесть такой факт: сегодня доказанным является, что целый ряд заболеваний возникает именно как следствие нарушения биологических ритмов.

— Есть основание считать,— говорит Н. А. Агаджанян, апеллируя к полученным экспериментальным данным,— что организм в течение суток по-разному будет реагировать на физические нагрузки. Наиболее слабым человек оказывается с двух до пяти часов утра, а затем между двенадцатью — четырнадцатью часами. Наиболее же сильным он может считать себя утром — с восьми до двенадцати и днем — с четырнадцати до семнадцати.

Не надо забывать, правда, добавляет ученый, что у человека, являющегося не только биологическим, но и сознательным существом, двух одинаковых дней быть не может. И при необходимости он может в любое время суток поднять волевым усилием функциональные возможности своего организма.

И все-таки организм наш живет «по часам». Почему большинство инфарктов сердца происходит ночью? Почему язва желудка обостряется чаще всего весной и осенью? Отчего большинство обострений различных заболеваний приходится на полнолуние? Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, врачам приходится знакомиться с метеорологией и другими естественными науками.

Около полусотни физиологических и нервно-психических функций человека, подверженных действию биоритмов, взято уже под наблюдение. Время, как доказано школой И. П. Павлова, является таким же объективным раздражителем, как и зрительный, слуховой, тактильный и другие. «Как понимать физиологически время в качестве условного раздражителя? — задавал вопрос Павлов и отвечал: — Как мы вообще отмечаем время? Мы делаем это при помощи разных циклических явлений; захода и восхода Солнца, движения стрелок по циферблату часов и т. д. Но ведь у нас в теле этих циклических явлений тоже немало...»

Суточным ритмам подвержен весь организм человека. Температура тела изменяется «волнообразно», с амплитудой колебаний от 0,6 до 1,3 градуса: максимальное значение приобретает она к шести вечера, наиболее низкая температура — между часом ночи и пятью часами утра. Хотя желчь в организме человека вырабатывается непрерывно, наибольшее ее количество печень выделяет в первой половине дня (в шутку ли, всерьез — это надо бы учесть любителям утренних заседаний!). Правда, та же печень в первой половине дня отдает, а во второй ассимилирует сахар, накапливает гликоген, воду (при этом клетки печени увеличиваются в объеме почти в три раза!). Капилляры нашей кровеносной системы наиболее расширены в 18 часов, а сужены — в 2 часа. Наименьшие величины частоты пульса — около четырех часов, а кровяного давления — примерно в 9 утра. Ночью, особенно между двумя и четырьмя часами, у человека понижается память, появляется замедленность в действиях, увеличивается число ошибок при решении математических задач, снижается и мышечная сила.

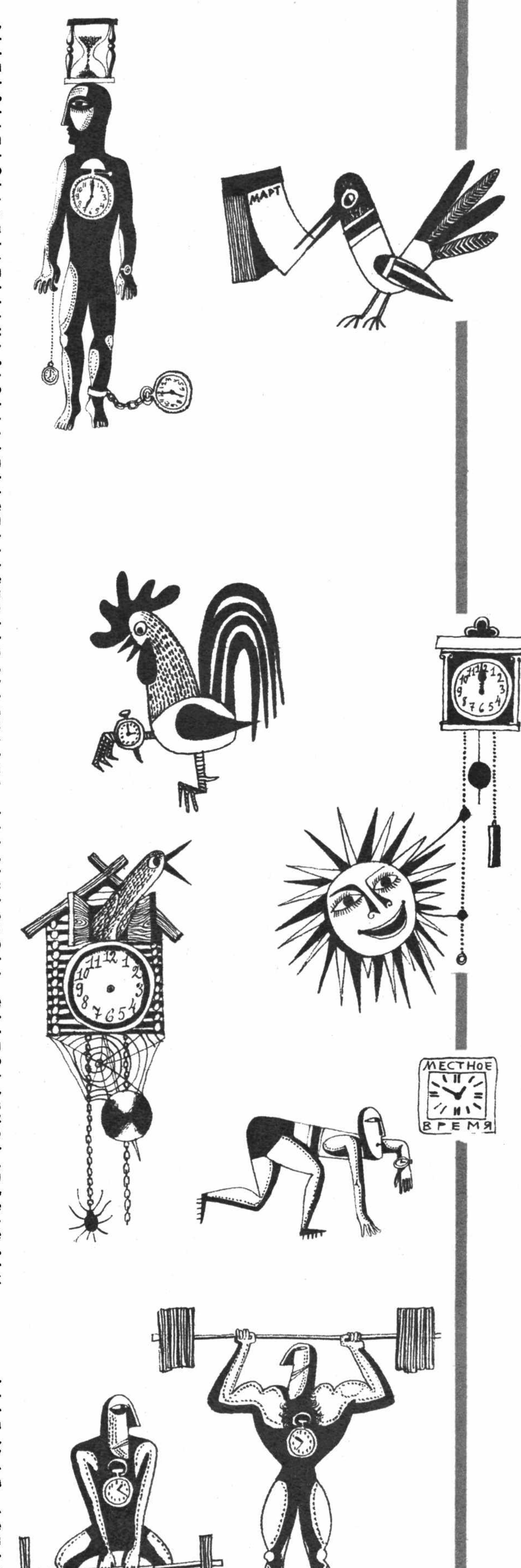
Дважды в сутки падает работоспособность сердечной мышцы: около часа дня и девяти вечера. Это очень важный факт, и не учитывать его — равносильно преступлению против здоровья человека. Нецелесообразно в эти часы подвергать человека большим физическим нагрузкам (например, действию ускорений, высоких температур, кислородной недостаточности и т. п.).

Отсюда ясно, какое значение имеет умно составленный режим работы и отдыха, основанный на знании и с учетом биологических ритмов. Тот, кто внимательно следит за сообщениями о запуске космонавтов, давно заметил: режим их сна и бодрствования сохранен с учетом земного, привычного распорядка, и это считается пока наиболее целесообразным. При полете на другие планеты придется, очевидно, либо брать с собой «искусственные земные сутки», либо перестраивать биоритмы космонавта под «местное время» иных планет. Полет, к примеру, до Марса и обратно займет около 260 земных суток.

* * *

Кто знает, может, и не случайно именно на проблему биологических часов обратили внимание ученые в поисках ключа к долголетию. Время покажет... И мне хочется закончить эту статью словами известного советского ученого академика В. В. Парина:

— Сейчас трудно себе представить, какие практические выгоды извлечет человек, если он сумеет управлять биологическими ритмами. Не будем предсказывать. Пусть время, здесь уже в прямом смысле этого слова, скажет само за себя.

Рисунки Б. Алимова.

ЧАСЫ ВНУТРИ НАС?

Более пяти лет в Доме культуры Харьковского электромеханического завода занимается самодеятельный коллектив «Харьковчанка»; тут и школьницы, и студентки, и инженер, и педагоги. Оркестр (фото 1) широко славится своей игрой: в 1967 году на фестивале самодеятельного искусства Украины он занял первое место и был награжден золотой медалью.

Особенно задушевно девушки исполняют песню о родном городе. Слова этой песни написаны студентом Харьковского медицинского института С. Павловским, музыка — руководителем ансамбля А. Литвиновым (фото 2).

Каждая из девушек пришла в музыку своим путем.

Алла Фирсова — гитаристка. «С этим инструментом,— говорит она,— я дружу с детства. У нас почти в каждом дворе звучит гитара, и жаль, что чаще всего ею пользуются лишь для аккомпанемента. А ведь это мелодичный инструмент с красивым звучанием и большими возможностями!..» А как вы думаете, что за погремушки в руках у Аллы Шатуновской? Это маракасы. Алла считает, что они создают в оркестре особый, нежный ритм. Впрочем, в этом же убеждена, как вы видите, и ее подружка Лина Котлик (фото 3).

Чистые звуки падают с вибрафона звонкими каплями, а руки Любы Дембовской делают такие точные движения, что создается впечатление: она может играть даже с закрытыми глазами (фото 4).

Наташа Гурина слышит музыку вокруг себя. Далекий гул электрички, шепот листьев, голоса ночных птиц сливаются в мелодии, которые хотелось бы выразить в песне (фото 5).

Таня Татаринцева еще учится в 10-м классе. С первых же звуков рояля окружающее как бы перестает для нее существовать (фото 6).

Т. ЛОТИС

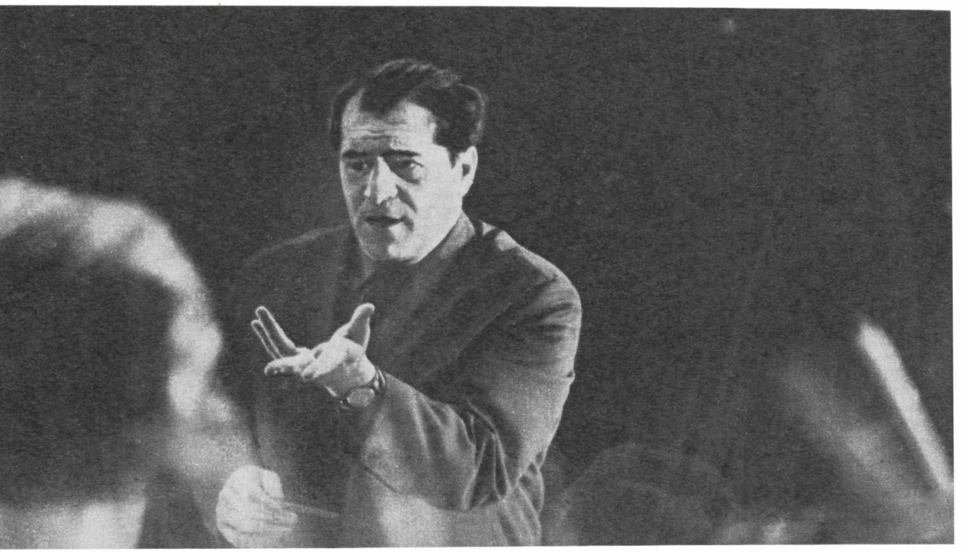
Фото Л. Бородулина.

В ансамбле только девушки

5

2

4

1

3

6

Петря ДАРИЕНКО

Живая музыка земли

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Состарилось ореховое дерево,
Посаженное дедом в давний срок.
Я подобрал орех
и вот теперь его
Зарыл и жду, когда взойдет
росток.

Орех пророс и заветвился около
Шумящего листвою старика.
Пускай младенец
роста невысокого,
Он устремится ввысь, под облака.
Он будет щедро
потчевать орехами
Потомков
И светиться в вышине.
Куда б они ни шли, куда б
ни ехали,
Здесь, вероятно,
вспомнят обо мне.

А это значит —
Жизнь не вся утеряна,
Не оборвался мой давнишний
след.
Кто посадил ореховое дерево,
Тот будет жить в грядущем
триста лет.

* * *

Я хочу,
неупрямый
упрямый,
Рисковать головой
Не в тиши,
не в тылу,
а на самой
Настоящей передовой;

Я хочу, словно в миг мирозданья,
Там прокладывать след,
Где
даются
почетные званья
Не за выслугу лет.

* * *

Твой образ
не на камне и земле,
Не на песке, дымящемся от зноя,
Он на дубовом вырезан стволе,
И дуб
тебя подъемлет надо мною.

О нет, не дуб,
а та моя строка,
Над коей я колдую то и дело.
И я хочу
поднять за облака
Твою любовь,
Которой нет предела.

ДУМЫ

Вы в душе родились и ушли
В глубь времен,
в общение с грядущим.
Вы живая музыка земли
И во всем салют вперед идущим.

Мы уходим
в образе лучей,
В блеске трав и тополиной дрожи.
Этот мир, всеобщий и ничей,
С каждым днем родней нам
и дороже.

Наши думы остаются тут —
Вечные противницы уюта.
Думы, как бессмертники, цветут
И не отцветают потому-то.

Думы возвышаются до звезд
И стоят, подобно вечным книгам.
Думы перебрасывают мост
Меж прошедшим и грядущим
мигом.

Думы — это прелесть колеи,
Думы — это смелость и раденье,
Думы — это голуби мои,
Думы — это крылья возрожденья.

ОТЕЦ

О тополь,
Ты не только ввысь
стремишься год от года.
Ты землю
обнимаешь
всей
ухваткою корней.
А корни
в глубине сплелись,
Стремясь к подземным
водам,
Не афишируя себя,
Владычествуют в ней.

ОТВЕТ

Спросили у меня,
я помню это:
— Как возникает песня у поэта?
А я сказал, что песня у поэта
Рождается из сердца и рассвета.

А после у меня спросили снова:
Как я смеяться заставляю
слово?
Я ничего
ответно не ответил,
Но стал раздумчив,
Медленен
И светел.

Спросили,
Словно в гости пригласили,
Запомышляли о певучей силе...
Она в душе
является подковой,
Она поет
Струною родниковой.

СЛЕДЫ

Он шел и не глядел
На звезды,
На восходы,
На лиственную дрожь,
На промельки дождя,
А думал
о следах,
Которые сквозь годы
Проложит по земле,
Оставит,
уходя.

Он так и не учел,
Что не открыл
америк,
Лишь на песке
Морском
Сумел оставить след.
Гульливая волна
Нахлынула на берег,
И больше
ни следов,
Ни человека
Нет.

* * *

Смотришь,
извиваешься ужом,
Вкрадчиво беседуешь при встрече.
Ты готов орудовать ножом,
Чтоб увидеть сердце человечье.

Но запомни, правдой дорожа:
Ни к чему подобные увечья.
Можно обойтись и без ножа,
Чтоб увидеть сердце человечье.

РОЖДЕНИЕ

Я из дома уйду не впервой,
От тебя
и от вас, дорогие.
И тогда над моей головой
Замерцают созвездья другие.

Я умру еще тысячу раз.
Я воспряну,
как доброе пламя.
Видишь,
снова заря пролилась?!
Слышишь,
небо трубит журавлями?!

Время нам предъявляет права
И не терпит
пути показного.
Я родился
Не раз и не два,
Я приду еще снова и снова.

Перевел с молдавского
Сергей СМИРНОВ.

ПЕСНЯ НОВОГО ТАШКЕНТА

Вячеслав КОСТЫРЯ

Новый Ташкент... Город мира и мужества...

Так уж сложилось, что Ташкент шагнул в Октябре 1917 года прямо из феодализма в социализм и быстро пошел в рост. К 1940 году, став крупнейшим промышленным и культурно-политическим центром на востоке страны, он насчитывал уже 600 тысяч человек, а через два с половиной десятилетия население его удвоилось. В грозном 1941-м около ста заводов, десятки учреждений, более миллиона человек эвакуировались в этот город, чтобы с ходу начать регулярное снабжение фронта самолетами, танками, бронепоездами, вооружением, боеприпасами, продовольствием. Тут не до железобетонных фундаментов для жилых помещений, в свободные от работы часы ташкентские новоселы строили для себя глинобитные домишки — была бы крыша над головой! А когда война закончилась, в первую очередь все советские люди, в том числе и ташкентцы, принялись поднимать из пепла Волгоград и Ростов, Харьков и Орел, Курск и Смоленск, Минск и Киев... И хотя было два довоенных и два послевоенных генплана, строительство Ташкента начало по-настоящему разворачиваться лишь в 60-е годы. На окраине его появились жилые кварталы Чиланзара, в центре — вслед за новой гостиницей «Ташкент» — широкоооконные громады ЦУМа и Дворца водного спорта, шестиэтажное белокаменное здание ЦК КП Узбекистана, многогранник Дворца искусств... Генеральный план 1964 года воплощался в железобетон, стекло, пластик. Набирая темпы, Ташкент устремился в свое завтра, зная, что будущее постепенно излечит его от наследственной «глиняной болезни».

И вот 26 апреля 1966 года, 5 часов 23 минуты... Вздымая рыжие облака удушливой пыли, сыпалась стенная глина, в прах обращались фундаменты. Город как бы присел, мучительно вздрагивая при каждом новом подземном толчке.

Со всех концов страны помчались на помощь Ташкенту железнодорожные эшелоны со стройматериалами и машинами, летели самолеты с архитекторами и инженерами. В первые же часы после катастрофического толчка сюда прибыли Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Председатель Совета Министров Союза ССР А. Н. Косыгин. Строительные отряды воинов Советской Армии, всей республики взялись за восстановление раненого города.

А раны были немалые. Повреждено 37 612 зданий, остались без крова 71 540 семей.

Зной, пыль и толчки. Брезентовые палатки, кирпичные контрфорсы у аварийных стен, металлические пояса вокруг треснувших зданий — первая помощь.

Дожди, холода, снег — и все те же толчки. Но пострадавшие ташкентцы уже под крышей: в коттеджах города-спутника Сергели, молниеносно построенного под Ташкентом, в новых домах, возведенных прибывшими луганцами и москвичами, в оборудованных под жилье общественных зданиях, в уцелевших «уплотненных» квартирах, наконец, в гостеприимных семьях в других городах Советского Союза.

Цветущий миндаль, парующая земля и ставшие привычными, как стук часов, толчки. А вокруг...

— Когда первый раз поднялся на верхний этаж нового дома и огляделся, словно в сказку попал: вокруг море башенных кранов! — Это рассказывает управляющий трестом «Укрстрой» Петр Никифорович Харченко.— К концу минувшего года украинцы выполнили свое обещание — сдали сто шестьдесят тысяч квадратных метров жилья. В ближайшее время киевляне и днепропетровцы заканчивают строительство двух девятиэтажных жилых домов — это уже сверх плана. С победой финишируют строители из Российской Федерации, а у них объем работ вдвое больше; да еще отдельно Москва со своими 230 тысячами, Ленинград со 100 тысячами. Прибавьте братский плановый вклад Белоруссии — 25 тысяч, Казахстана — 28 тысяч, республик Кавказа — 72,5 тысячи, Средней Азии — 28,5 тысячи, Прибалтики — 22,5 тысячи, Молдавии — 6 тысяч... Плечом к плечу со строителями всех братских республик Ташкент ставили на ноги более 20 тысяч сыновей и дочерей Украины. И ноги у него теперь, как у олимпийского чемпиона-боксера, даже 9-балльный толчок нипочем!

Вот типовое высотное здание в квартале Ц-7. В основании его девяти этажей не полтора-два метра обычного фундамента, а целых двенадцать. И сам фундамент, располагаясь на сплошной и почти метровой по толщине железобетонной плите, состоит из двух ярусов, поделенных железобетонными перегородками на секции. Все полости нижнего яруса забиваются балластом, в верхнем — технические службы. При этом балластная часть фундамента имеет то же назначение, что и свинцовая начинка в игрушке ванька-встанька! Ну, а стены? Не обвалятся ли в случае чего? Петр Никифорович берет листок бумаги за уголки и, держа на весу, слегка покачивает его от себя к себе. Вот так «в случае чего» будут вести себя стены этого здания — навесные панели, прикрепленные к железобетонному каркасу.

На гигантской строительной площадке шло соревнование республик, городов, пришедших на помощь Ташкенту. Здешний начальник Главмосстроя Михаил Павлович Коханенко теперь уже как далекое прошлое вспоминает старт.

— Начинали-то на голом месте, точнее, на пыльном пустыре. Взбитая чуть ли не до газообразного состояния пыль — по пояс, хоть ложись и плыви. Но преодолели и пыль и зной, и ни одного теплового удара, в общем, московскую марку не уронили в эту пылищу. Спасибо хозяевам, помогли освоиться. ЦК Компартии Узбекистана, Совет Министров республики, горком партии и горисполком, профсоюзы и комсомол все сделали, чтобы побыстрее открыть нам фронт работ. А хозяйство мы привезли большое: одних автомашин 300 штук, полсотни башенных кранов, не говоря уж о других механизмах и материалах, которые шли и шли к нам из Москвы в десятках тысяч вагонов.

Ташкентцы с особой радостью получали ордера в «московские дома», и это ко многому обязывало строителей. Помнится, как волновались перед сдачей школы в Чиланзаре: дар Москвы Ташкенту, школа на 2 000 учащихся! Решили дать ей имя своей славной землячки — Зои Космодемьянской.

Обычно, когда начинается строительство, для деревьев наступают черные дни. Там, где был сад, остаются пеньки. Москвичи берегли каждую веточку! Здания как бы встраивались в гущу зелени. В квартале В-15, например, возле школы-новостройки раскинулись двадцатилетние орешины... Будто никакого землетрясения в Ташкенте и не было! Куда ни посмотришь, стоят обжитые красавцы дома. И как тут не помянуть добрым словом их создателей — мастеров строительных бригад Ивана Шешенина, Мариана Пуцентало, Александра Кудряшова, Алексея Косс, каменщиков Богатенко и Середина, электросварщиков Таирова и Белякова, отделочников Копкина, Астахова, Сая, плиточника Пахоменко, паркетчика Кобзева, шоферов Васюкова и Телегина, машиниста экскаватора Мирошниченко!..

Не покладая рук строят свой родной город и сами ташкентцы. 1 051 — эту цифру-пароль назвал нам первый заместитель начальника Главташкентстроя Абдусатар Каримович Каримов. Именно такое количество жилых домов, а также административных зданий, торговых и медицинских помещений, дворцов культуры, школ ташкентцы возводят своими силами. В разных концах города уже поднялись архитектурные сооружения, определяющие его современное лицо. Это двухсотметровый, парящий на ажурных крестовинах параллелепипед семиэтажного здания Совета Министров Узбекской ССР на площади имени В. И. Ленина с ее широченной Аллеей парадов. Рядом — в зигзагах лестниц новый дом ЦК комсомола Узбекистана. На проспекте Алишера Навои неузнаваемо преобразились музей имени великого поэта, одетый в мрамор и бронзу, и кинотеатр «Ватан», значительно подросший, в модном белокаменном наряде на раздавшихся плечах — теперь здесь Театр драмы имени Хамзы. Стражами раздвинувшей свои границы Саперной площади встали по ее углам гостиница «Россия», Дом моделей, 9-этажный жилой дом. А неподалеку от площади Театральной один за другим, как два брата, младший за старшим, в ячеистых костюмах солнцезащитных решеток, поднялись корпус Узсовпрофа и Дом знаний.

В бывшей старогородской, «азиатской» части Ташкента — современнейшее здание ресторана «Гулистан», а на новом жилом массиве Высоковольтный — стилизованное здание Института востоковедения... В конце кривой и узкой улицы Сагбан, по обе стороны этой тысячелетней дороги, наступательно поднялись светлые дома нового Каракамыша, спроектированные ленинградцами, изготовленные сибиряками Ангарска и смонтированные строителями из города Навои... Чем дальше, тем труднее будет находить пресловутые контрасты «старого» и «нового» города. А ведь совсем недавно...

И ночью и днем наряден и красив Дворец искусств Ташкента.

Фото Л. Шерстенникова.

Здания ЦК комсомола (справа) и Совета Министров республики.

Интерьер Дома знаний. Панно художников Л. Полищук и С. Щербининой.

Подземный переход у Центрального универмага.

Декоративная стенка на улице Навои (фрагмент). Архитектор Ю. Халдеев, художник А. Ган.

Председатель исполкома Ташкентского горсовета депутатов трудящихся Хуснитдин Асамович Асамов приводит любопытные цифры: в 1968 году только на благоустройство столицы республики было выделено около 15 миллионов рублей. Для сравнения напомню, что в 1925 году — лишь 37 тысяч рублей. А уж в более дальние времена и заглядывать страшно. Вот свидетельство одного из членов бюджетной комиссии Ташкентской городской думы: «Азиатская часть города не имеет ни одного фонаря, улицы не проездны, мосты ужасны, больницы нет, и вообще хозяйство этой части города находится в первобытном состоянии...» Так было в 1870 году.

Новый Ташкент становится одним из красивейших городов страны. У сквера Революции скоро поднимется высотное здание, которое издали будет похоже на развернутую книгу. Целесообразность, удобство, эстетика определяют проектное решение комплекса у Театральной площади. В самом центре этого комплекса — традиционный озелененный дворик с бассейнами, а купол конференц-зала напоминает узбекскую тюбетейку.

Колоссальный ресторан «Азия» — самый большой дастархан Востока — займет целый квартал, примыкающий к улице Карла Маркса. В нем разместятся большой зал на 1 000 мест, зал национальных блюд, четыре малых банкетных зала по 100 и 50 мест, чайхана и кафе, шашлычная и коктейль-холл, летнее кафе-мороженое и пивной бар, буфеты и закусочные на открытых террасах.

К 2500-летию Самарканда на выезде из Ташкента встанет дворец из мрамора и стекла, украшенный резьбой по ганчу и дереву, увенчанный голубым куполом. Это мемориальная чайхана «Самарканд-дарбаза» — «Самаркандские ворота»: да выпьет путник по обычаю пиалу чаю на прощание!..

В центре города развернулась самая ответственная стройка, ее так и называют: «Стройка № 1». Это здание филиала Центрального музея В. И. Ленина — подарок ташкентских строителей к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Здесь будет 21 демонстрационный зал, кинозал на 300 мест, библиотека и книгохранилище на 40—50 тысяч томов, читальный зал. Экспозиции музея разместятся на площади, равной 1 890 квадратным метрам. Монументальные произведения искусства воссоздадут этапы революционной борьбы и становления Советской власти в Средней Азии, поведают о трудовом и ратном героизме узбекского народа, о торжестве ленинской национальной политики. В мраморе, на фресках будут запечатлены картины строительства нового Ташкента посланцами всех народов Советского Союза!

Неподалеку отсюда, на площади имени Ленина, растет еще одно здание-уникум в 19 этажей. Никогда еще в сейсмической зоне нашей страны не возводилось подобное здание. В нем нет ничего типового. Фундамент, состоящий из квадратных плит монолитного железобетона, уходит вглубь на 13 метров. Здание утвердилось на четырех крестообразных и четырех пластинчатых диафрагмах, раскрепленных для жесткости балками. Плиты в три раза больше обычных, и к тому же они обвязаны монолитными ригелями. И еще одно немаловажное обстоятельство: все эти детали сделаны в Ташкенте. 19 этажей и спортивная стать, мускулистая легкость! Все выше и выше над землей поднимается могучий торс, надежно покоящийся на крепких ногах. Эта изящная громадина — символ нынешнего Ташкента.

Один из авторов и руководитель проекта застройки центра Ташкента, Леон Тигранович Адамов, мечтательно говорит:

— Представьте весеннее утро 1970 года на площади Ленина, когда весь мир отмечает 100-летие со дня рождения Владимира Ильича... С одной стороны—вытянутый в длину бело-бирюзовый параллелепипед здания Совета Министров республики, с другой — 19-этажный белый гигант с двумя голубыми вертикалями торцовых стен, а между ними синева бассейна в шесть с половиной тысяч квадратных метров. Во всю длину бассейна — восьмиметровая водная занавесь, из-за которой встает громада музея Ленина в ореоле солнечных лучей, высвечивающих привычную бело-сине-бирюзовую гамму узбекского декора на небывало широком пространстве... Песня нового Ташкента!

Недалек день, когда в недрах города пройдет трасса метро. Выступая на митинге в честь московских метростроевцев, пробивших тоннель под Кураминским хребтом для отвода русла реки Ангрен, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов сказал: «Вас ждет, друзья, новое дело, вас ждут трассы Ташкентского метрополитена».

Так рождается новый Ташкент. У его колыбели — строители, зодчие, смелые экспериментаторы и исследователи. На берегу Анхора начинается сооружение трехэтажного здания эпицентральной сейсмической станции, в специальной скважине будут замурованы приборы для подслушивания подземных звуков.

Расчет расчетом, а как поведет себя то или иное здание в действительности в случае чего? Неужто ждать, пока ответ даст беспощадная стихия? На один из таких вопросов ответили сотрудники Ташкентского зонального научно-исследовательского института экспериментального проектирования. С помощью специальной вибромашины они устроили типовому дому, каких немало в городе, длительную персональную встряску в 9 баллов. Подопытный имел полную возможность «почувствовать» себя и пассажиром мчащегося по ухабам грузовика и наездником «взбесившегося верблюда», который на сей раз усердно мотал его наиболее опасным, «ашхабадским» способом: вправо-влево, вправо-влево, вправо-влево... Устоял домище! О нокдауне, а тем более нокауте даже речи не возникало, лишь появились «волосяные» трещинки-морщинки в некоторых стыках. Что ж, у победителя после поединка на ринге лицо тоже не девичьей гладкости.

...На Чиланзаре, откуда строители повели наступление на стихию, посланцы союзных республик в память об интернациональном подвиге заложили 60-гектарный Парк дружбы народов. От него проспект Дружбы народов ведет к центру, где на пересечении улицы Навои и Аллеи парадов встанет на холме из глины и обломков старого Ташкента скульптурная группа — монумент мужеству. Пусть помнят потомки, как это было.

ПЕРВЫЙ АДМИРАЛ КРАСНОГО ФЛОТА

К. ГРИЩИНСКИЙ

Просматривая архивы периода Октябрьских дней, я наткнулся на необычный «Приказ по флоту и морскому ведомству», подписанный 21 ноября 1917 года первым морским наркомом Советской республики П. Е. Дыбенко.

Этим приказом на основании постановления I съезда Всероссийского военного флота, за преданность народу и революции, как «истинному борцу и защитнику прав угнетенного класса», капитану 1-го ранга Модесту Васильевичу Иванову присваивалось звание контр-адмирала...

Он получил воспитание в морском кадетском корпусе, много плавал, участвовал в русско-японской войне и к началу революции был командиром крейсера.

Чем же снискал любовь матросов офицер Иванов? В поисках ответа на эти вопросы я обратился к документальной хронике тех дней...

29 октября 1917 года, в тревожнейшие часы, когда по приказу «главковерха» Керенского на красный Питер двинул казачьи войска мятежный генерал Краснов, Ленин отправил такую телеграмму:

МОДЕСТУ ИВАНОВУ. КАПИТАНУ 1-ГО РАНГА. ГЕЛЬСИНГФОРС. ПРОСИМ НЕМЕДЛЕННО ПРИЕХАТЬ ПЕТРОГРАД СМОЛЬНЫЙ. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).

Телеграмма нашла Иванова в Або. На внешнем рейде этого порта, являвшегося базой Або-Аландской шхерной позиции Балтийского флота, стояло не менее десятка боевых русских кораблей. Особенно выделялись крейсера «Диана», «Россия», «Громобой» — все из второй бригады крейсеров Балтфлота.

В середине дня в каюту начальника бригады вошел с докладом вахтенный офицер.

— Модест Васильевич, вам радио... Из Петрограда... Вас вызывает Ленин!

С ближайшим поездом Модест Иванов выехал в Петроград. Появляться в штабе флота он не предполагал: командующий флотом со дня на день ждал смещения. Истинным хозяином на флоте уже давно был Центробалт, не без смысла названный немцами «невидимым адмиралом». С представителями Центробалта у Модеста Васильевича расхождений не было. Он чувствовал, что эти люди, упорно продолжавшие носить матросские форменки и бушлаты, относились к нему с доверием. Командуя крейсером «Диана», Иванов всегда бывал четок в исполнении своих обязанностей. Требовал того же и от подчиненных. За упущения мог наказать, но был справедлив. Многих матросов знал по имени и отчеству, и каждый из них был уверен, что к командиру можно обратиться с любой личной просьбой и он всегда поможет и делом и словом.

Модест Васильевич Иванов.

И тем не менее для Модеста Васильевича явилось неожиданностью, что вскоре после Февральской революции на общем собрании матросов всех кораблей его избрали начальником бригады, а Центробалт утвердил это назначение. В штабе флота после этого к Иванову стали относиться с нескрываемой неприязнью. Старорежимные офицеры видели первопричину всех бед в том, что такие, как Модест Иванов, распустили «матросню», дали волю политическим агитаторам.

...И теперь вот его вызывают в Петроград. Вызывает Ленин...

Под стук колес Модест Иванов старается угадать причину вызова. Может, его назначение матросами на должность командира бригады? Или инцидент, о котором еще долго помнили на Балтийском флоте, когда личный состав бригады выгнал с кораблей явившегося для инспекции представителя Керенского и его свиту? Не прошло после этого и недели, как капитана 1-го ранга Иванова телеграммой вызвали в Петроград. Беседа в кабинете министра длилась две минуты:

— Вы увольняетесь в отставку!

— Позвольте узнать, какова причина?

— Я имею право увольнять...

Когда Модест Васильевич возвратился в Або, на крейсере «Россия» митинговали. На борт корабля прибыли представители с других крейсеров. Одобрительный гул голосов встречал каждую фразу зачитывавшейся перед собравшимися резолюции: «Капитану 1-го ранга Модесту Иванову предложить оставаться начальником бригады, а всякого вместо него назначенного другого выбросить за борт!»

...Петроград готовился к последней битве. Грохоча, мчались по улицам грузовики с вооруженными красногвардейцами, матросами, солдатами. На перекрестках проспектов горели костры. В сторону Пулковских высот двигались отряды моряков, полки перешедших на сторону народа частей армии, рабочие дружины. От Финляндского вокзала путь в Смольный лежал через Литейный мост и Шпалерную. Всю дорогу Иванов шел пешком. Офицер в форме капитана 1-го ранга привлекал к себе внимание контрольных постов. Его не раз останавливали, требуя документы. Модест Васильевич с удовлетворением заметил, что недружелюбие и подозрительность проверявших тотчас сменялись расположением, как только солдат в помятой папахе или матрос с пулеметными лентами через плечо прочитывал наклеенные на бумагу узкие полоски телеграфной ленты: «Модесту Иванову... Ленин». Более надежного пропуска не требовалось.

В своей статье, опубликованной в 1926 году в «Красной летописи», Модест Иванов так описывает свою встречу с В. И. Лениным.

«1 ноября я прибыл в Смольный и нашел там необычайное оживление. Это был кипящий революционный котел, куда и откуда сходились и расходились все волны революции...

Я, конечно, был в военно-морской тужурке капитана 1-го ранга. Подошедший штатский спросил меня, что я ищу... Мы поднялись на третий этаж и подошли к комнате № 31. Там стояли два латыша с винтовками. Это были часовые. Сопровождающий что-то им сказал, и мы вошли в комнату... Я уселся на диван и слышал, как рядом за перегородкой товарищ Ленин говорил по телефону с Гатчиной, где в это время товарищ П. Е. Дыбенко должен был сражаться с Керенским...»

Беседа Ленина с Ивановым была откровенной. Владимир Ильич спросил моряка о его политических взглядах, полюбопытствовал, читает ли он газеты, интересуется ли происходящими в России событиями.

«Теперь я попробую передать дословно наш разговор,— пишет в той же статье Модест Васильевич Иванов.

Ленин. Вас прислал флот?

Я. Да.

Ленин. Вы социалист?

Я. Думаю, что да, только, конечно, неважный, «майский» (после Февральской революции во флоте матросы и одиночки-офицеры все начали записываться в партию), во всяком случае, смотрите на меня как на социалиста елового.

Ленин. Но, во всяком случае, вы же читаете газеты? Интересуетесь развертывающимися событиями?

Я. Не только читаю и интересуюсь, но волею судьбы неожиданно для самого себя принимаю участие в самих событиях.

Ленин улыбнулся... Улыбка удивительно скрашивала лицо Ленина.

Ленин. Но вы, надеюсь, против правительства Родзянко, Керенского и т. д.?

Я. Вообще я против всякого правительства, опирающегося на штыки!

Тут произошло некоторое молчание. И мне почему-то показалось, что Ленин просто-напросто читает мои мысли.

Я должен сделать маленькое отступление, чтобы дальнейшее было более понятно.

Я морской боевой офицер. Политикой никогда не занимался. В силу моего военного воспитания и сравнительно долгой боевой жизни я как-то на все чуждое военно-морскому делу привык смотреть свысока.

И, сидя тогда перед Лениным, я невольно думал: «Вот я, старый моряк, и почему-то мы сидим вместе и собираемся обсуждать какой-то вопрос?» И мне почему-то показалось, что Ленин догадался, что у меня происходит в мозгу. Он мне сказал:

— *Не правительство, а народ будет штыками защищать все завоевания революции!*

Тогда я невольно пристально посмотрел на этого человека, сыгравшего такую грандиозную роль не только в России, но и во всем человечестве.

Некоторое время мы смотрели друг на друга, после чего Ленин сказал мне:

— Примите командование всеми морскими силами Петроградского округа!

...Мы простились, и я ушел из Смольного. На другой день тов. И. И. Вахрамеев, член Революционного комитета, сообщил мне, что тов. Ленин назначает меня товарищем морского министра и председателем Верховной морской коллегии, о чем и вышел декрет Совета Народных Комиссаров 4 ноября 1917 года № 31.

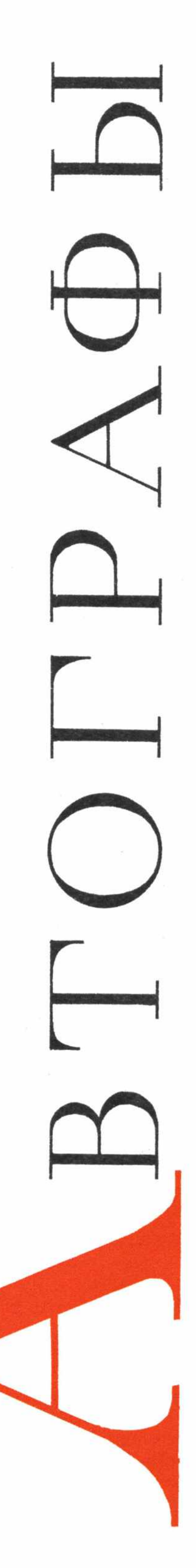
Так сложилось, что в том самом кабинете, где меня уволили в отставку Керенский и Лебедев, я по велению Председателя Народных Комиссаров тов. Ленина приступил к работе по строительству Красного Флота».

В двадцатых годах, когда наши армия и флот были сокращены до небольшой численности, был уволен с военного флота и Модест Иванов. Он поступил в Совторгфлот. Принимал и перегонял в советские порты торговые суда, купленные за границей. По некоторым сведениям, Модест Васильевич принимал участие в проводке первых судов по Северному морскому пути. За заслуги в строительстве и развитии транспортного флота Модесту Васильевичу Иванову было присвоено почетное звание Героя Труда.

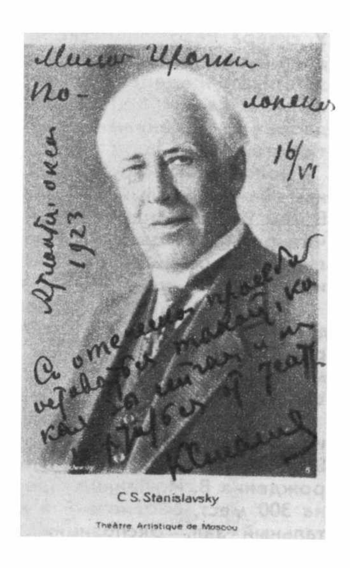
Осень и зима 1941 и 1942 годов... Блокада. Вмерзли в лед суда. Бесконечные артналеты. Моряки транспортного флота строят укрепления, изготовляют оружие. Среди защитников города Ленина и Модест Васильевич Иванов — высокий седой старик в кителе и фуражке с потемневшим «крабом». Сотни «зажигалок», сброшенных на порт и прилегающие кварталы, были погашены бойцами дружины МПВО, которую возглавлял Модест Васильевич.

Он скончался в блокадном, голодном 1942 году.

И. ПОЛОНСКАЯ

Автографы Ста

Передо мной на столе фотография с надписью: «1923 год. Атлантический океан». Автограф Станиславского. Как бесконечно дорог он мне!

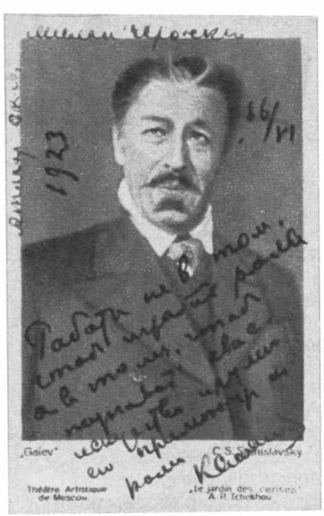
Вспоминается юность, то счастливое время, когда мне довелось целый год почти ежедневно встречаться, говорить и даже заниматься у Константина Сергеевича. И вспоминается мне не великий ученый от искусства, не гениальный режиссер, а добрый, увлекающийся, вечно ищущий, иногда немного фантазирующий человек.

Мне шестнадцать лет. Я мечтаю о сцене. Поступила в Театральное училище при Малом театре. Художественный театр едет на гастроли по Европе и Америке. Мой отчим В. Ф. Грибунин и мать В. Н. Пашенная, оформив мне годичный отпуск в училище, берут меня с собой.

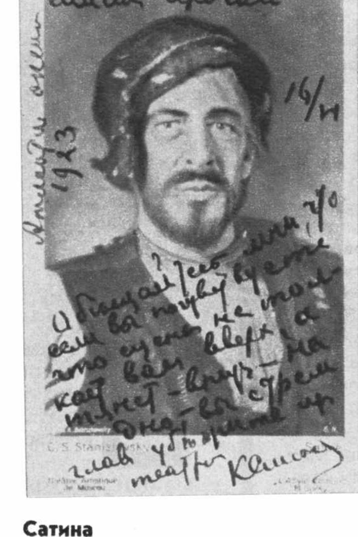
1922 год. Сентябрь. Берлин. Лессинг-театр. Идет спектакль «Три сестры». В народных сценах выходят родственники работников театра. Работали с нами очень тщательно режиссеры Н. Н. Литовцева и В. В. Лужский. Только в спектакле «Царь Федор» брали разовых сотрудников.

Атмосфера и на репетициях и во время спектаклей была всегда творческая и на всю жизнь оставила у меня самое светлое воспоминание. Станиславский внимательно следил за всеми участниками, и не дай боже, если замечал, что кто-то разговаривает перед выходом. Добрый Константин Сергеевич делался таким свирепым, что виновный готов был провалиться сквозь землю.

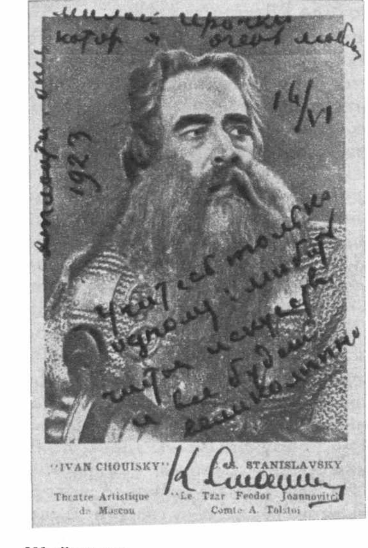
Во 2-м акте «Трех сестер» мне поручили одну фразу в сцене приезда ряженых. Когда приехавшим повеселиться к Прозоровым няня говорит, что никого нет дома, после паузы разочарования один голос произносит: «Знаете что, господа, поедемте к Пыжиковым»,— и со смехом, с шутками ряженые уезжают. И вот в тишине мы стоим за кулисами, рядом сидит, ожидая своего выхода, Константин Сергеевич — Вершинин. Хотя моя «роль» была совершенно незаметной, мне она казалась очень ответственной. Я ужасно волновалась, когда звенели бубенцы тройки, на которой приез-

В роли Гаева

Сатина

Шуйского

НИСЛАВСКОГО

жают ряженые. «Знаете что, господа, поедемте к Пыжиковым»,— говорю я свой «монолог» и с облегчением включаюсь в общий шум и смех. И вдруг, о ужас, среди нас вырастает фигура Константина Сергеевича, и слышится тихий шепот: «Кто говорил фразу?» «Я»,— шепчу я со страхом, ноги мои дрожат, я чувствую себя виноватой. Чувствую, что провалила роль. «Как вас зовут, кто вы?» — следует вопрос. «Ира»,— отвечаю я уже совсем глупо. «Это дочка Веры Николаевны? Так вот что, Ирочка, пойдите в репертуарную контору, возьмите роль Ани в «Вишневом саде», выучите и, когда будете готовы, покажите мне». Я долго смотрю ему вслед и ничего не могу понять.

После спектакля я рассказала своему отчиму (Грибу, как я его называла) о словах Константина Сергеевича. Отчим, необычайно скромный человек, работавший с основания театра с Константином Сергеевичем, очень удивился и сказал, что, вероятно, это была просто шутка.

Но вот прошло какое-то время; снова идет спектакль «Три сестры». Каков же был мой ужас, когда перед выходом ряженых я увидала фигуру Вершинина — Станиславского, у самого выхода внимательно вглядывающегося в участников народной сцены. Горло у меня пересохло от волнения, и, когда подошла моя «реплика», я с трудом, от страха, вероятно, слишком даже громко выкрикнула свои слова и быстро стала направляться к выходу со сцены. «Ирочка,— слышу шепот Константина Сергеевича, и большая рука ловит меня,— ну что, были вы в репертуарной конторе?» «Нет»,— отвечаю я робко. «А почему?» «Мне сказал Владимир Федорович, что вы просто пошутили». «Извольте завтра же это сделать»,— строго и решительно говорит он.

Так началась, пожалуй, самая интересная и счастливая полоса в моей жизни.

Все народные сцены готовились тщательным образом. Сначала с нами работали режиссеры, потом обязательно репетиции на сцене проводил сам Константин Сергеевич. Это были незабываемые занятия, именно занятия, я не оговорилась. Он кропотливо работал, не пропуская ни одной фигуры. Часто среди разовых участников были иностранцы, приходилось прибегать к переводчику. Помню одну репетицию «Царя Федора» в Париже. Долго репетировал Константин Сергеевич 8-ю картину, подготовленную уже режиссерами; на французском языке он объяснял смысл сцены, взаимоотношения Федора, Бориса и Ирины. Репетиция длилась несколько часов, а ведь сам Константин Сергеевич играл Шуйского. Но он был неутомим. Когда репетиция уже приближалась к концу картины (все убегают, страшась приближающегося хана), он вдруг решил переделать самый финал, чтобы сцену паники заканчивал пробег двух боярышен-белоснежек, потерявших родных. Загоревшись своей находкой, этот неутомимый художник начинает с азартом работать над куском, повторяя его снова и снова. Первой боярышней тогда была очаровательная, молодая, игравшая уже большие роли Алла Константиновна Тарасова. Второй — я. С нежностью и благодарностью вспоминаю милую Аллу Константиновну, которая терпеливо помогала мне, неопытной девчонке, выполнять требования и задачи режиссера.

Особенно любила я репетиции 3-го акта «На дне». Там у меня тоже были три очень ответственных задания. Выходила я девчонкой, и на вопрос Сатина — Станиславского «Кто убил Костылева?» отвечала: «Васька». На одной из репетиций на мой ответ: «Васька»—Станиславский стал страшно бранить меня (как Сатин), что я вру на Пепла, и надо сказать, ругал он меня так искренне, так грозно, что у меня душа ушла в пятки. Тогда уже от себя Константин Сергеевич стал мне выговаривать, что я не в образе, раз не отвечаю такой же бранью — и кому? Сатину, бродяге! И снова азарт художника захватывает его. Он останавливает репетицию и начинает со мной работать; ему надо во что бы то ни стало добиться правильной жизни на сцене.

Грибунин мне говорил потом, что Ольга Леонардовна и Иван Михайлович, увидя азарт Константина Сергеевича, шутя сказали: «Ну, можно пойти кофе пить, раз он стал заниматься с Ирочкой». И, верно, Сатин долго «ругался» с девчонкой со дна. Иногда его глаза за большими роговыми пенсне начинали улыбаться, но как страшно было слышать от режиссера: «Нет, не верю». Доведенная до отчаяния, я наконец не выдержала. Что греха таить, и погулять-то мне хотелось, а тут — на поди. И я вдруг по-настоящему обозлилась и на «ругань» Сатина разразилась такой же «руганью». Радости моей не было конца, когда после длительной перебранки я наконец услышала: «Ну вот, сейчас я верю. А почему? Потому что вы рассердились по-настоящему, вы действовали, а не представляли, не играли».

Вторым заданием в этом спектакле была перекличка за сценой двух баб после того, как Наташе обварили ноги. «Машка, а Машка, чего там случилось?» — и ответ: «Василиса Наташке ноги кипятком обварила». Не обошлось в этом случае без курьеза. Константин Сергеевич из зала вдруг сказал: «Тут должны быть два сильных женских голоса. Пусть это кричат Ирочка и... Добронравов».

Но самое тяжелое было третье задание. Л. М. Кореневой, которая играла Наташу, трудно было истошно кричать за сценой, а потом говорить большой текст, тем более, что спектакль шел иногда по два раза в день. Мне был поручен этот крик. Находящийся в этот момент за сценой Станиславский всегда очень внимательно следил за мной. Иногда он проверял, верно ли во время крика я держу диафрагму.

Путешествие по Европе было очень напряженным из-за бесконечных разъездов. И вот наконец мы плывем в Америку.

Зима. Буря на океане. «Маджестик» стоит в открытом море, близ Шербурга. Нас доставляют туда на небольшом пароходе. Константин Сергеевич стоит на палубе, его окружают участники народных сцен, то есть семьи артистов. Ребята... Он ласково разговаривает с нами. Очевидно, волнуется, как все перенесут этот переезд. Но и тут всегда живущий в искусстве человек не может не делать опыты. Он смотрит на меня и вдруг тревожно спрашивает: «А что у вас в чемоданчике, все цело? Мне показалось, что там что-то разбилось». А чемоданчик я храню как зеницу ока. Там у меня настоящие французские духи, купленные в Париже на собственный заработок. Я пугаюсь и начинаю внимательно просматривать все. «Вот видите, как внимательно вы смотрели и проверяли ваш чемоданчик. Так же надо и на сцене быть внимательной и сосредоточенной в своем действии, не представлять внимание, а верить и жить в предлагаемых обстоятельствах».

И вот однажды в Америке настал день, когда я прочла на доске объявлений: «Вишневый сад» в номере Константина Сергеевича. Вызываются все участвующие и... Полонская — Аня». Что со мной творилось, передать невозможно. Репетиция проходила в виде читки, за столом. Все «старики» театра не «подавали реплики», а серьезно играли, как в спектакле, сцены Ани. Константин Сергеевич внимательно слушал и сам был нежным «Дядей» — Гаевым. После репетиции он сказал: «Ну что же, играть можно хоть завтра, а пока надо начинать заниматься по-серьезному». И велел каждое утро приходить к нему в номер заниматься. Но мне было ужасно неудобно отнимать у него время, и я очень смутилась. Константин Сергеевич почувствовал это и обратился ко мне с просьбой: каждое утро приносить ему бутылку молока, так как врачи велели его пить. Он дал мне деньги, и на другое утро я отправилась к нему с молоком. Дверь открыл сам Константин Сергеевич. Когда я увидала его фигуру в светлой пижаме, его смеющиеся глаза за роговыми пенсне, я совершенно растерялась и протянула ему бутылку через порог. Он взял меня за руку, ввел в комнату и сказал находящейся в номере Р. К. Таманцевой, его секретарю: «Рипси, меня ни для кого нет дома часа на два». С того дня ежедневно по утрам он со мной занимался. «Ну, теперь можно и без молока приходить,— смеясь, говорил он,— я просто схитрил для первого раза». Много говорил мне Константин Сергеевич об искусстве, о дикции, развитии голоса, движении. В моей тетради, где была выписана роль Ани, он делал своей рукой пометки. К великому моему горю, эту тетрадь у меня в Москве украли вместе с сумкой.

Он заставлял меня делать этюды. Один из

них я помню до сих пор. Я должна была читать книгу и увидать крысу. Я в жизни очень боюсь крыс и потому, «увидав» ее, поджала ноги. «Ложь, фальшиво,— гремел голос Константина Сергеевича,— вам не актрисой быть, а сапожником». «Я боюсь крыс»,— оправдывалась я. «Раз вы увидите крысу, вы будете ее гнать, бить, а не останетесь на кушетке. Это игра и все». Мне было тогда 16 лет, мне хотелось в это время идти гулять с товарищами, а тут... И я спорила, доказывала, что поступила бы именно так. Но он неумолим и заставляет меня еще и еще раз делать этюд. Я повторяю этюд, вскакиваю, хватаю с вешалки трость Константина Сергеевича и... лезу под кровать, стоящую в номере, «бить крысу». Константин Сергеевич, «подогревая» меня, сам хватает с вешалки зонтик и с другой стороны кровати лезет «добивать крысу». Невольно меня увлекает эта история, и, когда по моим расчетам «крыса убита», я с облегчением вылезаю из-под кровати. Поднимается и Константин Сергеевич. В номере стоит И. М. Москвин и смеется: «Я думал, что с вами что-то случилось, и прибежал на помощь». Как часто теперь я вспоминаю это занятие и как браню себя за свои споры! За недостаточное внимание. И преклоняюсь перед терпением великого художника. В то время Константин Сергеевич увлекался повышениями и понижениями голоса, он искал, проверял, как это помогает актеру в роли. На одной репетиции «Вишневого сада», когда Аня говорит Варе, как она в Париже на воздушном шаре летала, Константин Сергеевич настаивал на том, что Аня каждое слово говорила (я имею в виду только чисто голосовое звучание) так, что слово «летала» звучало бы на самых высоких нотах. Я снова начинаю спорить: «А я бы сказала наоборот» — и пытаюсь «доказать». Я (шаля, как мне тогда казалось) произношу фразу, постепенно понижая каждое слово, то есть слово «летала» звучит совсем низко. Внимательно выслушав мое «исполнение», Константин Сергеевич улыбается и говорит: «Нет, этого не может быть. Тут все к жизни — значит, все должно повышаться. А так, как вы делаете, это к смерти». Я не понимаю, волнуюсь и лишь теперь понимаю, как он был прав. Я говорю не о внутреннем состоянии, а лишь о технике речи. Как был прав Станиславский, обращая внимание актера на его умение управлять своим голосовым аппаратом!

Вспоминается случай в Нью-Йорке, когда на спектакле «Царь Федор» Константин Сергеевич, игравший Шуйского, оговорился: сказал «Боярис Годунов» и сразу забыл дальнейший текст. Суфлерской будки нет. Суфлер А. И. Касаткин подает из-за кулис, но неслышно. И неожиданно для всех Константин Сергеевич, не выключаясь из образа Шуйского, продолжает своим могучим голосом: «Дры-ды-ды-ды, дры-ды ды-ды-ды-ды». И дальше текст вспоминается и идет уже по Толстому. Это было так спокойно, так уверенно, что публика даже не обратила внимания. «Главное было сохранить ритм,— говорил потом Константин Сергеевич,— а публика — американцы, они не поняли».

На сцене Константин Сергеевич требовал от актеров, чтобы они во время групповых сцен между собой разговаривали только по существу; не выносил разговоров, не относящихся к пьесе. Но вот однажды на спектакле «Три сестры» он обратился к моей матери, игравшей Ольгу: «А как ваша Ирочка?» Я в этот день болела гриппом и не была в театре. Вера Николаевна, зная строгость его, не допустила даже мысли, что это обо мне, отвечала ему как Ольга, что Ирина мечтает стать учительницей, хочет приносить пользу людям. «Да нет, я говорю о вашей Ирочке, что у нее, грипп?» Опасаясь, что это — «испытание», Вера Николаевна продолжала рассказывать ему об Ирине Прозоровой. Константин Сергеевич махнул на нее рукой и обратился к другим исполнителям уже по существу.

Отношение к себе Константина Сергеевича я считаю большим моим счастьем. И, конечно, не мои «таланты» привлекали его внимание. А то, что мне было всего шестнадцать лет и со мной можно было делать любой творческий эксперимент. Недаром на одной из его фотографий написано: «Милой Ирочке Полонской с отеческой просьбой оставаться такой, как вы сейчас, и не портиться от театра».

Константин Сергеевич очень любил «испытывать» любовь людей к театру. Помню, на одном вечере в Америке мы много танцевали с одним молодым актером. Вдруг палец Константина Сергеевича поманил нас к себе. Когда мы подошли, он сказал: «Сначала Ирочка, а вы потом». И когда он отошел, спросил меня: «Если А. предложит вам выйти замуж и бросить театр. Вы как?» Конечно же, я ответила: «Нет, театр». Тогда он подозвал его, и последовал тот же вопрос. Ответ был тот же, и Константин Сергеевич был искренне доволен.

Но вот и конец поездки. Едем в Европу на пароходе «Лакония».

Вот тут-то я и получила драгоценные для меня автографы. И как потом я бранила себя за то, что отказалась от предложения Константина Сергеевича остаться еще на год в театре, без мамы, которая ехала в свой родной Малый театр! «Будете жить в одном номере с Рипси, а я буду вашим опекуном, а то говорят, Владимир Федорович немного выпивает». Поистине кристально чистый и наивный это был человек. Когда кто-то из актеров, «любящий немного выпить», вызывался к нему и от того пахло вином, спасала мятная лепешка, а Константин Сергеевич, довольный, говорил потом: «А ведь Б., кажется, совсем бросил пить. От него мятой пахло, я принюхивался».

После окончания сезона мы отдыхали под Берлином в Варене. В большой даче жили Москвин, Тархановы, Александровы и мы с мамой и Грибуниным. И здесь Константин Сергеевич очень смешил нас своими фантазиями. На все случаи жизни, о которых ему рассказывали, у него в жизни бывал такой же случай. Так, например, я училась кататься на велосипеде и однажды сильно упала, налетев на телегу, которая везла доски. «Смотрите, будьте очень осторожны. Я однажды так катался, а впереди ехал воз с досками (доски были описаны очень красочно). Я взлетел на воз, он опрокинулся, я упал, доски на меня, и мне вдребезги раздавило всю грудную клетку». А когда я однажды сказала, что увидала змею, он рассказал, что с ним был такой же случай: «Вижу, ползет змея, я выхватил саблю, разрубил ее на тысячу частей, прошел час, а она срослась и снова ползет». И сам Константин Сергеевич искренне верил в фантазию, которую тут же создавал.

После приезда в Москву я до 1934 года не встречалась с Константином Сергеевичем и только в 1934 году, перейдя в труппу Художественного театра, снова увидала его. Мне еще раз улыбнулась судьба.

Мы готовили «Пикквикский клуб». В. Я. Станицын, постановщик спектакля, привел нас, исполнителей, в Леонтьевский переулок, и Станиславский работал с нами. Потом по его предложению я занималась с Зинаидой Сергеевной, его сестрой, системой Станиславского.

Ранним утром приходила я в их дом. Тишина, только затапливают голландские печи. По внутренним покоям иду, стараясь, чтобы не скрипнула половица на лестнице, в комнату Зинаиды Сергеевны. И два часа занимаюсь с женщиной, до удивления похожей на него. Назад уходила тихо, боясь потревожить обитателей. Ведь Константин Сергеевич тогда уже болел.

И последняя творческая встреча. Репетиции пьесы М. Булгакова «Мольер», они описаны Н. М. Горчаковым в его книге. Я играла малюсенькую роль незнакомки. Какие интересные этюды делал Константин Сергеевич для этой сценки! После одной такой репетиции Н. А. Подгорный, смеясь, говорил мне, что ему вспоминается репетиция «На дне» в Америке, когда Константин Сергеевич заставлял меня бранить его — Сатина.

Все это вспоминается мне сейчас, через много лет, когда, сидя в садике дома на улице Станиславского, где я теперь живу, я смотрю на его окна, на дом, где жил и работал этот удивительный, огромной души и обаяния человек.

И еще вспоминаю, когда вижу четкий, сильный почерк на дорогих сердцу фотографиях Константина Сергеевича.

Автографы Станиславского — добрые и мудрые, как и сам этот незабываемый, умнейший, добрый человек и фантазер. Человек искусства с большой буквы.

Зе

Все машинистки, лаборантки, секретарши были влюблены в Романа Арсеньевича, и он бессовестно этим пользовался! Так утверждала его жена Людмила Васильевна.

— Наталья Яковлевна весь выходной в публичке копалась, Таня в день своих именин в Дубну поехала за какими-то данными, Дина Ивановна сутками за машинкой сидит...

Он все отрицал и возмущался:

— Ну при чем тут я? Это работа, работа!

Жена стыдила:

— Хоть бы подумал: девушки молодые, может быть, у них свидание назначено...

Он обещал подумать. И сегодня, когда вызвал Наталью Яковлевну, первым делом выяснил, не назначено ли у нее свидание. Потом сообщил:

— А у меня назначено. Сейчас ухожу и сегодня больше не вернусь.

— Как же министерство финансов? — испугалась Наташа.— Лазарев уже два раза звонил.

— Что-нибудь придумайте! Трудно вам, что ли?

— А аспиранты из Казахстана?

Он рассмеялся:

— Аспиранты размножаются со страшной силой. Накладно для науки. Их надо давить в зародыше. Из тех, кто устоит, может быть, вырастут ученые. Словом, передадите их Буркашову. Он с ними расправится.

— Роман Арсеньевич, они так мечтали...

Он вдруг посерьезнел, и хорошо знавшая его секретарша тут же подобралась в струнку и превратилась из Наташи в Наталью Яковлевну.

— Я ознакомился с их трудами. Авторов вот этих трех работ пригласите ко мне завтра к двенадцати. Остальными пусть займется Илья Сергеевич. Что у нас еще?

Она заглянула в блокнот.

— Поликлиника... Математическое общество... Это я отрегулирую! Вот, заседание кафедры...

— Заседание не лекция. Обойдутся без меня. Только предупредите, чтобы не ждали.

Он посмотрел на часы и улыбнулся.

— Нехорошо заставлять ждать. Особенно женщину.

Девушка снова стала Наташей.

— Ведь не правда же? — с тайной надеждой спросила она.

— Побожиться?

Роман Арсеньевич запер ящики стола и сунул ключ в карман.

Итак, в середине недели, в горячую пору, директор института, академик, лауреат и так далее, высвободил себе половину дня для дела сугубо личного и на первый взгляд даже легкомысленного.

Широкая ковровая дорожка заглушала шаги. В институте поддерживалась стерильная тишина, в которой должны были рождаться идеи. Роман Арсеньевич не верил в гениальные озарения, посещающие ученых на теннисных кортах, за ресторанными стой-

Рассказ

Нора АДАМЯН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

МЛЕЧЕРПАЛОЧКА

ками, на перекрестках улиц. Научная мысль требовала сосредоточенности. Сосредоточенность — тишина.

Правда, его личный опыт допускал некоторые отклонения.

Старшая дочь Зоя как-то ему напомнила:

— А все-таки самая главная твоя теория родилась, когда мы с Шуркой пищали у тебя под ухом, мама крутила швейную машинку, а за стеной скандалили соседи!

Он хотел ей ответить, что в иных условиях его вклад в науку мог бы быть еще значительнее, но в разговор вмешался Шурик:

— Молодость. Математика любит молодых..

Роман Арсеньевич рассердился. «Математика любит» — одно сочетание этих слов вызывало в нем раздражение.

Вообще старшие дети его удивляли.

На даче опытный садовник посоветовал глубоко надрезать вдоль по стволу кору яблонь.

— Дерево испугается, что ему конец приходит, вот оно и постарается в последний раз выдать плодов побольше,— объяснил он.— А кора потом зарастет, все будет в порядке.

Зойка вдруг объявила, что это непорядочно.

— Что непорядочно? — недоумевала мать.

— Обманывать деревья. Непорядочно это с нашей стороны.

Шурик, конечно, был с ней заодно. Черт знает что творилось в головах у этих близнецов! Их бы высмеять, но Роман Арсеньевич вспылил, назвал ребят слюнтяями, идиотами, эмпириками — ушел и три раза переплыл реку. А когда вернулся, на террасе было темно. Люда в комнате расчесывала перед зеркалом свои длинные русые волосы.

— Наелись, как троглодиты, яблочных пирогов и умчались в город. А Ниночка уснула.

Она знала, чем его успокоить.

— Завихрения у них какие-то,— пожаловался он.

— Обыкновенные дураки.— Жена заплела косу.— Пришла охота всех критиковать. Это возраст такой. Свергают авторитеты.

Роман Арсеньевич постоял у окна, за которым шелестела темнота. С какого-то времени он стал ощущать в старших детях внутреннее противоборство. Явственно это проявилось, когда Шурик вдруг решил перейти на исторический.

От мальчика не ждали крутых поворотов. В школе он был «послушный», как говорила мать; «контактный», как определяли педагоги. На трудном физико-техническом факультете дошел до третьего курса и внезапно разочаровался в призвании.

Для Романа Арсеньевича невообразимо было променять определенность и гармонию точных дисциплин на расплывчатое, необъективное исследование минувших событий. Втайне он даже не считал историю наукой.

Он ждал и хотел спора двух взрослых людей, отстаивающих свои убеждения, спора аргументированного, подкрепленного серьезными доводами. В таком споре он был согласен даже на поражение. Но Шурик не дал себе труда убедить отца. Он ничего не объяснял. Упрямо, по-детски бездоказательно твердил:

— Мне на физтехе неинтересно...

Тогда вмешалась Людмила Васильевна. Готовая разрезать себя на куски ради своих детей, она всегда отчетливо знала, как с ними поступать.

— Ты сам выбрал институт — изволь его кончить! — сказала она.— Нельзя до двадцати лет в детях ходить. У отца уже годы не те, вы будете скакать по институтам, а нам еще Ниночку поднимать надо. Вот начнешь самостоятельно жить, твое от тебя не уйдет, поступишь хоть на заочный...

Первый раз в жизни она так жестко говорила с сыном. Не было никакой необходимости напоминать ему о материальной зависимости. Откуда это иногда у нее появлялось? Роман Арсеньевич выразил ей свое недовольство, но обычно во всем согласная с ним жена на этот раз остановила его твердым жестом своей крупной красивой руки:

— Все правильно! Еще сам благодарить будет.

Она прикрикнула и на Зойку, которая проехалась насчет папиной академической зарплаты, потребовала уважения к родителям и восстановила покой и мир в семье. Роман Арсеньевич всегда гордился женой. Выглядела она совсем молодо, никто не верил, что у нее дети — студенты. Вот шестилетняя Ниночка ей подходила...

Роман Арсеньевич прошел институтский двор. Был день первой оттепели — по-весеннему мокрый, по-весеннему шумный. На голых деревьях галдели птицы, пахло землей. Академик Сазонов нисколько не чувствовал на себе полувековой тяжести и был готов к задуманному безрассудству, таившему в себе, однако, некий эксперимент.

Синяя «Волга» бесшумно тронулась и выехала на проспект. Управлять машиной было одним из жизненных наслаждений. Ее неподчинение всегда имело определенные причины, которые Роману Арсеньевичу ничего не стоило разгадать и устранить.

Во всем, что поддается разуму и логике,— легкость, красота и нравственная чистота. Эта философия легла в основу всей его жизни. С ней он достиг счастья. Из суеверия люди боятся этого слова применительно к себе. Он не суеверен — да, счастья!

Он оставил машину у подъезда. Лифт не слишком быстро поднялся на шестой этаж. Хлопнула дверца кабины, и тотчас приоткрылась дверь его квартиры.

Ниночка ждала, потому что ей было обещано. Обещания ей следовало давать с величайшей осторожностью. Слова «может быть», «посмотрим», «там видно будет» она не любила и во внимание не принимала.

Однажды Людмила Васильевна обнаружила в одном из своих платьев огромную вырезанную дыру.

Ниночка не отпиралась. Виноватой она себя не чувствовала.

— Ты мне обещала отрезать кусочек для куклы, когда оно износится!

— Так платье еще совсем целое было...

— Нетушки! Порвалось оно немножко. Я заметила. Раз уж обещала — не отказывайся теперь. Это нечестно!

Роман Арсеньевич не мог припомнить, чтобы старшие дети были ему так милы. А кудрявая толстенькая малышка — сейчас вытянувшаяся, подурневшая, с выщербленными зубами,— она возбуждала в нем острую нежность. Невозможно было сопротивляться этому чувству, хотя объективно Роман Арсеньевич понимал, что его младшая дочь далека от идеала.

Однажды родителей Ниночки вызвали в детский сад.

— Ой, чую недоброе, пошел бы ты! — сказала Людмила Васильевна.— Они там с папашами больше считаются. И вообще ты с девушками умеешь разговаривать — иди!

Молодая воспитательница отвела его в сторону и сообщила, что Нина Сазонова до крови укусила мальчика Витю Конева.

— И вообще она кусается!

Выражая и лицом и голосом скорбную тревогу, девушка требовала «принять меры».

Роман Арсеньевич спросил:

— А почему она его укусила?

— Он, кажется, отнял у нее игрушку.

— Что же ей было делать?

Воспитательница посмотрела на него ошеломленно.

— Посудите сами,—сказал он,— отогнать обидчика у нее нет сил. Пожаловаться — ябедничество не поощряется. Переубедить его она не в состоянии. Отдать безропотно? Этак, пожалуй, и вообще за бортом останешься. Чем может защититься такое маленькое существо? По-моему, она правильно использует свои природные возможности.

Расстались недовольные друг другом.

Внимательно присматриваясь к девочке, он делал открытия:

— Ребенок выдает только то, что мы в него вкладываем. Из него можно вылепить все что угодно.

— Лепите, лепите,— ехидно сказала Зойка.— А ты не слышал, с каким удовольствием она кричит на плюшевого мишку «стервец» и «пьяная морда»?

— Я запретила Дусе говорить о своем муже в присутствии ребенка,— вмешалась Людмила Васильевна.

— Это не противоречит моей мысли,— сказал отец,— все дело в отборе информации.

С последним ребенком к нему пришло чувство ответственности, которого он не знал, когда растил старших детей.

Да и как он их растил? В трудные послевоенные годы, слишком увлеченный своим становлением и своими возможностями в науке, он ощущал их как необходимое, но хлопотное дополнение к своей жизни. Иногда носил их в ясли, водил в детский сад, провожал на лето в лагерь, следил за отметками, гордился их способностями. Спокойно и радостно ощущал: мои дети!

А с Ниночкой к нему пришла вечная тревога. И восторг. И ответственность. Как-то ему еще раз пришлось поехать за ней в детский сад. Домработница Дуся не то заболела, не то отправилась за город к родне. Он боялся опоздать и приехал слишком рано. Воспитательница читала детям сказку. Это была старая сказка про волшебниц и принцесс, про чудесные превращения и свершения. История, провозглашающая торжество добра и скромности над злом и обманом.

Роман Арсеньевич сидел на крохотном стуле у шкафика с нарисованным яблоком и думал о том, что на протяжении нескольких поколений человечество воспитывалось на таких сказках, и, может быть, в этих уводящих в бесплодные надежды внушениях заложены зерна многих жизненных разочарований. Он особенно сердился потому, что эта история и его, умудренного годами и науками человека, все-таки манила и тревожила.

Дети с радостным визгом выскочили в раздевалку. Следом за ними вышла воспитательница.

— Вот теперь Нина дома расскажет вам сказку про Золушку,— наставительно и ласково сказала она.

— Каленым железом выжег бы я эту вашу Золушку! — не удержался Роман Арсеньевич.— Даже концы с концами не сведены. Если после двенадцати исчезают все превращения, то почему сохраняется туфелька? Ведь должна быть какая-то логика! Неужели ни один ребенок этого не заметил?

Однажды утром Ниночка не пожелала идти в детский сад. Он встал на сторону дочки. Он понимал ее.

Правда, Роман Арсеньевич предпочел бы, чтобы девочка объяснила все честно и прямо. Но у нее были свои представления о путях, ведущих к цели.

Едва проснувшись, она стала жаловаться на боли в животе и кряхтела так правдоподобно, что переполошила весь дом. Людмила Васильевна, опаздывая на работу, дозванивалась в поликлинику. Зойка, как будущий врач, категорически отвергала грелку и слабительное, но не могла предложить ничего позитивного. А Шурик должен был в это утро уезжать на практику и все сокрушался: «Как же я поеду с таким тяжелым сердцем?»

Нина подозвала отца и доверчиво прошептала ему на ухо:

— Ты скажи Шурику, пусть он уезжает с легким сердцем. У меня ничего не болит, просто я не хочу сегодня идти в детский сад...

Людмила Васильевна склонна была строго наказать симулянтку:

— Набаловали мы ее на свою голову. В детском саду товарищи, игрушки. Может быть, обидели тебя там?

Девочка выкручивалась:

— Я не люблю днем спать...

Зоя, у которой были еще свежи собственные впечатления, объяснила:

— Там подавляется индивидуальность и детская личность. Чувствуешь себя только маленькой частицей...

— Вот и хорошо! Ребенок должен расти в коллективе. Личности у вас всех не мешает поубавить,— сердилась Людмила Васильевна.

Но Нина Сазонова в детский сад больше не ходила. В конце концов Роман Арсеньевич мог себе это позволить — взять на себя руководство воспитанием собственного ребенка. Днем девочка гуляла на бульваре с группой детей, изучающих английский язык, а по вечерам с ней занимался отец. Немного азбуки, начатки арифметики. Роман Арсеньевич был очень доволен, когда обнаружил, что действия с цифрами в пределах одного десятка вызывают у Ниночки спортивный интерес. При этом шло постепенное проникновение в действующие силы вселенной — без всяких легенд, преданий, мифов, но от этого не менее увлекательное. Жизнь животных бессмертного Брэма, путешествия по географической карте, маленький пытливый Джемс Уатт у кипящего чайника. Ниночку волновало: не обварился ли он в конце концов? Затем Ньютон, отдыхающий под яблоней и съевший в угоду той же Ниночке свое историческое яблоко!

И как Роман Арсеньевич был прав! Выработанный им метод воспитания действовал оздоровляюще и очищающе. Из этой маленькой дочки формировалось пытливое, любознательное, разумное существо.

И вот сегодня Роман Арсеньевич решил провести некоторую проверку полугодового эксперимента. Не то чтобы он придавал этой проверке решающее значение, но исход ее позволил бы все же подвести некоторые итоги.

Распахнув дверь, Ниночка от возбуждения стала подпрыгивать на месте. Ее легкие русые волосы взлетали и опадали вокруг головы.

— Еще обедать будешь? — спросила она в нетерпении.

— Дай отцу передохнуть! — Домработница Дуся выглянула из кухни.— Сварить кофейку?

— Какого тебе еще кофейку! — запальчиво крикнула на нее девочка.

И Роман Арсеньевич, с удовольствием выпивший бы стакан кофе, не стал даже раздеваться. Ниночка наспех натянула красные рейтузы, кое-как застегнула шубу, едва

завязала скрученные ленты капора. В лифте они закрепили уговор. Куплена будет одна игрушка. Любой величины, и вообще любая, но только одна.

В магазинах Роман Арсеньевич не бывал почти никогда. О ГУМах, ЦУМах и «синтетиках» знал понаслышке от жены. «Детский мир» оглушил его количеством народа, духотой, суматохой.

Едва они вошли, как на него с разбегу налетела растрепанная, распаренная пожилая женщина.

— Колготки, колготки где дают?

Он не имел представления о том, что такое колготки. Женщина ринулась в гущу очереди.

На ступенях широкой лестницы, уходящей далеко вверх, стояли и сидели люди. Многие были с мешками и чемоданами. Видимо, приготовились к долгому ожиданию. Закусывали, беседовали, дремали.

— Что это? — невольно спросил Роман Арсеньевич.

Молодая женщина устало ответила:

— Говорят, шубки венгерские цыгейковые выбросят. Вот и ждем, будут или нет...

— И не жалко вам времени? Да плюньте вы на эти шубки!

Женщина благодарно ему улыбнулась:

— И в самом деле уйду, пожалуй...

Роману Арсеньевичу и самому хотелось на воздух.

Нина, ухватив отца за руку, отлично ориентировалась в этой неразберихе. Она уверенно повела его мимо отдела с вывеской «Для самых маленьких», мимо нагромождения цинковых и эмалированных тазов, мимо шеренги детских колясок и остро пахнущего прилавка парфюмерии.

— Вот! — удовлетворенно сказала девочка, когда они наконец вырвались в зал, который мог показаться просторным, если бы не снующие взад и вперед толпы покупателей.

— Раньше тут большущая елка крутилась, и игрушки большущие были, а под елкой лисичка бегала, конечно, ненастоящая...

Сейчас в центре зала возвышался круглый, обозреваемый со всех сторон павильон с надписью: «Куклы». Рядом был стенд — отовсюду смотрели мишки, обезьяны, собаки. Имелись тут игрушки для лета — лопаты, совки, песочницы, сачки.

Главное — никакого влияния.

Они немного постояли, осваиваясь во всей этой карусели. Можно было даже привыкнуть к монотонному, многоголосому гулу, если бы из него не выделялся дикий, разрушающий ушные перепонки, истерический визг. Ниночка, выразительно поведя глазами, указала отцу на источник крика. Мальчишка лет шести-семи орал, упершись короткими ногами в пол, и отчаянно сопротивлялся женщине, тащившей его прочь от прилавка.

— Он хочет паровоз с вагонами, а мама ему не покупает,— сообщила Ниночка, которая хорошо разобралась в обстановке.

Роман Арсеньевич не имел ничего против паровоза с вагончиками. Но Нина сказала:

— Ну, пошли выбирать...

Рука дочки лежала в его руке. По тому, как она замирала и оживала в его ладони, он понимал всеохватывающие девочку волнения и желания.

Похожий на розовую подушку медведь из синтетической шерсти вызвал у нее прилив нежности.

— Хорошенький... глазки черненькие...

Роман Арсеньевич выжидал, готовый ко всему.

— А на что мне еще один мишка? У меня есть Рыжик маленький и Чернушка большой. Хватит с меня, наверное...

— Как хочешь.

Не было исключено, что девочка неведомым путем понимала: ей устроен тайный экзамен. Застыв перед огромной, пучеглазой куклой, наряженной в пышное белое платье, с венком на золотых волосах, она вопросительно вскинула глаза на отца и тотчас потупилась.

— Она, наверное, тяжелая...

— Не знаю, не знаю,— отрешенно проговорил Роман Арсеньевич.

— И на личико она не очень красивая. У нее только платье чудное...

Рука судорожно билась в его ладони.

Уже вполне готовый к разочарованию и заранее оправдавший ее в своем сердце, Роман Арсеньевич подумал: «Она ведь еще совсем маленькая...»

— Если бы можно было две покупки...

— Был уговор одну! — непререкаемо ответил отец.

Ниночка отвернулась.

— Не надо куклу,— звенящим голосом сказала она.

И Роман Арсеньевич дал себе слово завтра же приехать за этой пучеглазой красавицей.

Мимо стендов с яркими целлулоидными чудесами девочка прошла с полным равнодушием: «Это для малышей».

Чайный сервиз у нее, оказывается, был. И кухонная посуда тоже.

— Все как настоящее!— одобрила она выставленные на одном из прилавков макеты кукольных квартир.— Только у меня таких маленьких кукол нет. Они были, но я их еще в детском саду на драгоценности выменяла...

Потом наступил черед механической игрушки. По прилавкам бегали автомобили разных марок и разной величины, скакали заводные птички, бил в тарелки пестрый клоун.

Постояли, посмотрели.

Оставался еще только один прилавок — металлические изделия, изготовленные на каком-то заводе явно из отходов производства. Отдел этот размещался в стороне, особого внимания публики не привлекал, и Роман Арсеньевич устремился к нему, чтобы несколько отдохнуть от толчеи. Вершиной успеха неведомых творцов была, по-видимому, членистоногая черная конструкция с подобием ковша на верхушке.

— Что это такое? — спросила Нина.

В отличие от других отделов, где хозяйничали девушки, одетые в фирменные платьица, здесь стоял мужчина равнодушного вида. На вопрос Ниночки он ничего не ответил, а стал что-то переставлять под прилавком.

— Гражданин продавец, к вам обращается покупатель!

Роман Арсеньевич твердо усвоил разъяснения вечерней газеты о нормах поведения и взаимоотношениях между покупателями и работниками торговли.

— Улыбаться не обязательно, но ответить необходимо,— внушительно добавил он.

— Землечерпалка,— неохотно разъяснил продавец. Об улыбке не могло быть и речи.

— А как она работает?

— Да вот пригнешь ее, ковш раскроется...

Он согнул железку. Ковш не раскрылся. Продавец с сознанием человека, выполнившего свой долг, снова полез под прилавок.

Даже в этом неуклюжем, несовершенном создании человеческого разума для Романа Арсеньевича было больше прелести, чем в пучеглазой кукле. Но нелепо требовать, чтобы это понимало шестилетнее существо женского пола. Надо было возвращаться к прилавку с куклами.

— Купим землечерпалочку! — неожиданно решила девочка. Лицо ее сияло.— Правда, ведь она очень похожа на настоящую?

«Ах ты, умница моя»! — задрожало сердце Романа Арсеньевича.

Продавец удивился:

— Это все-таки для мальчиков больше...

— Ладно, ладно, чем мы хуже мальчиков! — веселился Роман Арсеньевич.

— Проданный товар обратно не принимаем.

Взяв чек, продавец вздохнул и стал упаковывать игрушку.

— Смотри, девочка, она вот как может складываться... И еще вот так... Вроде поленца получается... Все-таки, конечно, забава...

В обратный путь ехали не отец с дочерью — два единомышленника, избравшие в жизни одну дорогу...

Вечером пришел Илья Буркашов с женой Ириной. Пили чай. Буркашов, любимый ученик Романа Арсеньевича, уже доктор наук, рассказывал о встрече с молодыми астрофизиками Казахстана. За глаза он их хвалил: «Обещающие ребята, оригинальные идеи, смелые мысли». На встрече, наверное, раздраконил. Такая у него школа.

— И почему именно в Казахстане выявилась столь сильная группа?

Буркашов так говорит о каждой республике, но сейчас сказано к месту. От этого, пожалуй, можно оттолкнуться и выложить то, что Роману Арсеньевичу хочется довести до сведения присутствующих.

— Правильное воспитание — на природе... Здоровые духом, мозги не засорены...

Не мешало бы Людмиле Васильевне подхватить эту мысль. Обычно у нее с Ириной только и разговоров: «Ах, моя Ниночка!» «Ах, мой Сережа!» А сейчас как назло: «Театр на Таганке... Новые формы...»

— Ну, а как поживает Сережа? — задал он наводящий вопрос.

Ирина быстро ответила:

— Похвастать нечем — по пению тройка.

Это означало, что по остальным пятерки. Кокетство своего рода. И опять пошло: «Брехтовское направление... Ионеско...» Конечно, искусствоведу только дай аудиторию. Идей у них хватит. А его обычно догадливая жена старается набраться новых формулировок, чтобы потом блеснуть среди своих биологов. Конца не будет этой трескотне.

Он окончательно рассердился и решил взять дело в свои руки.

— Я сегодня с дочкой был в магазине,— сказал он совсем не к месту.

Разговор прервался. Все уставились на него.

— Мальчишкой я жил в коммунальной квартире и как счастье получал возможность пойти раз в месяц в кино. А у вашего Сережи кино каждый вечер дома. Я в двадцать лет впервые сел в автомобиль, а для моей Ниночки самолет — это быт!

Его все еще не понимали.

— Вы обратили внимание, что на улице люди почти всегда останавливаются и смотрят, как работает снегоуборочная машина? Почему? Да потому, что для современного человека в ее движениях больше прелести, чем в прыжках джина, появляющегося из волшебной лампы. Мы окружены реальными чудесами, нам выдуманных не нужно! Потребности души изменились даже у детей, а мы ничего не замечаем. Пойдемте! — Он вскочил и обвел широким жестом всех присутствующих.— Пойдемте, я покажу вам, что выбрала в игрушечном магазине моя дочь. А могла она выбрать что угодно!

Всей гурьбой они вошли в комнату, где на ковре, ласково приговаривая, хозяйничала Ниночка. Она рассаживала вокруг стола, заставленного маленькой посудой, куклу, двух мишек и пенопластового зайца. Роман Арсеньевич искал глазами новую игрушку и едва узнал ее. Землечерпалка возвышалась над столиком. Нелепо обряженная в красный платок и пышную юбку, она была похожа на чудовищную куклу.

— Что это такое? — строго спросил он.

Нимало не смущенная вторжением взрослых, Ниночка ответила отцу воинственно, словно и оправдываясь и наступая:

— Что же, ей в день рождения голой ходить?

— Так что же вы хотели нам показать?— допытывался Буркашов.

Но его жена уже все поняла.

— Ай-ай-ай,— заворковала Ирина, опускаясь на колени.— Это кто же сегодня празднует день рождения?

— Землечерпалочка. А это к ней гости пришли. Еще немножко подождут и будут чай пить.

— А чего же они ждут?

Девочка молчала. Все взглянули на Романа Арсеньевича. Но он тоже молчал.

— Нина! — для чего-то одернула девочку мать.

Младшая дочь Романа Арсеньевича таинственно прищурилась.

— Может быть, еще придет волшебница... превратит землечерпалочку в прекрасную принцессу...

ВОКРУГ ОПЕРАЦИИ „ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ"

Юрий СЕРГЕЕВ

В октябре — ноябре этого года в Израиле состоятся парламентские выборы. Поэтому каждый шаг, который сегодня предпринимают правящие круги, обусловлен в конечном счете именно этим событием.

Казалось бы, что перед приближающимися выборами сионистские лидеры Израиля должны были бы (хотя бы временно) демонстрировать «волю к миру», желание «ликвидировать ближневосточный конфликт» и т. д. Однако наблюдается обратное: военные провокации израильских милитаристов продолжаются, приобретают все более откровенный и наглый характер. Недвусмысленны и заявления правителей, разжигающих ненависть к арабским народам и военный психоз. Дело не только в безудержном экспансионизме, присущем всем планам и действиям израильских сионистских лидеров. Те израильские избиратели, которые получили весомые экономические выгоды в результате агрессивной войны, также настроены экспансионистски и милитаристски.

За историческими параллелями далеко ходить не приходится — примерно о таком же положении говорилось в воззвании ЦК Компартии Германии от 11 июня 1945 года. «Нашим несчастьем было,— подчеркивали немецкие коммунисты, говоря о годах фашистского правления,— что широкие слои населения потеряли элементарное чувство стыда и справедливости и пошли за Гитлером, когда он пообещал им сытую жизнь за счет завоевания и ограбления других народов».

Именно такие настроения части израильской общественности в немалой степени обусловливают акции и заявления правящей верхушки.

В ходе шестидневной войны, начавшейся вероломным нападением на арабов, израильтяне потеряли, по их сведениям, около 700 человек убитыми. Чем были «возмещены» эти потери? Захватом территории, в четыре раза превышающей территорию, отведенную Израилю ООН; захватом огромных материальных ценностей в оккупированных районах, ликвидацией стотысячной армии израильских безработных, частично призванных на военную службу, частично вовлеченных в сферу военного производства; притоком миллиардных сумм, извлеченных сионистами из кармана трудящихся других стран и обеспечивших сохранение достаточно высокого жизненного уровня рядового израильтянина; значительным расширением внутреннего рынка и увеличением производства легкой и пищевой промышленности на 1/3 (арабы на оккупированных территориях вынуждены покупать у захватчиков продукты питания и одежду); возможностью освободить евреев от выполнения трудоемкой черной работы, которую делают сейчас в самых различных отраслях хозяйства страны 25 тысяч арабов из захваченных районов, и т. д.

По мнению израильских сионистских политиканов, «игра стоила свеч» — кровавая игра, унесшая жизни тысяч арабов, лишившая крова сотни тысяч людей.

После того как Леви Эшкол занял кресло вдохновителя агрессии 1956 года Бен Гуриона, сионистская пропаганда рисовала Эшкола как израильского «голубя», но лишь до той поры, пока этот «голубь» не развязал июньской агрессии 1967 года вопреки увещеваниям «ястреба» — Бен Гуриона (выступавшего против этой авантюры по соображениям безопасности государства). Ныне же, когда кресло усопшего Эшкола заняла бывшая киевлянка, выпускница педагогической семинарии в Милуоки (США), перевалившая за седьмой десяток известная сионистская деятельница Голда Меир (до 1956 года — Меирсон), никто, даже сионисты, не пытаются охарактеризовать это событие как знамение каких-либо перемен во внутриполитическом и внешнеполитическом курсе израильского правительства. Все остается по-прежнему, начиная от состава кабинета министров, кончая непрекращающимися провокациями на границах с арабскими государствами.

Характеризуя взгляды и ориентацию нынешнего премьер-министра Израиля, корреспондент агентства Франс Пресс писал недавно: «В своей деятельности на посту министра иностранных дел Г. Меир ориентировалась на Запад, главным образом на США и Англию... Неоднократно призывая свергнуть доктрину «войн».., Меир в действительности утверждала политику «с позиции силы» в отношении арабских стран и решения арабско-израильского конфликта».

И это действительно так. Излагая свои взгляды на будущее оккупированных арабских территорий, Меир заявляла: «Не следует пробуждать аппетит у арабов (?) до тех пор, пока вопрос о возвращении чего бы то ни было не будет актуальным. А пока что предпочтительно вообще не поднимать этот вопрос».

Один из приспешников Меир — Якоби, член экономического комитета правящей партии МАИ, уточнил позицию своего премьера. Он сказал, что ныне основную часть нефти Израиль получает на захваченной территории Синайского полуострова, и подчеркнул, что, по его мнению, оккупированные нефтеносные районы можно было бы и возвратить арабам, но «по прошествии не менее чем... 20 лет» (!).

Однако даже такой стопроцентный ортодоксальный сионистский экспансионизм не способен сегодня удовлетворить наиболее реакционные круги воинствующих израильских националистов. Этим кругам позиция Голды Меир представляется старушечьей и смехотворной.

Недавно на улицы Тель-Авива и многих других городов Израиля были выставлены сотни обыкновенных конторских столов. За столами заняли место решительного вида молодчики, требовавшие от прохожих поставить свою подпись под воззванием, которое начиналось словами: «Голду Меир — в дом престарелых, Моше Даяна к руководству правительством!»

В Израиле ни для кого не секрет, что Голда Меир — временная фигура на посту премьер-министра государства. Ее избрание диктовалось прямой необходимостью несколько пригасить вспыхнувшую с еще большей силой после смерти Л. Эшкола борьбу за власть между Игалом Аллоном, заместителем премьера, и Моше Даяном, министром обороны.

В стране существуют две наиболее крупные политические группировки: группировка Аллона, в которую входят Голда Меир и большинство нынешних министров, представляющих партию МАИ (правосионистская «рабочая» партия), и группировка Даяна, также входящего в руководство МАИ, но одновременно поддерживаемого партией фашистского толка во главе с Бегином и влиятельными религиозными партиями. Так называемые разногласия между ними не носят принципиального характера и представляют собой самую обыкновенную «домашнюю» грызню в борьбе за власть. Обе группировки выступают за аннексии, за продолжение гонки вооружений, за «урегулирование» ближневосточного конфликта на кабальных для арабов условиях и т. д.

Оппозиция Даяну, который при иных условиях уже давно находился бы у власти, объясняется главным образом серьезным опасением большинства видных сионистских лидеров Израиля за собственную судьбу, так как широко известно, что установление военной диктатуры властолюбца Даяна будет означать жестокие репрессии не только против демократической общественности страны, но и против большинства неугодных коллег по сионистской партии.

Каковы возможности Даяна осуществить в отношении Голды Меир операцию «Дом престарелых» и одновременно изолировать ее преемника и своего единомышленника Игала Аллона? Прямо скажем, что эти возможности значительны, так как Даян способен расколоть перед выборами правящую партию МАИ и набрать (хотя и с трудом) необходимые для выдвижения на пост премьер-министра голоса.

Однако наиболее желанной (для реализации честолюбивых планов Даяна) является новая военная конфронтация с арабами, новый акт агрессии, способный создать условия для перехода всей полноты власти в руки нынешнего министра обороны.

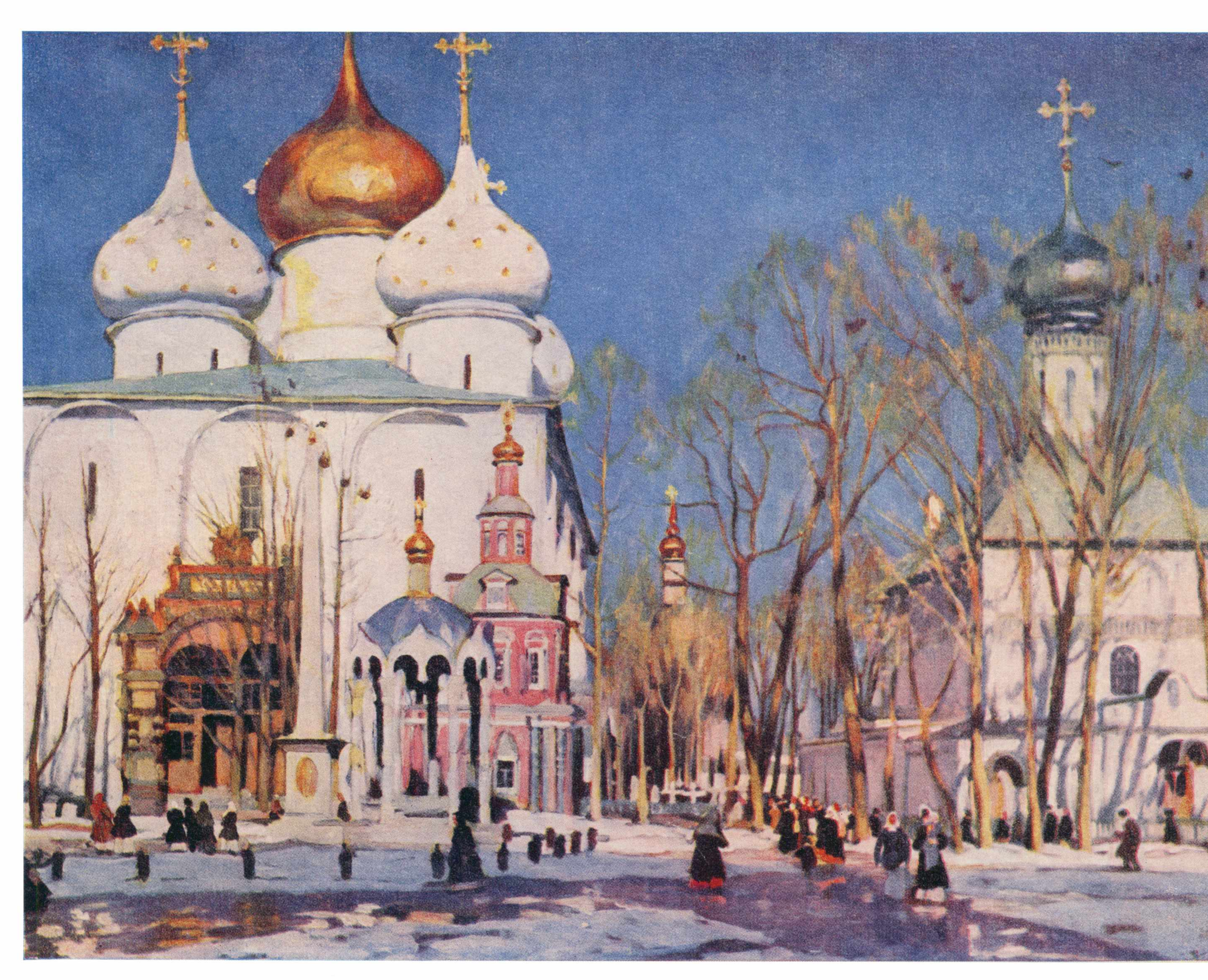
В обстановке, когда одна из наиболее реакционных и влиятельных группировок израильского правящего класса непосредственно заинтересована в развязывании именно в ближайшее время очередной крупной военной авантюры, арабский мир должен сплотиться еще более, проявлять бдительность, крепить боеготовность.

Силы разума и прогресса во всем мире, в том числе и в Израиле, активно выступают на стороне справедливого дела арабских народов, требующих, чтобы агрессор убрался с их исконных земель, чтобы была выполнена резолюция Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года, ликвидированы все последствия вероломного вооруженного вторжения. Мир внимательно следит за непрекращающимися опасными маневрами израильской реакции.

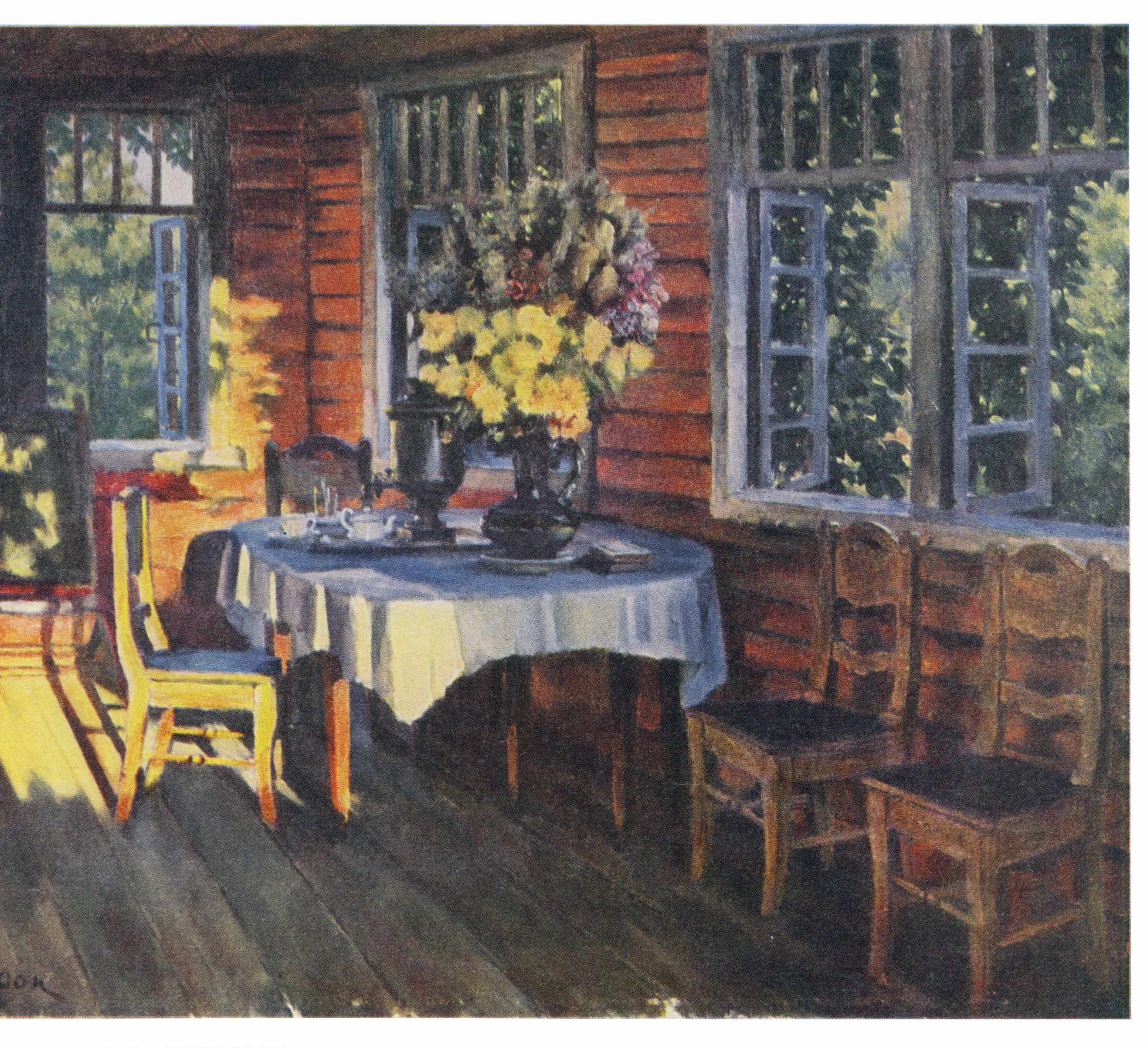
«В последнее время,— говорится в недавнем обращении Компартии Израиля ко всем демократическим и миролюбивым кругам израильской общественности,— активизировалась подрывная деятельность правоэкстремистских, милитаристских и антидемократических сил, которые стремятся провозгласить премьер-министром Моше Даяна. Целью этой кампании является установление в Израиле военной диктатуры и уничтожение всех демократических свобод».

В обращении КПИ содержится призыв ко всем прогрессивным силам Израиля объединиться в борьбе за изменение политики правительства, в борьбе за срыв махинаций израильских реакционеров, играющих судьбой народа.

21 марта в Тель-Авиве состоялся массовый митинг самых различных представителей общественности. Под одобрительные возгласы присутствовавших ораторы требовали от израильских властей незамедлительного выполнения резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, изменения политики и справедливого урегулирования ближневосточного конфликта. Этот действительно массовый и боевой митинг показал, что в недрах израильского народа все активнее зреет мысль о поддержке единственно возможной альтернативы нынешнему безрассудному, самоубийственному курсу правящих кругов, о поддержке политики, выраженной в лозунге Коммунистической партии Израиля: «Не с империализмом против арабских народов, а с арабскими народами против империализма!».

К. Юон. ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА. ВЕСНА

К. Юон. ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ

Начался очередной чемпионат СССР по футболу, но сезон уже в полном разгаре.

В дни, когда у нас звенели на льду коньки, а по снегу скользили лыжи, на другом полушарии нашей планеты было уже лето. Футбольные поля южноамериканских стран и Мексики стали ареной больших соревнований с участием многих европейских команд. И хотя все они проходят в рамках товарищеских турниров или просто самостоятельных поединков, внимание обозревателей и специалистов обращено к ним как к самым значительным спортивным событиям.

Чем объяснить такое оживление? Дело в том, что после английского чемпионата мира, который не внес существенных изменений в тактическую организацию игры, разногласия между тренерами все больше и больше приобретают характер свободной дискуссии, противоборства идей, страстей, намерений.

Им хочется выяснить силы и возможности будущих потенциальных соперников, посмотреть на новые формы игры, схемы расстановки футболистов, построение атаки, методы обороны. Им, наконец, хочется знать: правда ли, что поражение бразильцев и аргентинцев на английском чемпионате означало закат латиноамериканской школы, или это была случайная неудача команд?

Тактическая чересполосица, появившаяся на европейских полях в последние годы, заставила учащенно биться пульс тренерской мысли. Итальянцы, по их собственному выражению, ищут «философию атаки» и предают анафеме недавнего своего кумира, тренера Эленио Эрреро, западные немцы считают основой тактических основ скорость, французы встревожены стабильностью своих неудач, а англичане наконец подметили, что латиноамериканская школа многогранна.

Вот почему в Бразилии, Уругвае, Аргентине, Чили, Мексике высаживается один «футбольный десант» за другим. Через эти рубежи проходит европейский футбол. Ему понадобилась разведка боем.

Она уже началась и показала, что тревога была не напрасной, что иные команды застыли на своих тактических позициях. Не очень успешное выступление клубных и сборных коллективов Европы бросает дополнительный отсвет на эту проблему и вызывает новые поиски «футбольной истины».

За океаном уже побывали национальные команды ФРГ, Югославии, Польши, Болгарии, Венгрии, Италии, Дании, многие европейские клубы, в том числе московские «Динамо» и «Торпедо», сборная СССР. Разведка имеет и вторую задачу — «обстрелять» новичков. У многих европейских команд значительно обновлены составы. И южноамериканские футболисты были для них хорошими оппонентами и строгими ревизорами.

Летом можно ждать высадки «десантов» из Южной Америки в Европу. Команды, шествуя по планете, ищут наилучший футбол. Обмен визитами длится давно, а потому в какой-то степени стерлись грани латиноамериканской, среднеевропейской и англосаксонской школ. Но этнографические особенности, духовная культура народов, особенности быта, нравов откладывают некоторые отпечатки на игру.

Тренер сборной СССР Г. Д. Качалин. Фото С. Короткова.

ГЛУБОКАЯ РАЗВЕДКА

М. МЕРЖАНОВ

Глубокая разведка, повышенная активность тренеров связаны с предстоящим в будущем году очередным чемпионатом мира в Мексике. Отборочные игры, как известно, уже начались во всех европейских, африканских и американских группах. Ни в одной пока еще не определились победители, но сенсационные результаты уже налицо. Французы на своем поле проиграли норвежцам — 0 : 1, греки неожиданно одержали верх над призерами последнего чемпионата мира — португальцами — 4 : 2, бельгийцы обыграли команду Югославии — 3 : 0. К сенсации нужно отнести и то, что сборная Испании потеряла право на поездку в Мексику.

Сборная СССР начнет борьбу только осенью. Ее партнеры — северные ирландцы и турки — уже сыграли два матча между собой. Оба выиграли северяне — 4 : 1 и 3 : 0. Значит, они уже имеют 4 очка из 4 возможных. Это дает им значительное психологическое преимущество в матчах с нашими спортсменами. Поражения турецкой сборной послужили поводом для назначения нового тренера А. Гегича, которому поручено подготовить команду к играм с советскими футболистами.

Отборочные игры только начались, и никто еще по-настоящему не почувствовал аромата победы. Они закончатся в конце года. Для всех команд есть достаточно времени, чтобы не только ознакомиться с тактическими новинками современного футбола, но и подготовить команды для особых условий высокогорья, с разными высотами в Мехико, Гвадалахаре, Леоне, где будут проходить соревнования чемпионата.

Но оставим в покое отборочные игры других команд. Посмотрим, как идет подготовка нашей сборной. В отличие от прошлых лет подготовка команды, во главе которой вновь стал испытанный тренер Г. Д. Качалин, строится на новых принципах. Все игроки должны проходить тренировку в клубах под руководством их постоянных наставников. Лишь изредка и на короткий срок они появятся в составе сборной.

Таким образом, лучшие футболисты будут играть во всех календарных встречах своего клуба. Тем самым кладется конец искусственному ослаблению ведущих команд страны в их борьбе за золотые медали.

Меняет сборная и тактику. Она отказывается от применения глухой защиты в расчете на редкие контратаки, как это было в матчах прошлого сезона с командами Шотландии, Англии, Италии и Венгрии. На смену приходят наступательные действия, в том числе фланговыми форвардами, и активная игра полузащитников. Возрождается типичный для советской школы комбинационный стиль игры, к сожалению, утерянный некоторыми нашими ведущими клубами. Может быть, именно поэтому в линии атаки появилось много хороших форвардов, но не имеющих пока вкуса к коллективной, комбинационной игре. Это создает определенные осложнения при комплектовании линии атаки сборной. Тренеры испытывают некоторые трудности и при подборе крайних защитников, ибо увлечение игрой без фланговых форвардов породило новый, более универсальный тип крайнего защитника, умеющего хорошо выходить вперед, навешивать мячи, простреливать их вдоль ворот и даже совершать прицельные удары, но не умеющего исполнять свою основную функцию — отбирать мяч в единоборстве с фланговыми форвардами. Между тем в Европе вновь форварды занимают свои места на флангах. Английские клубы, которые одно время постоянно оттягивали крайних нападающих в линию полузащиты, сейчас платят большие деньги за так называемых чистых крайних форвардов.

Сборной команде СССР предстоит играть против североирландцев, имеющих очень сильных крайних, один из которых, Бест, признан в прошлом сезоне лучшим футболистом Европы.

Исходя из этого, наша сборная комплектует и тренирует новый состав, в котором есть чистые форварды, умеющие атаковать на флангах,— С. Метревели и В. Хмельницкий, и полузащитники, способные хорошо комбинировать,— В. Мунтян, В. Сахаров, А. Еськов, А. Чумаков.

Наконец, один из главных и новых принципов построения сборной — подбор спортсменов с высокими морально-волевыми качествами, безупречным поведением, умеющих отдавать все силы и мастерство для защиты спортивной чести Родины.

Этой стороне дела нынешнее руководство сборной уделяет особое внимание.

Предварительную, кратковременную подготовку сборная проводила на спортивной базе «Гумиста», близ Сухуми. Команда значительно обновлена, а потому появилась необходимость сблизить молодых игроков, впервые собравшихся в один коллектив. Мне довелось присутствовать не только на тренировках, но и на одном необычном сборе команды, который был назван «собранием взаимного знакомства». Здесь мы слушали и старожилов сборной, и футболистов, недавно прошедших международные испытания, и совсем молодых, впервые надевших красные футболки с буквами «СССР» на груди.

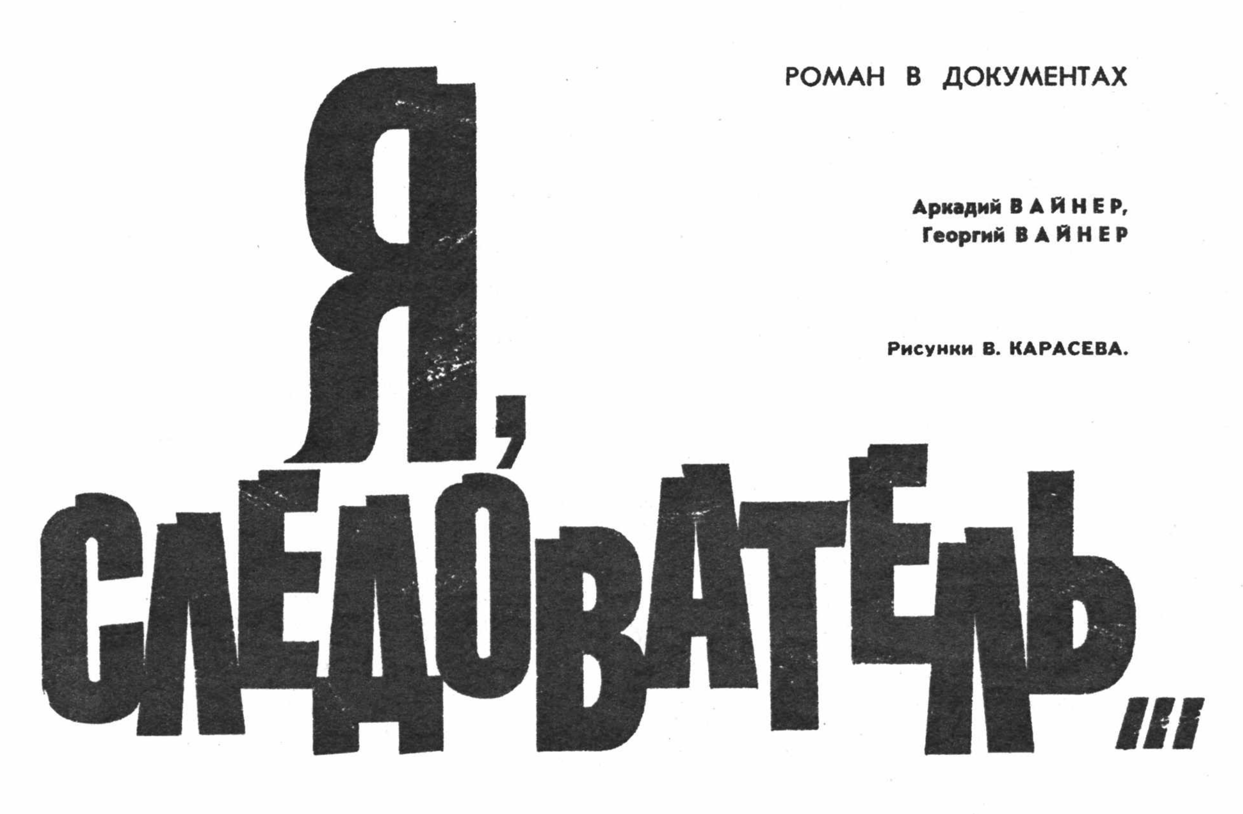
Первым представился и рассказал о себе Гавриил Дмитриевич Качалин. Его слушали с глубоким вниманием. Это, по существу, была живая история отечественного футбола. Сын слесаря на станции Сортировочная под Москвой, начинавший играть в тряпичный мяч, Качалин стал тренером, известным всему футбольному миру. Он не упустил случая сказать о высокой нравственности и волевых качествах спортсменов, без которых невозможно овладеть высотами мастерства.

Выступили все игроки. Они рассказывали о своих родителях, об учебе, о своей любви к футболу, об увлечениях. Говорили свободно, легко, уверенно, иные взволнованно. Приятно было узнать, что все они учатся в высших учебных заведениях, а трое окончили их, узнать, что шесть игроков владеют английским языком, Ю. Пшеничников — испанским, Б. Абдураимов знает турецкий и арабский языки.

Скромность и, я бы сказал, воспитанность чувствовались у всех выступавших: и у многоопытного мастера, имеющего блестящую футбольную биографию, Альберта Шестернева и у застенчивого Володи Мунтяна.

Прослушав игроков, мы получили хорошее представление о коллективе сборной, увидели его, как говорят геологи, во всех разрезах.

Так рождается жизнь новой команды. Она провела несколько матчей в Колумбии, Перу, Бразилии, Чили. Провела удачно. А вернувшись на Родину после латиноамериканского турне, игроки сборной начали борьбу на чемпионате страны в своих командах.

РОМАН В ДОКУМЕНТАХ

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

Рисунки В. КАРАСЕВА.

ЛИСТ ДЕЛА 12.

Участковый Городнянский пошел к Прокудину домой — делать обыск.

За окном давно замолкла гитара, из дежурки приглушенно доносились голоса милиционеров, неразборчивые слова. Я сидел, откинувшись на стуле, прикрыв глаза, и пытался построить какую-то схему. Но все рассыпалось, сочилось между пальцами, как белый речной песок.

Прокудин ведет себя непонятно. И приятель его, Дахно, видимо, тот еще гусь. Но какая может быть связь между ними и убитым? Завтра Наташа улетит. В два часа дня. А может, погибший все-таки иностранец? Возможно, возможно. Но там была машина. Его машина? Или чья? Катал он их, что ли? Да нет, ерунда все это. А может быть, он остановился на обочине, а те подошли и ограбили, а потом убили? Вряд ли, чепуха. Хорошо бы позвонить сейчас Наташе. Спит уже. Говорить не захочет. Ладно, поеду завтра, провожу, постараюсь объяснить.

Отворилась дверь, и вошел Климов. Ему было неудобно уйти сейчас домой, и очень хотелось спать, а по набрякшему лицу с мешками под глазами было видно, что он чертовски устал, и вообще все это ему совсем ни к чему. Я искренне сочувствовал Климову — в этом тихом месте сроду не бывало преступлений тяжелее, чем пьяная потасовка двух подгулявших курортников.

Я хотел ему сказать, чтобы он шел домой, но Климов опередил меня:

— Совсем замаялись?

— Ничего, я привычный.

— А у нас давно такого не бывало. Отвыкли мы здесь от такого. А борцы наши по молодости и вовсе не слыхивали.

— Какие борцы? — не понял я.

— Да работнички наши. Они же все время борются: первую половину дня — с аппетитом, а вторую — со сном.— И довольный своей шуткой, Климов засмеялся, тяжело колыша животом. Потом, посерьезнев, грустно сказал: — Вот только с пьяницами плохо. Никак мы это родимое пятно не выведем. Я слыхал, правда, что в Москве указ против них готовят. Как там, у вас, ничего об этом не слышно?

По коридору затопали шаги, и в комнату ввалился Дахно, за ним был виден Городнянский.

Климов сказал:

— Вот он, полюбуйтесь на него, пьяница проклятущий, бездельник! Ты у меня, Дахно, отгулял свое! Все! Отпелись твои песенки! Вот разберутся с тобой сейчас — или в тюрьму отсюда пойдешь, или работать. Другой дороги у тебя нету!

Лицо у Дахно было острое, наглое и испуганное. Косясь на меня, он одним духом, на высокой ноте, заблажил:

— За все оскорбления за ваши, дорогой начальник синих шинелей, я на вас не жалуюсь в высшие органы только потому, что люблю вас больше папы родного, поскольку я с детства круглый сирота!

Продолжение. См. «Огонек» № 14.

— Нахал ты и пьяница, а не сирота! — крикнул Климов.— Давно пора самому детей кормить на свои трудовые денежки, а не захребетничать!

В их перебранке было что-то домашнее, семейное, и я видел, что Климов искренне переживает из-за того, что Дахно бездельник и пьянчуга, что так и не сумел он заставить Дахно идти работать, а теперь Дахно может попасть в тюрьму, и что он не верит в его причастность к убийству на шоссе. Тогда я сказал отчетливо и негромко:

— Расскажите, Дахно, откуда на вашем пиджаке кровь.

Климов сердито сопел и от волнения все время расстегивал и опять застегивал пуговицы пиджака. Дахно торжественно поднял перевязанную грязным бинтом ладонь и сказал голосом трагическим, но нежным:

— Рука. Из руки пролита моя кровушка...

— Точнее?

Дахно воздел другую руку, на мгновение замер, а затем бросил их вниз, как дирижер в заключительном пассаже. Огромный, будто перевязанный, кадык прыгнул на худой грязной шее.

— Точнее некуда,— сказал он с искренней жалостью к себе.— На грузовике руку поранил. О грубый железный засов на борту. В момент перелезания через вышеуказанный борт в кузов. Во время движения вышеуказанного грузовика по шоссе. И брызнула кровушка на мой красивый спинджачок.

— Вышеуказанного перелезания...— повторил я.— А почему на ходу?

— Объясняю: не имею обыкновения отвлекать от работы водителей попутного автотранспорта.

— Как вы думаете, Дахно, зачем я вас об этом спрашиваю?

— А я об этом не думаю,— быстро ответил Дахно.— Не было такого указания.

— Тогда считайте, что указание есть. Думайте!

Дахно сделал вид, что он сосредоточенно думает, потом воскликнул:

— А-а!

— Ну?! — подался вперед Климов.

— Па-а-анятия не имею!

— Что ж ты врешь! Весь поселок об этом говорит! — взорвался Климов.

— Делать им нечего...— сокрушенно покачал головой Дахно.

— Это им-то нечего делать? — сквозь зубы сказал я.— Ну-ка, снимайте пиджак!

— Телесные наказания запрещены! — вскочил Дахно.

— И зря,— сказал я серьезно.— Мы ваш пиджак на экспертизу пошлем.

Дахно сделал вид, что до него только сейчас дошло, о чем речь:

— Понял. Это вы насчет убийства спрашиваете. Так мой пиджачок здесь ни при чем. Моя на нем кровушка. Я-то ведь покойничка и в глаза не видел.

— Мы это проверим,— заверил я его.

— Тогда я пойду пока,— полувопросительно сказал Дахно.

— Не стоит,— ответил я ласково.— Пока воздержитесь. В коридоре.

Дахно вышел, а через мгновение вновь открыл дверь:

— Я вспомнил...

ПРОТОКОЛ
допроса Михаила Дахно

Вопрос. Что Вам известно об убийстве на шоссе?

Ответ. Да, наверное, то же самое, что и Вам: убили парня, а за что да кто — неизвестно. Болтают, правда, что Асташева Федьки это работа...

Вопрос. Кто именно это говорит?

Ответ. Да в павильоне кто-то брякнул, будто Федька споил парня и ограбил его потом. Только навряд ли это.

Вопрос. Почему?

Ответ. Да ведь Асташев позавчера в павильоне рядом со мной выпивал со своим дружком из Симферополя. Когда ж ему было того парня спаивать? Нет, болтают просто. Может, зуб на Федьку кто имеет, вот и пустили слух. А в народе, известно, слух держится, как песок на вилах.

Вопрос. Расскажите подробно, где Вы были и что делали позавчера, второго сентября?

Ответ. У меня в дому живут курортники. Первого сентября они заплатили мне за жилье сорок рублей. Я пошел к павильону, встретил там Юрку Прокудина, и мы с ним распили бутылку и еще по две кружки пива. Потом еще дочку с мамой и сколько-то пива, я уже не помню...

Я удивился:

— Что значит дочку с мамой?

Дахно снисходительно пояснил:

— Бутылку, значит, с четвертинкой. Платил за выпивку я. Потом Прокудин ушел, а я выпивал еще с другими несколько раз. На другой день я спал до обеда, потом пришел в столовую, «сообразил» на троих. Опохмелился и решил поехать к бригадиру Тришину, на сорок третий километр,— он обещал меня на работу взять. А то участковый уже раза три грозился меня за тунеядство оформить. Хотя я всего три месяца не работаю. Так вот, вышел я на шоссе, гляжу, грузовик едет. Дай, думаю, чем пешком пять километров чапать, доеду. Прыгнул на задний борт, перевалился в кузов, да неудачно — левую руку в кровь о скобу разбил. Доехал до 43-го километра — там подъем крутой, с поворотом, машины медленно идут — выпрыгнул из машины. А шофер вдруг остановился и бегом — за мной. «Зачем,— говорит,— в машину лазил?» В общем, записал он меня в кабину и в отделение отвез. Пока суд да дело, заснул я там, на лавке прямо. А наутро, третьего, значит, оштрафовали меня и выпустили. Вернулся я домой, выпил с горя бутылку и снова весь день спал.

— А вечер?

— Вечером я к Юрке Прокудину зашел. Он как раз с Ялты приехал. Большой человек — при деньгах был. Он чего-то, говорил, на базаре продал. Мы с ним, конечно, понемногу выпили и тихо-мирно разошлись по домам.

Я остановил Дахно:

— Вы это точно помните?

— Точно. Выпили-то красного, да и того по полбутылки...

Вопрос. А что Прокудин продал в Ялте?

Ответ. Не знаю. Он только сказал, что был на «барахолке», а чем торговал — не говорил.

Вопрос. Есть ли у Вас оружие?

Ответ. Нет. И не было никогда. Удочек штук пять да сачок — это держу, а оружие мне ни к чему. Я человек мирный...

Вот так-то. А Прокудин утверждает, что он ни с кем не выпивает и с Дахно почти не знаком.

ЛИСТ ДЕЛА 13.

Я велел отправить Дахно на судебно-медицинскую экспертизу. Необходимо было, во-первых, выяснить группу крови на его пиджаке и сравнить с группой крови убитого. Во-вторых, хотя бы приблизительно установить время, когда он порезал ладонь.

Конечно, не скажу, чтобы этот Дахно вызвал во мне бурю гражданского негодования. Не было бури в моей душе. Да и устал я уже к тому времени здорово. Но вот чувство досады он у меня вызвал, это точно.

Меня иногда упрекают в нетерпимости, но я не считаю, что с такими барбосами возиться надо поменьше. И никто меня в этом не переубедит. Вот мы боремся с преступностью. Боремся организованно. Причем начинаем борьбу грамотно — с изучения причин, порождающих преступность. Даже институт такой специальный есть.

А вот этому Дахно наплевать и на институт и на всю нашу борьбу. Он сам, может быть, не совершил еще преступления. Но такие ребята — прекрасная среда для возникновения преступности. Причем смешная коллизия: воспитывать его вроде бы поздно — под тридцать мужику, а заставь его работать — он, видишь ли, сирота...

— Ну-у, фрукт,— сказал я Климову.— Слушайте, а чего вы в самом деле с ним тут возитесь, он же форменный тунеядец?

— Оно конечно,— согласился Климов. Потом сказал осторожно: — Глупый он еще...

Я удивленно посмотрел на Климова. А он неуверенно продолжил:

— ...Двадцать пять лет мужику, а он с пацанами запруды на речке ставит...

— Ну и что?

— Безобидный он. И все же действительно сирота,— тихо сказал Климов.

— Да что вы такое говорите, Климов? — сказал я с искренним недоумением.

Климов как-то испуганно, торопливо стал объяснять:

— Нет, я ничего... Конечно, они, пьяницы,— это самое, родимые пятна... значит. Позор... Да-а... Выводить надо...— И, помолчав немного, совсем неожиданно и растерянно: — Родимые... То-то и оно, что родимые, ножом не срежешь...

— Что-то я вас не пойму, Климов.

— Мы с его отцом почти до Кенигсберга дошли... Я вот вернулся...

Потом приехал Городнянский. Он вошел со свертком в руках, а за ним в косой раме дверного проема маячило бледное, запавшее лицо Прокудина на фоне красных милицейских околышей...

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

пос. Солнечный Гай, 5 сентября. Обыск начат в 0 час. 15 мин., окончен в 2 час. 10 мин.

«Участковый уполномоченный Городнянский на основании постановления СЛЕДОВАТЕЛЯ от 4 сентября о производстве обыска у гр-на ПРОКУДИНА Ю. И., в присутствии приглашенных в качестве понятых НИКОЛАЕВА М. П. и ГРИБОВА В. С. произвел обыск в квартире ПРОКУДИНА.

При обыске обнаружено и изъято:

1. Импортного производства свитер новый, синтетический, белый, с ярко-красным прямоугольным рисунком, размер 52, фирмы «Текса де люкс».

2. Импортного производства брюки новые, дакроновые, светло-серого цвета, размер 52, в импортном целлофановом пакете.

Других вещей импортного производства, а также каких-либо предметов, имеющих значение для уголовного дела, НЕ ОБНАРУЖЕНО.

Жалоб и заявлений при обыске не поступило».

ЛИСТ ДЕЛА 14.

Все, больше никаких дел сегодня не будет. Прокудин сказал, что разговаривать со мной не желает. Теперь надо ждать до завтра. То есть уже до сегодня, до утра. Если хоть один перемет я поставил правильно, то ответы на мои запросы как раз придут часов через десять.

Спать расхотелось. Я вышел на улицу и, запрокинув голову, подставил лицо под струйки дождя. Нет, дождь все-таки был еще летний. Теплым был этот ночной дождь, такие идут долго. И я поймал себя на мысли, что надеюсь: дождь задержит самолет и я смогу всерьез, по-хорошему поговорить с Наташей. Глупо. Глупо вообще что-то объяснять словами. Слова почти всегда мало стоят. Цену имеют только наши поступки.

Наташа завтра улетит, а я буду здесь. Буду шелушить зерна правды. Красота!

Я вернулся в кабинет, сел за стол и стал с самого начала читать накопившиеся за долгий сегодняшний день бумажки. Было три часа ночи. А потом я уснул, внезапно, как будто на меня накинули черный мешок. Я спал сидя, упершись локтями в стол, гордо закинув голову. Наташа стояла передо мной в белом халате, смеялась и показывала мне большой влажный букет роз:

— Этим цветам восемь лет, ты их подарил мне на свадьбу. А я их сохранила...

Я хотел спросить, как она смогла это сделать, но не мог и только улыбался. А она сказала:

— Когда ты спишь за столом, ты похож на статую командора... Командора... ора... ора... ора...

Я проснулся. Какая-то женщина кричала в коридоре:

— Командира вашего дайте! Пропустите меня к вашему начальнику!..

ПРОТОКОЛ
допроса Раисы Колесовой.

«...По существу заданных мне вопросов могу показать следующее:

Я родная сестра Юрия Прокудина. Сегодня, вернувшись с работы, я узнала, что у нас в доме был обыск, во время которого изъяли мои вещи, вернее, вещи моего мужа — Колесова Алексея Николаевича: свитер и брюки. Мне разъяснили, что Юрия подозревают в причастности к убийству на шоссе. Я считаю это невероятным, т. к. Юрий вообще неспособен на такое преступление. Кроме того, он вчера рано утром уехал по моей просьбе в Ялту, чтобы продать ненужные нам вещи моего мужа — замшевую куртку и пиджак. Обе эти вещи муж приобрел в заграничной командировке, но не пользовался ими, так как они оказались ему малы. Кстати, брюки, изъятые в нашем доме, составляли вместе с пиджаком целый костюм, но Алексей решил брюки оставить, поскольку они ему нравятся. Весь день Юрий пробыл в Ялте и вечером привез мне деньги. Отлучался он ненадолго и вскоре вернулся, ночевал дома.

Юрий не очень хорошо ведет себя: выпивает, недисциплинирован на работе, и нас, его родных, это огорчает, мы все делаем для того, чтобы он исправился. Но, несмотря на свои отрицательные качества, он в глубине души хороший парень и преступления совершить не мог. Поэтому я прошу отпустить его под мое поручительство, а также возвратить мои вещи, которые наверняка никакого отношения к делу не имеют.

Записано собственноручно
(КОЛЕСОВА).

Допрос произвел
СЛЕДОВАТЕЛЬ...»

Она мучительно мяла край платка большими руками с синими узлами вен и все время старалась заглянуть мне в глаза, а я смотрел в угол, как это делал недавно Прокудин. Потом мягко спросил:

— Раиса Ивановна, деньги, которые отдал Юрий, у вас с собой?

Она растерянно сказала:

— Нет,— подумала, помолчала.— Дома они.

— А сколько денег он вам отдал?

Колесова стала заливаться тяжелой, как свинцовый сурик, краской, долго молчала, невнятно проговорила:

— Двадцать три рубля.

— Это за пиджак и замшевую куртку?..

ЛИСТ ДЕЛА 15.

Наталья — человек удивительный. И самое удивительное в ней — что она никогда не врет. А ведь это очень, очень трудно — говорить всегда только правду. Огромное большинство безусловно честных людей достаточно часто вступает с правдой в напряженные отношения. И для этого вовсе не обязательно грубо лгать, потому что правда и так штука очень хрупкая. Можно промолчать, можно не сделать ударения или позабыть всего лишь одну деталь — и правды не станет.

Только много времени спустя я понял, как трудно жить человеку, если он всегда говорит правду — начальству и детям, друзьям и врагам. И меня больше не смешило, когда Наталья говорила мне строго, если я просил сказать каким-то докучливым людям по телефону, что меня нет дома:

— Не учись врать! — Это мне, уже не очень молодому человеку, вся жизнь которого проходит в узких коридорах лабиринта лжи.

И, может быть, не только своей работе, где я сталкиваюсь с людьми неожиданно, как с вынырнувшим из-за угла ночным прохожим, где я должен быстро знакомиться с ними, узнавать в них добро и зло и сразу принимать решения, я обязан сильно развитым чувством правды. Этим все-таки я обязан и Наташе.

Как всякое чувство, и это, шестое, благоприобретенное на службе, несовершенно. Часто оно дает пронзительный сигнал: «Ложь!» Но я не могу сообразить, зачем эта ложь, в чем она и где правда. Ведь мне нужна правда. Правда, и только правда! А я сижу лишь с одной стороны стола...

И все-таки именно работа убедила меня в том, что бывает ложь, которую нет смысла превращать в правду. Никому такая правда не принесет счастья, не даст удовлетворения. Тогда я говорю своему шестому чувству: «Тебя не спрашивали!»

Так я и сказал ему, когда слушал показания Колесовой. Потому что Прокудин врал, а Колесова не хотела говорить правды. Не давала она Прокудину никаких вещей для продажи. Он их попросту украл у сестры...

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

Я, СЛЕДОВАТЕЛЬ,

усматривая существенные противоречия в показаниях граждан ПРОКУДИНА Ю. И. и КОЛЕСОВОЙ Р. И., произвел между ними ОЧНУЮ СТАВКУ.

«...Общий вопрос: — Каковы отношения между вами?

Прокудин: — Колесова — моя сестра, и она меня очень любит.

Колесова: — Я подтверждаю показания Прокудина.

Вопрос Колесовой: — Расскажите, пожалуйста, как провел день третьего сентября ваш брат, Прокудин Юрий?

Колесова: — Он поднялся в семь утра. Я накормила его завтраком, дала деньги на автобус, и он поехал в Ялту, чтобы продать вещи моего мужа — куртку и пиджак.

Вернулся он вечером, часов в шесть, и отдал мне деньги. Из этих денег я ему дала десять рублей. Вскоре к нам зашел его приятель Миша Дахно, и они вместе ушли, однако ненадолго: минут через сорок Юрий вернулся, сказав мне мимоходом, что они с Мишей выпили бутылку вина. После ужина Юрий лег спать и до самого утра из дома не выходил.

Вопрос Прокудину: — Вы слышали показания Вашей сестры? Подтверждаете ли их?

Прокудин (после длительной паузы): — Выслушав показания своей сестры, я должен признать, что на предыдущем допросе говорил неправду. Сегодня утром я, как и все жители нашего поселка, узнал о происшествии на шоссе. А вчера вечером Дахно рассказал мне, что его накануне в окровавленном пиджаке поймал шофер на сорок третьем километре. Так как люди говорили, что тот парень, на шоссе, ограблен, я и подумал, что в первую очередь могут заподозрить меня. Почему? Потому что, во-первых, у меня с милицией отношения плохие, я у них вообще на подозрении. Во-вторых, дружок мой, Мишка Дахно, был пойман в окровавленном пиджаке недалеко от того места, где нашли убитого. И — как на грех — я в тот же день мужские вещи в Ялте продаю. На месте милиции я бы первый сам себя посадил. Поэтому я и врал огулом, надеялся, что пронесет: мол, и в Ялте я не был, и Дахно не знаю, и я не я. Но поскольку сестра говорит правду, то и я не хочу больше обманывать следствие. При всем том заявляю категорически: к убийству я никакого отношения не имею, убитого никогда не знал и не видел, за что и кем он убит — мне неизвестно.

Вопрос следователя: — Имеете ли вопросы друг к другу?

Вопрос Колесовой к Прокудину: — Скажи, Юрий, вот здесь, перед следователем, когда ты станешь человеком, когда возьмешься за ум?

Следователь: — Вопрос отводится, так как не имеет отношения к расследуемому делу...»

...Уголовное дело — предмет серьезный. Следователь не вправе заниматься вопросами, не имеющими прямого отношения к делу. Эти вопросы отводятся. Но ведь из жизни их не отведешь, эти вопросы проклятые. Кто же, кто же их будет решать?..

ЛИСТ ДЕЛА 16.

Пытаться найти убийцу, не зная даже имени убитого, наивно. Ведь почти никогда не бывает, чтобы один человек подошел к другому и убил его просто так. Что-то важное, очень важное происходило до этого, и только потом один был убит. Но, чтобы узнать, что происходило, надо хотя бы выяснить, кого убили. Кто он такой, убитый? Надо, надо узнать. Иначе дело погибнет на корню.

А ведь прошло больше суток с момента убийства. Уходит время, которое, быть может, мне никогда не удастся вернуть.

Часов в девять привезли протокол допроса того парня, с которым, по сообщению анонимщика, «Федька Асташев позавчера в павильёне вместе пили...».

«...Я, Рожков К. П., второго сентября с. г. был выходной и около двенадцати часов дня приехал в Солнечный Гай — искупаться и навестить своего приятеля Федора Асташева. Асташева я знаю три года. Он работал у меня в геологоразведочной партии в Саянах. Парень он, несомненно, честный и очень добрый. То, что было у него в молодости, давно прошло и позабыто. Как я знаю, сейчас он работает отлично...»

Начальник отдела «Горгеотреста» Рожков полностью подтвердил показания Асташева.

«...Вечером Асташев мне сказал, что у него два отгула и завтра утром он собирается съездить к своей девушке в Коктебель. Имя этой девушки — Нонна. Когда утром третьего сентября я проснулся, Федора уже не было, и соседка сказала мне, что он часа полтора назад уехал в Коктебель. Было около девяти часов. Я выпил молока и отправился домой. О происшествии на шоссе я ничего не слышал и не знаю. Ни у меня, ни у Федора огнестрельного оружия нет. В павильоне и на танцах нас видело много народу, и я не сомневаюсь, что люди это подтвердят.

Записано собственноручно —

РОЖКОВ».

Теперь надо было узнать, когда Асташев вернулся из Коктебеля.

ЛИСТ ДЕЛА 17.

Самолет улетает через два с половиной часа. Я позвонил домой и сказал Наташе, что приеду ее проводить прямо в аэропорт.

— Зачем? — сухо спросила она.

— Натка, я хотел поговорить с тобой...

— Ну, и говори.

— Нет, это не телефонный разговор.

— Ха! У нас все разговоры телефонные! — и положила трубку.

Да, похоже, моя семейная жизнь дала приличную трещину. Я снова набрал номер. Наташа долго не снимала трубку, потом звонки ей, видимо, надоели, и она сказала сердито:

— Слушаю!

— Вот ты и слушай, а не бросай трубку, — сказал я притворно веселым голосом.

— Слушаю, — сказала она грустно.

— Натка, ты зря сердишься. Я ведь не бездельничаю и не развлекаюсь. Дело паршивое попалось, — и торопливо добавил: — Но я все-таки надеюсь управиться с ним побыстрее и догнать тебя в Гагре.

Наташа молчала.

— Я прилечу на самолете, ты будешь встречать меня, и мы с тобой будем потрясающе гулять и развлекаться.

Наташа молчала.

— Ну, что ты молчишь? — не выдержал я. — Скажи хоть одно человеческое слово!

— А что я тебе скажу? — спросила она тихо, и я услышал, даже не услышал, а почувствовал, что она плачет.

— Наточка, Натка, ну зачем ты так? Ведь ничего же не произошло. Ну, плюнь. Я же через несколько дней прилечу.

— Брось, — сказала она незло, как-то очень устало. — Тебе, наверное, легче, когда ты считаешь меня дурой. У жен-дур и капризы дурацкие, поэтому с ними считаться не обязательно.

— Не пойму я, Наташа, о чем ты? Разве это так серьезно?

— Это серьезно. Очень серьезно. А разговор у нас несерьезный.

— Почему? — спросил я глуповато.

— Не знаю. Ведь это от тебя зависит. А ты почему-то все время делаешь вид, будто разговор идет об этом сумасшедшем отпуске...

— А о чем же?

— О том, что мы, наверное, устали друг от друга.

— Прости, не понял? — переспросил я испуганно.

— Понимать нечего, — сказала она тихо и помолчала. И не сразу, словно собираясь с духом: — Я тебе давно уже хотела сказать. Нам надо разойтись.

У меня было такое ощущение, будто я с разбегу налетел на бетонную стену.

— Так, — сказал я растерянно.

— Поверь мне, так будет лучше, — сказала Наташа.

— Так, — кивнул я, стараясь понять ее слова. Сначала удивление, а потом пробуждающаяся боль хлынули на меня, как вода из размытой плотины. И я заорал в черную равнодушную решеточку микрофона: — Но почему, почему?

А телефонный диск десятью дырочками-зрачками смотрел на меня ехидно, и в ушах звенели слова: «У нас все разговоры — телефонные».

— Потому что людям, которые не любят друг друга, жить вместе глупо и пошло.

— Но я-то люблю тебя!

— Может быть. Но я устала, — сказала Наташа грустно. — И претензии у меня, может быть, глупые, но я бы хотела, чтоб ты хоть иногда приносил мне цветы. Но ты всегда возвращаешься поздно. Цветов уже не продают. А украсть из чужого сада ты не можешь: ты же правопорядочный человек...

— Это разве плохо?

— Нет, хорошо. Но с каждым годом ты становишься скучнее.

Я подумал и сказал:

— И в театре мы с тобой недавно были...

— Были, — горько засмеялась Наташа. — Ты чèстно отмучился три часа.

— Ну?

— Да, нет, ничего. Здесь уже ничего не изменишь.

— Подожди, Наташа, не горячись, — сказал я торопливо. — Я приеду в аэропорт, и мы еще поговорим.

— Как знаешь... — и положила трубку.

И сразу же из Коктебеля позвонил Климов. Он разговаривал с Нонной Коньковой — «А денежки с Нонной в Коктебеле прогуляет?» Девушка полностью подтвердила алиби Асташева. Федор уехал из Коктебеля утром четвертого сентября. Похоже, что анонимщик пытался сбить меня со следа. Или просто сволочь. Асташев явно выходил из игры.

От всех этих дел и разговоров у меня дико заболела голова. Но я по натуре оптимист. Оптимист мрачного склада, по принципу «Сейчас хорошо, потому что потом будет хуже». И все-таки я верил, что сегодня мне удастся сделать все — сдвинуть наконец с места тяжелую машину следствия и успеть хоть бы замазать трещины в личной жизни.

Вот тут позвонил судебно-медицинский эксперт Халецкий и сказал, что есть важные сведения. Я работаю с ним давно и отлично знаю, что неважных сведений у него не бывает никогда. Поэтому я сказал:

— Ну и говорите!

Он похмыкал в трубку и сказал:

— Да, но это не телефонный разговор.

— У нас все разговоры телефонные, черт возьми, — сказал я раздраженно.

— Хорошо, — ответил он флегматично. — Слушайте...

«СРОЧНО!
СЛЕДОВАТЕЛЮ.

Направляю по Вашему запросу справку о результатах судебно-медицинского и биологического исследования.

1. Смерть неизвестного мужчины, обнаруженного утром 4 сентября с. г. на тридцать восьмом километре Ялтинского шоссе, наступила не более чем за восемь — десять часов до момента его судебно-медицинского исследования, т. е. не ранее 24-х часов третьего — 2-х часов четвертого сентября.

2. Порез на ладони левой руки гр-на ДАХНО М. С. возник 1—2 сентября в результате воздействия предмета с острым режущим краем.

3. Кровь человека, убитого на шоссе, относится к группе Оαβ (1) (Оαβ-1).

Кровь гр-на ДАХНО, равно как и кровь, обнаруженная на его пиджаке, относится к группе Aβ (II) и не принадлежит убитому.

Полное экспертное заключение будет Вам направлено после его оформления.

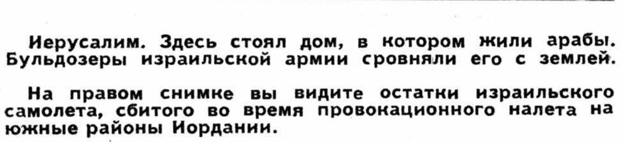
Эксперт
кандидат медицинских наук
ХАЛЕЦКИЙ».

5 сентября.

Продолжение следует.

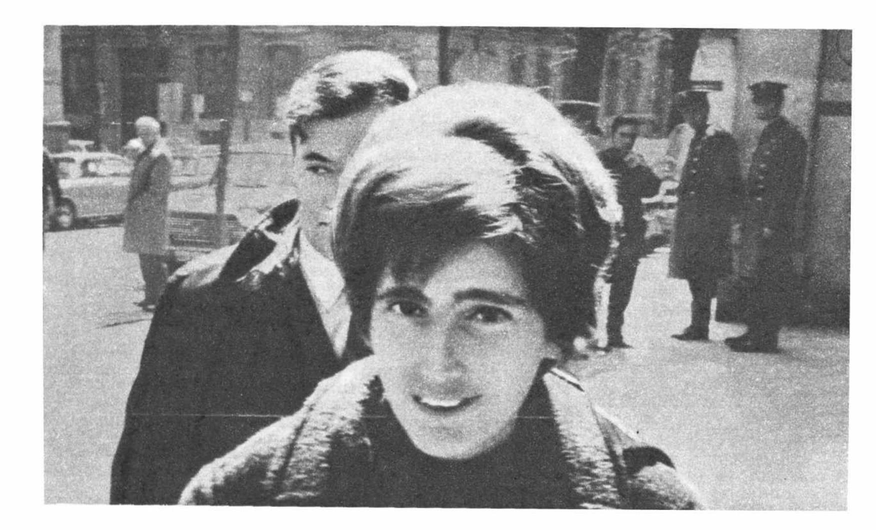

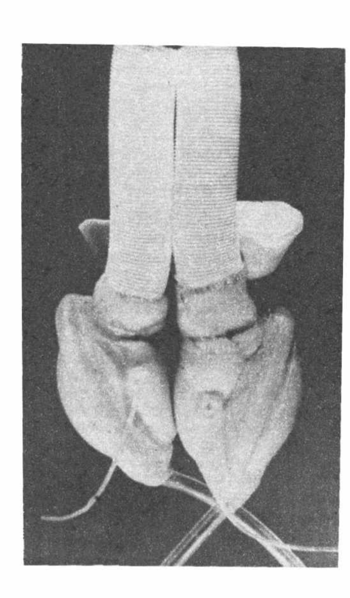
Иерусалим. Здесь стоял дом, в котором жили арабы. Бульдозеры израильской армии сровняли его с землей.

На правом снимке вы видите остатки израильского самолета, сбитого во время провокационного налета на южные районы Иордании.

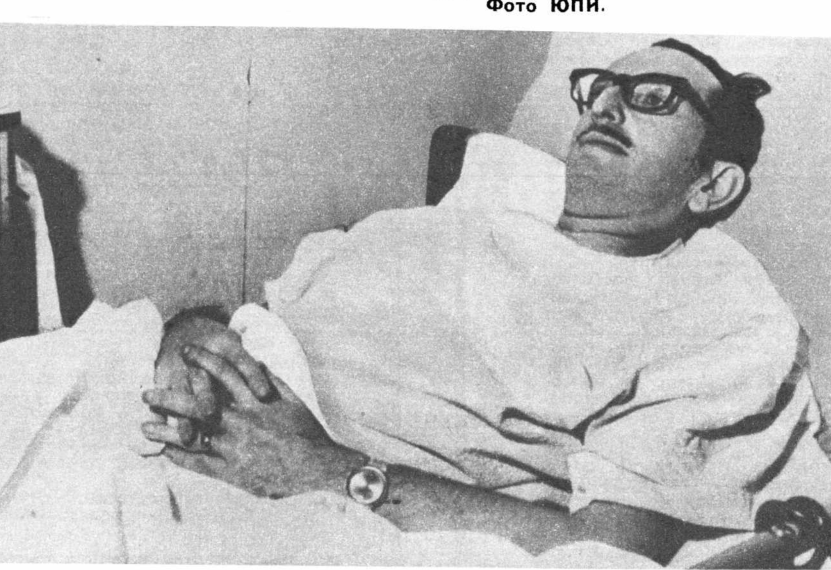

За участие в «незаконных» демонстрациях испанский суд приговорил герцогиню Сидонию к годичному тюремному заключению. Вся вина этой женщины — настоящей испанской патриотки — заключалась в том, что она активно поддерживала крестьян и рыбаков Паломареса, пострадавших в результате катастрофы американского самолета с термоядерными бомбами на борту.

Когда положение сорокасемилетнего американца Хаскелла Карпа, лежавшего в госпитале в ожидании пересадки сердца от донора, стало критическим, хирурги решились на рискованный шаг. Впервые в мире ему было пересажено искусственное сердце. Сложнейшую операцию провел доктор Дентон Кули. Через несколько дней искусственное сердце было заменено сердцем донора.

Фото ЮПИ.

انبـاء
موسكو
جريدة
أسبوعية

عاشت الصداقة السوفيتية العربية

كلمة تحية من نيقولاى بودغورنى

لقراء جريدة «انباء موسكو»

Так выглядит первая страница первого номера «Анба Моску».

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

Вышел в свет первый номер еженедельной газеты на арабском языке «Анба Моску», издаваемой Союзом обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. «Анба Моску» — четвертая сестра в семье «Московских новостей», издающихся на английском, французском и испанском языках. Наш корреспондент А. Игнатов встретился с главным редактором объединенной редакции газеты «Московские новости» Яковом Алексеевичем Ломко.

— На кого рассчитано новое издание «Московских новостей»?

— Прежде всего на читателей арабского мира, на иностранных гостей, владеющих арабским языком, и советских людей, изучающих его.

— Какие цели ставит себе газета «Анба Моску»?

— Информировать читателей о связях Советского Союза с арабскими странами, о развитии отношений дружбы и сотрудничества между нашими народами, рассказывать о жизни советских людей, об опыте строительства нашего общества. Арабским народам будет интересно узнать, как мы ликвидировали неграмотность, как создавали интеллигенцию из трудящихся, как проводили индустриализацию.

— Каков тираж газеты?

— Первый номер вышел на 8 полосах тиражом несколько более 20 тысяч экземпляров. С будущего года объем «Анба Моску» увеличится вдвое. К тому же почти каждый номер будет сопровождать приложение. В нем мы будем печатать тексты важнейших документов Советского правительства по вопросам внешней и внутренней политики. Мы думаем, что по мере ознакомления с газетой арабских читателей тираж ее увеличится. Мы надеемся, в частности, что «Анба Моску» будет распространяться во всех арабских странах.

— Какие материалы напечатаны в первом номере еженедельника?

— Читателей газеты приветствует Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный. Мы помещаем также репортаж о визите Н. В. Подгорного в Алжир, выступления председателя общества дружбы и культурных связей с арабскими странами С. В. Кафтанова, посла ОАР в Москве М. Галеба, муфтия Средней Азии и Казахстана Зияэддина Бабаханова, информацию о памятниках мусульманской культуры Самарканда.

ВТОРИЧНО ПЕТРОСЯН— СПАССКИЙ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Апрель, весна — пора шахмат.

Наконец-то после долгих переговоров проходит матч между Ноной Гаприндашвили и Аллой Кушнир. Этот матч по регламенту должен был играться еще в 1968 году. Но лучше поздно, чем никогда, и хорошо, что наконец-то чемпионка мира и претендентка на это звание заняли места за шахматным столиком в Тбилиси. Вторая половина матча играется в Москве. Таким образом, в мае у москвичей будет двойная нагрузка — следить за двумя матчами сразу: Гаприндашвили — Кушнир и Петросян — Спасский!

Итак, Борис Спасский второй раз предпринимает попытку отнять у Тиграна Петросяна титул чемпиона. Каковы шансы соперников на этот раз, что изменилось за три года?

Внешне все будет удивительно похоже на первый матч. На арене борьбы та же великолепная пара. Она займет место за тем же шахматным столиком, что в первом поединке, в том же, ставшем уже шахматным, театре эстрады. Матч от имени ФИДЕ открывает экс-чемпион мира профессор М. Эйве. Судьями снова будут А. О'Келли (Бельгия) и М. Филип (Чехословакия). Секундант Т. Петросяна, его творческий сотрудник — И. Болеславский; у Спасского снова И. Бондаревский. Словом, все повторяется.

Тигран Петросян, несомненно, не возражает повторить и спортивный результат встречи 1966 года.

Но Б. Спасский против «копирования». На этот раз он хочет учесть ошибки и промахи прошлого. Спасского три года тому назад упрекали в том, что он был недостаточно подготовлен и поэтому в ряде партий экспериментировал и применял в дебюте какие-то сомнительные гибриды.

Много будет зависеть от того, с каким теоретическим багажом, с каким чемоданом с вариантами придут в театр эстрады пара Спасский—Бондаревский. Кое-что в чемодане хранится, ибо в течение нескольких месяцев претендент готовился в тишине домашнего кабинета, в научном центре Дубне. В качестве советника по теоретическим и психологическим вопросам там находился гроссмейстер Н. Крогиус.

Понятно, что и Т. Петросян с И. Болеславским не дремали. Их штаб-квартира расположилась в Красной Пахре. Старшим консультантом по теоретическим вопросам был отличный практик и теоретик А. Суэтин. Таким образом, можно предполагать, что и чемпион и претендент вооружены до зубов.

Повторение — мать учения. В 1954 году В. Смыслов закончил матч с М. Ботвинником, «проиграв» со счетом 12:12. Но через три года Василию Смыслову вторая попытка принесла успех. Теперь Б. Спасский хочет действовать «по Смыслову». Может быть, не случайно супруги Спасские, получив подкрепление, назвали своего сыночка Василий?!

Успехи Б. Спасского накануне матча были просто блестящими. В турнире претендентов он подряд побеждает Е. Геллера, Б. Ларсена и В. Корчного! Причем самое удивительное, что сделал это претендент с легкостью, со стандартным счетом 5,5:2,5 из 8 партий.

На основании этих великолепных успехов многие считают, что шансы Спасского на этот раз выше. Но следует отметить, что против Т. Петросяна тренеру претендента Игорю Бондаревскому никак не удастся, несмотря на длительное пребывание в научном центре Дубне, запрограммировать — 5,5:2,5!

Нет, Т. Петросяна отличает тончайшее позиционное чутье и понимание позиции, чувство опасности развито прекрасно, он был, есть и останется невероятно тяжело пробиваемым шахматистом. Пусть в последнее время результаты в турнирах у Бориса Спасского значительно выше, чем у чемпиона мира. Турнир и матч — далеко не одно и то же.

5,5:2,5... Это значит, что надо выиграть три партии. Попробуйте выиграть у Петросяна три партии! Начиная с 1953 года Петросян и Спасский встречались около 40 раз. Большинство встреч закончилось вничью, четыре партии выиграл Петросян, три — Спасский. За шестнадцать лет Борис выиграл всего три партии!

Борису Спасскому тридцать два года. Хороший, вполне подходящий возраст, чтобы стать чемпионом мира. Но ведь и Петросян не старик. Сорок лет — прекрасный возраст для мужчины. Алехин считал, что к этому моменту шахматист должен находиться в расцвете своих сил. Разве Т. Петросяну захочется в сорок лет расстаться с почетным титулом чемпиона мира!..

Помню, как в 1966 году один ереванец, близкий друг чемпиона мира, скромно сказал: «Нам бы еще этот раз проскочить, а там, в 1969 году, не так уж важно...» Не сомневаюсь, что в Ереване, городе, где любят остроумие, снова скромничают: «Нам бы этот раз еще проскочить, а там, в 1972 году, не так важно...»

У Б. Спасского хорошие, крепкие нервы — важнейший фактор. Но и Т. Петросян на нервы не жалуется.

Что же, получается — шансы равные? Да, пожалуй, это будет самое точное определение возможностей чемпиона и претендента.

Правда, был один знаток, который высказался совершенно определенно: победит обязательно Спасский. Это был Виктор Корчной. Я говорю «был» потому, что так считал Корчной после его матча со Спасским в Киеве. В конце прошлого года на основании своих наблюдений за игрой Петросяна и Спасского на турнире в Пальма де Майорка Виктор Корчной взял свое слово обратно, теперь он считает, что исход матча на первенство мира окутан туманом...

Начинается бой. В прошлом матче соперники оказались достойными друг друга — как стратеги и как тактики.

Борьба двух ведущих гроссмейстеров и на этот раз будет равной. Т. Петросян не может с крупным счетом победить Б. Спасского, так же как Спасский не может в пух и прах разбить Петросяна.

Матчи на первенство мира всегда протекают напряженно. Это и для чемпиона мира и для претендента очень тяжелый хлеб. В час добрый! Тиграну Петросяну и Борису Спасскому!

В. БОРАХВОСТОВ

ЭТО СПОРТ!

Случается, если бильярдист обыграл бильярдиста, иные поднимают крик:

— Это не спорт! Это азартная игра!

Но как определить игру на бильярде, например, когда играют министр народного просвещения Луначарский и поэт Маяковский?

Вот что пишет об этом Н. Луначарская-Розенель в своей книге «Память сердца»:

«Это может показаться странным, но, кроме литературных, общественных и прочих серьезных дел, Анатолия Васильевича связывало с Маяковским их общее увлечение бильярдом. Это было тем более парадоксально, что Маяковский играл отлично, а Анатолий Васильевич весьма неважно и почти всегда проигрывал, но гордо отказывался от «форы»...

Если Анатолий Васильевич и Владимир Владимирович встречались в помещении, где был бильярд, пиши пропало: их как магнитом тянуло в бильярдный зал...

Однажды в Ленинграде... я вернулась после концертов в первом часу ночи, к моему изумлению, в номере было пусто, а на столе лежала записка: «Зашел Маяковский. К 11 вернусь». Я сейчас же позвонила в бильярдную. Мне сообщили, что Луначарский играет с Маяковским. Я попросила передать, что вернулась и жду. Через четверть часа Анатолий Васильевич позвонил мне, несколько виноватым голосом объяснил, как складывается партия, и обещал через пять минут быть дома. А через полчаса я, как карающая Немезида, стояла в дверях бильярдной...

Маяковский с папиросой в углу рта, без пиджака, гонял шары, и они послушно ложились куда надо. Анатолий Васильевич смотрел на это, как смотрят на прекрасный танец или статую».

Какой же может быть разговор об азарте, если человек смотрит с наслаждением на то, как его обыгрывают в разгромном стиле?

В этой игре, доступной всем возрастам, есть чисто спортивное увлечение, если партнер играет «весомо, грубо, зримо», броско, рисково и красиво.

И не только увлечение, и не только спортивное.

Я неоднократно был свидетелем того, как Маяковский во время игры вдруг начинал что-то шептать про себя и усиленно передвигать папиросу из одного угла рта в другой. Причем его глаза с отсутствующим выражением смотрели сквозь партнера. Может быть, именно в бильярдной родились у него стихи, которые вошли в его поэму «В. И. Ленин»:

Знал он
слабости,
знакомые у нас,
Как и мы —
перемогал болезни.
Скажем,
мне —
бильярд —
отращиваю глаз,
шахматы ему —
они вождям
полезней.

БИЛЬЯРД ПРОДЛЕВАЕТ ЖИЗНЬ

КЛЕОПАТРА:
...Мы сыграем на бильярде с тобой, Хармиана.
ХАРМИАНА:
У меня болит рука. Играйте с Мардианом.
КЛЕОПАТРА:
Что с евнухом, что с женщиной играть. Не все ль равно?

Шекспир. «Антоний и Клеопатра».

После длительной, очень усидчивой работы человек ненормированного дня бывает рад поразмяться вокруг бильярда.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что писатели, проводящие иногда за письменным столом не восемь часов, а восемнадцать и двадцать, любят заниматься этим видом спорта.

На бильярде играл Шекспир.

Не отмежевывался от бильярда и Пушкин и даже увековечил его в стихах и прозе:

ПЕРВОПРОХОДЦАМ КОСМОСА ПОСВЯЩАЕТСЯ...

...В художественной литературе особенный интерес вызывают произведения, где есть попытка раскрыть новое, заглянуть в будущее. Этим, в частности, привлек внимание к себе недавно вышедший в свет роман Геннадия Семенихина «Лунный вариант».

Думается, что его заметят наши читатели, интересующиеся литературой о людях, делах и перспективах новой науки — космонавтики...

Герман Титов.

Герман Степанович Титов очень верно определил основную особенность романа Геннадия Семенихина о космонавтах — свежесть и новизну материала. Объектом изображения писателя стали первопроходцы космоса, героическая жизнь и подвиги которых вот уже восемь лет потрясают умы и сердца людей во всем мире.

Первая книга романа — «Космонавты живут на земле» — вышла в свет двумя годами раньше. С ней уже познакомился широкий круг читателей, и они, безусловно, обратили внимание на то, как тщательно, со знанием дела и с любовью рисует автор образы первых покорителей космоса. В центре повествования — Алексей Горелов, юноша с нелегкой судьбой, сын офицера, погибшего на войне, всей своей сутью советский молодой человек послевоенной формации. Много было поломано критических копий в споре о том, каким надо показывать в литературе героя наших дней. Мне кажется, что Геннадий Семенихин, создав образ Алексея Го-

Геннадий Семенихин. «Лунный вариант». Воениздат. 1968.

для мужчин

И Таня входит в дом пустой,
Где жил недавно наш герой.
Она глядит: забытый в зале
Кий на бильярде отдыхал.

А в «Капитанской дочке» он описывает борьбу Гринева со скукой: «Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошел бродить по всем комнатам. Вошед в биллиардную, увидел я высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными черными усами, в халате, с кием в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркером, который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под биллиард на четвереньках. Я стал смотреть на их игру...»

Частенько поигрывал на бильярде и Лев Толстой. Этот вид спорта даже вдохновил его на такое бессмертное произведение, как «Записки маркера».

Много и методично играл на бильярде Марк Твен.

Играл и Александр Дюма-отец. Вот что пишет об этом А. Моруа в своей книге о Дюма: «С утра до вечера... Дюма работал на втором этаже, покрывая большие листы голубоватой бумаги своим писарским почерком, а по вечерам он спускался в бильярдную».

Не открещиваются от кия и шаров и наши современники.

Играют на бильярде все: писатели и композиторы, художники и артисты, архитекторы и профессора, рабочие и директора. Играют и космонавты. Им этот вид очень полезен. Особенно после временной, но длительной «прописки» на тесной жилплощади сурдокамеры.

Бильярд развивает тело, упражняет мысль и веселит душу, ибо во время игры всегда идет «великий треп» самих участников и болельщиков. Зрители комментируют соревнование гораздо остроумнее комментаторов радио, делают замечания, подают советы, дополняют реплики соседей, и все веселятся, а смех, как известно, продлевает жизнь. Недаром восточная мудрость гласит, что приезд в город одного клоуна приносит населению больше здоровья, чем сто ослов, груженных лекарствами.

Это соединение смеха со спортивными упражнениями на бильярде значительно отдаляет финиш жизни.

Хемингуэй, например, тоже играл на бильярде, и в своей книге «Прощай, оружие!» он описывает, как главного героя романа, лейтенанта итальянской армии, уже давно и изрядно поднаторевшего в игре, обыграл глубокий старец.

Вот что сказано об этом состязании: «Он очень красиво разыграл партию, и, несмотря на фору, я только на четыре очка обогнал его к середине игры...

Графу Греффи было девяносто четыре года. Он собирался дожить до ста и играл на бильярде с уверенной свободой, неожиданной в этом сухоньком девяносточетырехлетнем теле.

Он дал мне пятнадцать очков форы и обыграл меня».

Маршалу Советского Союза Семену Михайловичу Буденному давно за восемьдесят, но он продолжает заниматься этим видом спорта и советует то же самое делать другим: «Бильярд — это один из видов физкультурной закалки, причем очень хороший, универсальный вид, особенно для пожилых мужчин и женщин. Вот когда вам стукнет пятьдесят, врачи начнут рекомендовать: «Берегите здоровье». А чтобы беречь, надо его иметь! Бильярд и поможет иметь его и беречь».

ФИЗИКА + МАТЕМАТИКА + ЗДОРОВЬЕ

Каждый раз, как шар ударялся о два других, из зеленого небытия возникала новая геометрическая фигура...

Ломаные линии, по которым двигались шары, зависели от величины углов, подчинялись законам геометрии и физики. Энергия, которую он посредством кия передавал шару, и незначительная энергия трения — все это поддавалось вычислению.

Генрих Бёлль
«Бильярд в половине десятого».

Этот вид спорта испокон веков вдохновлял ученых всего мира. Они видели в бильярде не только игру, укрепляющую здоровье, но и наглядное пособие для своих научных изысканий.

В мире существует несколько ученых трудов, посвященных бильярду.

Так, например, в 1835 году в Париже вышла книга Г. Кариолиса «Математическая теория эффектов бильярдной игры». В 1883 году французский математический журнал напечатал пространную статью под заглавием «Комментарии к математической теории бильярдной игры».

Этим видом спорта интересовались с научной точки зрения ученые М. Остроградский, С. Чаплыгин, Пуассон, И. Эйлер и Льюис Кэррол, который известен больше как автор написанной между делом сказки «Алиса в стране чудес».

Наш известный популяризатор точных наук Перельман в своей книге «Занимательная геометрия» приводит даже целую задачу о бильярдном шаре: «Послать бильярдный шар в лузу не прямым ударом, а заставить его удариться об один, два или даже три борта — это значит решить «в уме» геометрическую задачу «на построение».

В этих случаях важно правильно найти точку для первого удара шара о борт. Дальнейший его путь пойдет по закону отражения (угол падения равен углу отражения)».

Из этого явствует, что бильярд основан на законах точных наук и что при его посредстве можно доказывать даже такие отвлеченные понятия, как некоторые парадоксы теории относительности. В частности, один из них, который рассматривает равномерное прямолинейное движение тел относительно неподвижных звезд.

Вот что по этому поводу говорится в научном труде В. Смилги «Очевидное? Нет, еще не изведанное»:

«Эйнштейн распространяет принцип относительности на все законы природы.

Равномерное прямолинейное движение относительно неподвижных звезд ни на что не влияет...

Чтобы не углубляться в детали, проведем СОВЕРШЕННО ТОЧНУЮ АНАЛОГИЮ (подчеркнуто мной.— В. Б.).

Если в салоне равномерно плывущего корабля играть в бильярд, то все будет происходить так же, как и на твердой земле. Бильярдным шарам безразлично, летят ли они по направлению движения, или против движения, или под углом в 90° к курсу корабля.

Шар, пущенный от одной стенки к другой по направлению движения и отраженный затем назад, затратит на путь «туда» такое же время, как и на путь «обратно».

Шар, летящий перпендикулярно направлению движения корабля, также «не знает», что корабль движется; он ударяется о борт стола точно против того места, откуда вылетел. Движение корабля не «сдует» шар в сторону».

В бильярдном спорте существует много разновидностей игры. Это не настольный теннис и не футбол. Тут соперники выбирают любой из многочисленных видов соревнования: «пирамидку», «американку», «алагер», «подкатку», «финку», «пирамидку — счет шарами», «кладку по солнцу» и т. д.

В нашей обширной стране большой популярностью пользуются три вида соревнований на бильярде. Это «пирамидка», «американка» и «алагер».

В «американку» обычно играют начинающие спортсмены, когда бильярдисту необходимо сначала овладеть кладкой шаров.

В «алагер» играют в тех случаях, когда в бильярдной вдруг сразу появляется много любителей бильярда.

В «пирамидку» играют опытные спортсмены, ибо это самый трудный вид бильярдного спорта и самый «техничный».

Маршал Буденный пишет, что бильярд помогает ему сохранять здоровье. Чемпион мира Петросян утверждает, что этот вид спорта «поддерживает форму при подготовке к соревнованиям». Народный артист СССР Жаров замечает, что «лично для меня бильярд — великолепный спортивный тренинг».

Так что играйте на бильярде!

релова, отвечает тем, кто считает, что нет вокруг нас людей, во всем достойных подражания.

Автор показывает в облике своего героя те черты, которые сами собой связываются у нас с реальными летчиками-космонавтами — лучшими сынами нашего народа. «Авиация — колыбель космонавтики»,— говорят авиаторы. И автор доказывает это на примере судьбы своего героя.

По-летному непосредственны и теплы отношения в коллективе космонавтов, где и беда и радость на всех одна. Выручить друга в трудную минуту здесь — высшая честь. Автор приводит замечательный эпизод: во время парашютных прыжков капитан Камнев с риском для жизни спасает Женю Светлову. И когда ему говорят о подвиге, он хорошо понимает, что так же поступил бы каждый на его месте. Это выражает самую суть отношений, сложившихся в дружном коллективе.

Жизненно-убедительна в романе линия взаимоотношений конструктора нового корабля «Заря» и космонавта. Конструктор Тимофей Тимофеевич выступает в романе как продолжатель традиций известного ученого академика С. П. Королева. Королев в работе над первыми космическими аппаратами непременно учитывал мнения и пожелания тех, кому придется на них летать. Так же поступает в книге Г. Семенихина конструктор Тимофей Тимофеевич. Поэтому и созданный им лунный корабль воплотил в себе достижения науки и опыт летного мастерства.

Как ни ярки в романе приготовления к космическому рейсу, кульминацией всей этой работы, безусловно, является сам полет. Кульминация романа — описание полета героя в космос. Здесь Г. Семенихин проявил значительное литературное мастерство. Полет вокруг Луны космонавта Горелова изображен писателем динамично и впечатляюще.

Нет сомнения, что новые успехи в космосе вдохновят художников пера на новые яркие произведения. Добрый почин Геннадия Семенихина показывает, сколько увлекательных возможностей открывает перед писателем благородная и героическая космическая тема.

А. ПЕТРОВ

ПРОДОЛЖАЕМ ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ЧАЯ

КАФЕ «ТРИ ЗВЕЗДОЧКИ»?

Присаживаюсь за освободившийся столик. Прошу официантку: «Грузинского, пожалуйста...»

— Грузинского сегодня нет. Есть ликеры, «Старка»...

Я-то просил чая, а официантка имела в виду напитки покрепче, судя по всему, куда более распространенные в кафе, лишь ошибочно названном «Русский чай». Ему пристало бы название «Три звездочки». После статьи «Пасынок общепита» (см. «Огонек» № 47 1968 г.) начальник Главного управления общественного питания Мосгорисполкома тов. Шевелев заверил редакцию и заместителя председателя Мосгорисполкома тов. Дербина (а так как письмо это было опубликовано, то и читателей журнала) в том, что кафе «Русский чай» прекращает продажу вин, а тем более особо крепких напитков. Но сегодня на стойке — бутылки с этикетками самых прославленных винзаводов.

Распоряжение еще не дошло до администрации кафе? Возможно. Тогда я заглянул в кафе после выхода в свет № 11 журнала «Огонек», в котором и было опубликовано письмо тов. Шевелева. В меню — три сорта чая. А на стойке — портвейн, ром, мускат, четыре разных ликера... Мы поинтересовались накладной: в чайную привезены десятки бутылок «Старки», около 150 — ликера. Н-да... «Профиль» кафе подчеркивали и другие строчки меню: капуста квашеная, сайра с лимоном, мясо заливное. Пей и закусывай. О том, что кафе это теперь рассчитано не на любителей чая, говорят и часы его работы: оно открывается лишь в 10 утра. А закрывается поздно вечером.

По части чаепития еще хуже обстоит дело и в других кафе и ресторанах. В «Лире» еще более убогий, чем прежде, чайный стол, способный разве что скомпрометировать чай. В кафе «Московское» чайный стол разместили едва ли не в холле, около стола администратора, в самой неуютной части. Сойдет — чай ведь...

Странно выполняют в московских кафе распоряжение начальника Главного управления общественного питания.

К. БАРЫКИН

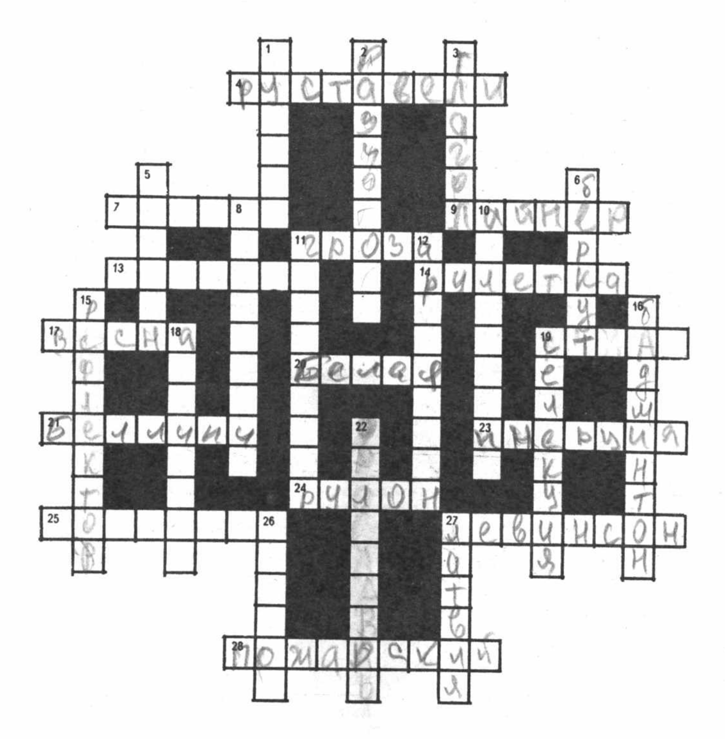
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Грузинский поэт XII века. 7. Областной центр в РСФСР. 9. Многоместный самолет. 11. Пьеса А. Н. Островского. 13. Средний уровень водоема. 14. Инструмент для измерения длины. 17. Время года. 19. Искусственный камень. 20. Приток Ангары. 21. Французский композитор. 23. Свойство тел сохранять состояние покоя или движения. 24. Цилиндрический сверток. 25. Советский кинорежиссер и драматург. 27. Персонаж романа А. А. Фадеева «Разгром». 28. Воевода нижегородского ополчения.

По вертикали:

1. Печатный шрифт. 2. Радиотехническое устройство. 3. Часть речи. 5. Стихотворная строфа. 6. Птица семейства ястребиных. 8. Советский лингвист. 10. Иносказание. 11. Прибор для относительных измерений ускорения силы тяжести. 12. Древнегреческий комедиограф. 15. Отражательный телескоп. 16. Спортивная игра. 18. Шведский физик XIX века. 19. Отбор. 22. Древний русский город. 26. Остров на Байкале. 27. Союзная республика.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

4. «Гайдамаки». 6. Ариетта. 8. Клумба. 11. Неврев. 13. Ниагара. 14. Орлова. 16. Сфинкс. 17. Федин. 18. Октод. 21. Анкона. 22. Арахис. 23. Верстак. 25. Ателье. 26. Африка. 28. «Холопка». 29. Сенбернар.

По вертикали:

1. Сарафан. 2. Баден. 3. Украина. 5. Глумов. 7. Терция. 8. Караганда. 9. Календарь. 10. Вариометр. 12. Викторина. 15. Арена. 16. Скопа. 19. Монета. 20. Малина. 23. Верхнее. 24. Караван. 27. Шопен.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00063. Сдано в набор 25/III-69 г. Подписано к печ. 8/IV-69 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 408. Заказ № 928.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

У НАС В ГОСТЯХ

Гитаристы Лаци Дашкенти, Иограф Иошка и певица Вера Ильинская-Придворова — это трио исполняет цыганские и мадьярские песни, романсы. Но каждый еще и солист с собственным репертуаром. Дашкенти поет, а Иограф Иошка так виртуозно владеет инструментом, что кажется, слушаешь целый ансамбль гитар. Вера Ильинская-Придворова поет старинные романсы и новые песни на стихи советских поэтов. А у многих зрителей до сих пор в памяти плясунья-цыганочка, которая с четырнадцати лет ездила с концертными бригадами по фронтам.

Г. СМЕТАНИНА

На снимке: Лаци Дашкенти, Вера Придворова и Иограф Иошка в гостях у «Огонька».

Фото А. Гостева.

Вера **ИЛЬИНСКАЯ-ПРИДВОРОВА**

Недавно мне с моими товарищами по сцене пришлось выступать в воинской части, над которой шефствует московская эстрада. После выступления артистов командир, зная, что нам предстоит двухчасовой путь до дому, почти насильно усадил всех за стол перекусить на дорогу.

Батя, как называли ласково своего командира солдаты, сел рядом со мной и, посмотрев в глаза, сказал:

— Знаете, в моей жизни много было встреч с цыганами, но одну из них я помню до сегодняшнего дня и даже храню одну вещицу, некогда принадлежавшую цыганке.

— Как это было? — спросила я.

— Только что закончился концерт московских артистов в одном из подразделений Воронежского фронта. Бойцы плотным кольцом обступили молоденькую цыганочку, совсем еще девчонку. Хваля ее за песни и пляску, протягивали ей подарки. Один — трофейный шоколад, другой — чудом сохранившийся довоенный флакон духов, третий — вырезанный из корня танк. В общем, каждый хотел сделать для нее что-то приятное. Цыганочка, заваленная подарками, смеясь, просила:

— Довольно! Куда я их дену? Нам еще ездить и ездить по вашим частям. Не просить же мне у генерала специальную машину?

Вручив подношения, солдаты шутили:

— Ты смотри, если тебя кто обидит, то кати прямо к нам. Зачислим в часть, поставим на довольствие. Будешь до самого Берлина нам петь.

В минуту, когда бойцы притихли, Костя Фролов, показав на одну из туфелек девушки, сказал:

— Посмотри, ты, наверное, не видела? У тебя сломался каблучок.

И тут же, нагнувшись, снял красную туфельку с ноги.

— Приходи после обеда, подкую,— сказал он, засунув туфельку под телогрейку.

Как бывает на фронте, обед состоялся только в десятом часу вечера. Не успели артисты дойти до КП, как на дивизион обрушился налет, а вслед за ним фрицы перешли в атаку. После боя за миской щей Костя шутливо рассказывал:

— Хлопцы, я сейчас этой туфелькой целое отделение фрицев на землю положил. Я по запарке, когда немцы к окопам подбегали, вместо гранаты туфельку бросил. Так они с перепугу все разом полегли. Сейчас доем и пойду нашей цыганочке туфлю-гранату вручать.

Костя вернулся минут через сорок и с расстроенным видом доложил, что артисты уехали в штаб фронта и, как теперь быть, он не знает.

Один из бойцов предложил:

— Давай туфельку мне. Я сейчас с майором еду в штаб. Скажу, боец Фролов с ней, как с талисманом, в бой ходил. Остался жив. Благодарит и низко кланяется.

Но он артистов в штабе не застал. Передал туфельку кому-то из связных с просьбой вручить хозяйке. Долго кочевала туфелька по подразделениям и наконец вновь попала в Костин батальон. Так она и осталась у Фролова в память о маленькой певунье-цыганочке.

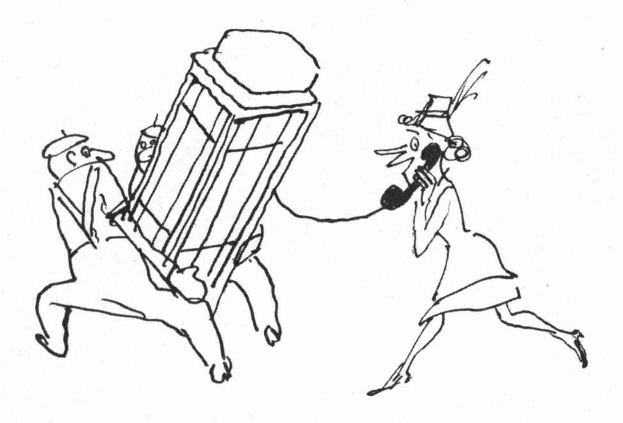
Я весело рассмеялась:

— Так вот что значат для женщины двадцать шесть лет. Вы и не подумали, что перед вами та самая цыганочка...

На первой странице обложки: В долине Нила. Окрестности города Асуана. См. в номере очерк А. Софронова «Неделя в Египте».

На последней странице обложки: В Подмосковье пришла весна. Выглянула из-за березы косуля, поймала солнечный луч и замерла — греется...

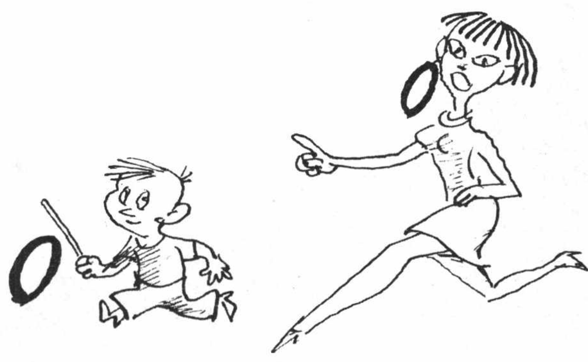
Фото Ю. Кривоносова.

— Извини, нас прервали.

Для настоящего моржа и весна не помеха...

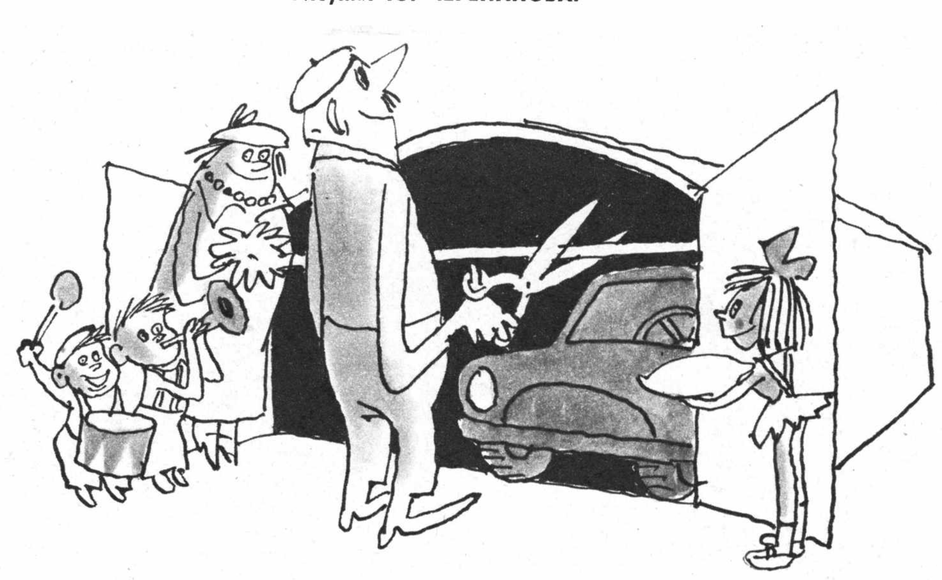
— Отдай сейчас же.

Весна пришла.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

После того как расправились с репкой...

Перед открытием весеннего сезона.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.